

И. Д. БЪЛЯЕВЪ.

О

ДОХОДАХЪ

МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

ИЗДАНИЕ

Императорскаго Общества Истории и Древностей Россійскихъ при
Московскомъ Университетѣ.

МОСКВА

Типографія Штаба Московскаго военнаго Округа

Остоженна, д. военнаго вѣдомства.

1885.

Изданіе прерывается на стр. 168-й.

2011109952

О ДОХОДАХ МОСКОВСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Чтобы вѣрнѣе судить о Государственныхъ доходахъ, необходимо сперва дать понятіе объ отношеніи Государства къ другимъ сосѣднимъ Государствамъ, о его устройствѣ, объ образѣ жизни народа и слѣдовательно о его способахъ и нуждахъ.

Москва вступила на поприще исторической дѣятельности въ то время, когда Россія, подавляемая игомъ Монголовъ, почти совершенно распалась на части. Владимірское княженіе, и прежде въ самомъ цвѣтущемъ своемъ состояніи, никогда не имѣвшее полного права на всю Русь, а съ вторженіемъ Монголовъ еще болѣе утратившее свое могущество, вскорѣ по смерти Александра Ярославича Невскаго среди междоусобій его дѣтей совершенно потеряло значеніе великаго княженія. Удѣльные Князья, какъ не принадлежавшіе къ роду Всеволода Большого Гнѣзда, такъ и происходившіе отъ его племени, скоро увидали, что старшинство данное Батыемъ Владиміру легко можетъ быть передано и другимъ городамъ, и вслѣдствіе этого не замедлили воспользоваться тѣми средствами, у кого какія были подъ рукой: кто собственными силами, кто подарками и происками при Ханскомъ дворѣ, начали присвоивать себѣ велико-княжское достоинство. Сему безъ сомнѣнія немало способствовало могущество вновь образовавшейся полу-русской Литвы. Литовскіе Великіе Князья съ самаго Гедимина, привлекая на свою сторону многихъ сосѣднихъ Русскихъ Князей, постоянно простирали свои виды и на остальную Русь, какъ юго-западную, такъ и сѣверо-восточную, и для этого какъ можно сильнѣе старались поддерживать раздробленіе сѣверо-во-

сточной Руси, покровительствуя ослабѣвшимъ Князьямъ противъ сильныхъ. Такъ Гедиминовъ сынъ Олгердъ три раза подступалъ къ Москвѣ, защищая Тверскаго Великаго Князя Михаила Александровича противъ Дмитрія Ивановича Доускаго, а въ договорѣ съ симъ послѣднимъ, заключенномъ въ 1371 году, не только признаеть право Велико-Княжеской власти за Тверскимъ и Смоленскимъ князьями, но требуетъ, чтобы и Москва признавала неприкосновенность сихъ правъ: причемъ и Дмитрій Ивановичъ съ своей стороны требуетъ признанія неприкосновенности велико-княжескихъ правъ за Князьями Рязанскимъ, Пронскимъ и Нижегородскимъ.¹ Также политика продолжалась и при В. К. Василіѣ Васильевичѣ Темномъ, какъ видно изъ договорной его грамоты съ Казимиромъ Королемъ Польскимъ и В. К. Литовскимъ, заключенной въ 1449 году, гдѣ Казимиръ требуетъ признанія велико-княжескихъ правъ Князя Тверскаго, а Василій защищаетъ тѣже права Князя Рязанскаго. Самые Монголы кажется держались тойже политики, по крайней мѣрѣ благоразумнѣйшіе изъ ихъ Хановъ поддерживали раздробленіе Руси и охотно давали свои ярлыки на велико-княжеское достоинство любому искателю, лишь бы онъ происходилъ изъ Княжеской фамилии. И какъ бы то ни было съ самаго начала XIV столѣтія раздробленіе Северо-восточной Руси было въ полномъ разгарѣ, и почти каждый княжескій родъ имѣлъ уже своего Великаго Князя и составлялъ что-то независимое и самостоятельное, такъ что Русь представлялась не государствомъ, а группою государствъ независимыхъ другъ отъ друга и часто враждебныхъ, которыя имѣли общимъ между собою только языкъ, вѣру и подданство еще грознымъ Монголамъ. Таковыми княжествами въ это время является Владимірское, пользовавшееся какимъ-то номинальнымъ старѣйшинствомъ, но вовсе незначительное, потомъ Тверское, Московское, Рязанское, Пронское, Смоленское, Ярославское, Суздальское, Переяславское, Галицкое (Соль-Галичь) и Нижегородское.² Такое жажкое раздробленіе Государства почиталось даже

¹ Собр. Госуд. грам. и догов. т. I, № 31.

² Такъ еще въ концѣ XIII вѣка наши летописи упоминають о несколькихъ великихъ князьяхъ. Напримѣръ подъ 1283 годомъ Софійскій Временникъ говоритъ: «Поидоша Новгородцы на В. Князя Дмитрія Александровича; а В. Князь Святославъ Тверскій со Тверичи, а В. Князь Давидъ Александровичъ съ Москвитинъ», или тамъ же подъ 1296 годомъ перечисляются Великіе Князья съѣхавшіеся во Владиміръ, Владимірскій Андрей Александровичъ, Ярославскій Овдоръ, Ро-

закономъ и священнымъ обычаемъ вѣковъ. Такъ Великій Князь Тверской Михаилъ Ярославичъ въ судѣ передъ Узбекомъ въ 1319 году прямо говоритъ: что раздробленіе Руси и независимость разныхъ княженій составляетъ обычай Русскихъ: «а братъ мой Юрій Даниловичъ воста на мя, и вся хотя владѣти, не такъ по нашему обычаю, и по семъ намъ вражду сотвори».³

Каждое Великое Княжество въ сѣверо-восточной Руси составляло что-то отдѣльное цѣлое и независимое отъ другихъ, имѣло свое устройство, свой образъ правленія, отношеніе подданныхъ къ Князю, свою политику и свою внутреннюю жизнь, свои удѣлы и свои отношенія удѣльныхъ Князей къ Великимъ. Впрочемъ все это въ настоящее время еще мало извѣстно; но конечно при большихъ открытіяхъ и изслѣдованіяхъ оставшихся памятниковъ современемъ можно будетъ приступить къ отдѣльной исторіи каждого Великаго Княжества, и прослѣдить внутреннюю жизнь и устройство этихъ особнякъ представителей минувшей жизни Русскаго народа. Въ настоящее же время въ этомъ отношеніи можно ограничиться только общими указаніями договорныхъ грамотъ Вели-

сковскій Константинъ Борисовичъ, и Московскій Даниилъ Александровичъ и Михаилъ Ярославичъ Тверскій. А въ XIV вѣкѣ Никоновская лѣтопись упоминаетъ: подъ 1309 годомъ о Великомъ Князѣ Суздальскомъ: «Того же гѣта преставишь Князь Великій Василій Михайловичъ Суздальскій.» Подъ 1388 годомъ о Великомъ Княженіи Галичскомъ: «Второму жъ сыну своему Юрью даде Звѣнгородъ, да своего дѣда князю Галичъ со всемъ, а прежь было Галичское княженіе великое. Тоже говорятъ всѣ договорныя грамоты между Князьями въ XIV и XV вѣкахъ. Такъ въ договорной грамотѣ 1368 года между В. К. Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ и Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ говорится о Великихъ Князьяхъ Ярославскомъ и Смоленскомъ. (Собр. Гос. гр. и дог. т. I.) Или договорная грамота между Дмитріемъ Донскимъ и Олгердомъ Литовскимъ, заключенная въ 1371 году, упоминаетъ о Великихъ Князьяхъ Святославѣ Ивановичѣ Смоленскомъ, Олегѣ Рязанскомъ и Владимирѣ Пронскомъ. (Собр. Г. г. и д. т. I.) Перемирный же листъ Князя Оедора Новосильскаго и Одоевского съ Королемъ Казимиромъ, писанный въ 1447 году; между прочимъ, говоритъ: «А Великимъ Княземъ Московскому хто будетъ Московское великое княженіе держати съ Великимъ Княземъ Переяславскимъ, хто будетъ Переяславское великое княженіе держати и съ Великимъ Княземъ Пронскимъ, хто будетъ Пронское великое княженіе держати; имъ межѣ собѣ судъ по старинѣ, и чего межѣ себе несправятъ, ино положити на Великаго Князя Казимира волѣ.» (Сбор. Мухан. № 4.) Также въ числѣ княжескихъ жалованныхъ грамотъ есть грамоты Великаго Князя Нижегородскаго Данила Борисовича. (Ап. Ар. Эк., т. I, №№ 12 и 18.)

³ Никои. лѣтоп. подъ годомъ 1319.

кихъ Князей другъ съ другомъ и съ удѣльными Князьями, а также нѣкоторыми намеками другилъ, официальныхъ документовъ относящихся до внутреннего устройства разныхъ княжествъ. Изъ нихъ видно:

1-е. Великіе Князья сами сносились съ Ордою и платили ей дань; удѣльные же князья не имѣли права отъ своего лица сноситься съ Ханскимъ дворомъ, и отсылали условленную дань къ Великимъ Князьямъ, а не прямо въ Орду. При началѣ Монгольскаго ига такового разграниченія правъ между удѣльными и Великими Князьями не существовало, и удѣльные Князья ѣздили въ Орду и проживали тамъ по нѣскольку лѣтъ, не только безъ согласія, но даже и безъ вѣдома Великихъ Князей. Такъ въ 1244 году ѣздили въ Орду удѣльные князья Владиміръ Константиновичъ, Бор. Дмитрія Александровича и чрезъ происки и дары при Ханскомъ дворѣ получившаго ханскій ярлыкъ и войско для утвержденія въ велико-княжескомъ достоинствѣ, и подобныя удачныя попытки Михаила Тверскаго, Данила Московскаго и Юанна Переславскаго вскорѣ навели Великихъ Князей на мысль отстранить удѣльныхъ князей отъ непосредственныхъ сношеній съ Ордою и присвоить это право себѣ. Когда именно образовалось это право, мы не знаемъ; но какъ бы то ни было при самомъ началѣ XIV столѣтія Великіе Князья во всѣхъ договорныхъ грамотахъ постоянно отстаивали его, и удѣльныхъ князей осмѣливавшихся прямо сноситься съ Ордою признавали измѣнниками. Доказательствомъ сему служатъ всѣ договорныя грамоты того времени дошедшія до насъ.

⁴ Такъ въ 1244 году ѣздили въ Орду удѣльные князья Владиміръ Константиновичъ, Борись и Глѣбъ Васильковичи и Василиій Всеволодовичъ, ходатайствовать объ утвержденіи за ними удѣловъ; а въ слѣдующемъ году Ярославъ былъ у Батюи со всеми своими братьями и племянниками; въ 1247 году ѣздилъ въ Орду Александръ Невскій, когда Великимъ Княземъ былъ еще Андрей Ярославичъ; и получилъ отъ Хана Киевъ; а въ 1257 году Глѣбъ Васильковичъ даже женился въ Ордѣ. (Давр. лѣт., стр. 201—203.)

⁵ Такъ въ договорной грамотѣ В. К. Василья Дмитріевича Московскаго съ В. К. Феодоромъ Ольговичемъ Рязанскимъ 1402 года: «А будетъ ти Каличей послати въ Орду, и что съ нимъ пошлешь, или къ тебѣ посолъ Татарскій придетъ, и тебѣ того пошлети Христанскаго дѣла добра, а тебѣ не въ измѣну.» (Соб. Гос. гр. и дог., т. I, № 36.) Или въ договорной грамотѣ В. К. Ивана Васильевича Московскаго съ В. К. Михайломъ Борисовичемъ Тверскимъ 1462 года: «А къ Ордѣ ти, брате, ко царю путь чистъ и твоимъ людемъ.» (Тамъ же.)

2-е Великіе Князья, какъ самостоятельные Государя, имѣли право безъ всякаго посторонняго посредства вести войну и заключать миръ; въ чемъ удѣльные Князья должны были прибѣгать къ посредничеству своихъ Великихъ Князей. Такъ это видно въ договорной грамотѣ Великихъ Князей Дмитрія Донскаго и Олега Рязанскаго въ 1381 году. «А что Татарская мѣста отнималъ Великій Князь Дмитрій Ивановичъ за себя отъ Татаръ до сего до нашего докончанья, та мѣста Великому Князю Дмитрію; а что В. Князь Олегъ отнималъ Татарская мѣста отъ Татаръ догдѣ же, а то В. Князю Олегу та мѣста.»⁶ Здѣсь оба Князья договариваются какъ равный съ равнымъ и не даютъ отчета въ своихъ дѣйствіяхъ. Напротивъ того, удѣльные князья всегда принимали на себя обязанность сообразоваться съ волею и распоряженіями своего Великаго Князя. «А быти мнѣ по Великаго Князя Казимировѣ волю: съ кимъ Великій Князь Казимиръ миренъ ино и я съ нимъ миренъ; а съ кимъ В. Князь Казимиръ не миренъ, съ тымъ и я не миренъ; а В. Князю Казимиру боронити меня отъ всякого, какъ и своего. А безъ В. Князя Казимировы воли, мнѣ ни съ кимъ же доканчивати, а ни пособляти никому некоторыми дѣль.»⁷ Сказано въ договорной грамотѣ Князя Феодора Львовича Новосиль-

Здѣсь въ обоихъ случаяхъ Великіе Князья взаимно признаютъ право на непосредственное сношеніе съ Ордою. Но относительно удѣльныхъ князей по всѣхъ договорахъ сношеніе съ Ордою предоставляется Великимъ Князьямъ. Такъ въ договорной грамотѣ В. К. Василья Васильевича Моск. съ Васильемъ Ярославичемъ Княземъ Боровскимъ, 1433 года, прямо сказано: «А Орда знати тебѣ Великому Князю, а мнѣ Орды незнати.» Тоже въ договорѣ того же В. К. Василья Васильевича съ К. Юрьемъ Дмитріевичемъ въ томъ же году: «А Орда знати мнѣ В. Князю, а тобѣ Орды незнати никакоже.» Или въ договорѣ его же съ Михайломъ Андреевичемъ княземъ Можайскимъ 1447 года: «а коли, господине, Князь Великій, придетъ посолъ Татарскій въ Ярославль, и мнѣ, господине, съ тое отчины заозерья давати Ярославскимъ Князьямъ въ выходы и во всѣ пошщины, какъ давали Заозерскіе Князи Ярославскимъ Князьямъ.» Или въ грамотѣ Ивана Васильевича Великаго Князя Рязанскаго съ роднымъ его братомъ Феодоромъ Васильевичемъ: «А Орды знати и вѣдати мнѣ В. Князю, и Царевичевъ исака Сатылгановъ; а пмати ми у тебя въ выходы и Царевичевъ исака съ твоей волчины треть по старымъ дефтеремъ и по крестному цѣлованью.» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I.) Два послѣдніе случая показываютъ, что недоушеніе удѣльныхъ князей сносятся съ Ордою непосредственно въ XV вѣкѣ было уже стариннымъ закономъ, — *по старинѣ, по старымъ дефтеремъ.*

⁶ Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 32.

⁷ Ак. Ист. Запад. Рос., т. I, № 41.

скаго и Одревскаго съ Литовскимъ В. Княземъ Казимиромъ 1442 года. Та же форма и въ другихъ современныхъ позднѣйшихъ и древнѣйшихъ договорахъ. Напримѣръ въ договорной грамотѣ В. К. Ивана Васильевича Рязанскаго съ братомъ его Княземъ Осодоромъ 1496 года: «А хто будетъ мнѣ В. Князю другъ, то и тобѣ другъ, а хто будетъ мнѣ В. Князю недругъ, то и тобѣ недругъ; а съ кѣмъ будешь ты въ цѣлованьи, и тобѣ къ тому цѣлованье сложити. А гдѣ ми В. Князю самому всѣсти на конь, и тобѣ со мною самому пойти; а гдѣ ми тебя послати, и тобѣ пойти безъ послушанья; а гдѣ пошло своихъ воеводъ, и тобѣ послати съ моими воеводами своего воеводу съ людьми.»⁸ Эта послѣдняя грамота слагаетъ съ удѣльнаго Князя даже всякую присягу, еслибы онъ кому ее далъ мимо своего Великаго Князя: «А съ кѣмъ будешь ты въ цѣлованьи, и тобѣ къ тому цѣлованье сложити.» По всѣмъ симъ и по другимъ грамотамъ удѣльные князья являются совершенными подручниками Великихъ Князей, и обязываются безрекословно исполнить ихъ волю.

3-е Безъ нарушенія права и безъ объявленія войны одинъ Великій Князь не могъ отнимать областей у другаго Великаго Князя, тогда какъ удѣльные Князья въ этомъ совершенно зависѣли отъ Великаго Князя: онъ могъ перемѣщать ихъ изъ одной области въ другую, уменьшать и увеличивать ихъ удѣлы безъ нарушенія права.⁹ Удѣльные Князья совершенно зависѣли отъ своихъ Великихъ Князей и не могли имѣть суда и управы противъ ихъ распоряженій. Великіе же Князья всѣ дѣла между собою рѣшали или взаимными переговорами черезъ бояръ, или судомъ третьяго Великаго Князя добровольно избраннаго въ посредники, а иногда судомъ Епископа или Митрополита.¹⁰ Право неприкосновенности владѣній

⁸ Собр. Гос. гр. и дог., т. I.

⁹ Договорная грамота В. Кн. Василья Васильевича съ Васильемъ Ярославичемъ Княземъ Боровскимъ 1434 года: «Язь (Вас. Вас.) протину глѣхъ городовъ и волостей твоее дѣдичи пожаловалъ тебѣ, отступилъ ти съ есмь свое вочинны Бѣженскаго Верха въ удѣль и въ вочинну.» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I.)

¹⁰ Такъ въ договорной грамотѣ Дмитрія Донскаго съ В. Кн. Михайломъ Александровичемъ Тверскимъ 1368 г.: «А что ся учинитъ межи насъ Князей каково дѣло, ино съѣдутся бояре наши на рубежь, да межи насъ поговорятъ, а неуговорятъ ино ѣдутъ на третій на Князя Великаго Олга (Рязанскаго).» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I.) А договорная грамота В. К. Василья Васильевича съ В. К. Казимиромъ Литовскимъ 1449 г. называетъ такковыя отношенія уже старинными:

между Великими Князьями соблюдалось даже въ то время, когда Московскій дворъ очень уже усилился противъ другихъ Велико-княжескихъ дворовъ. Такъ еще въ договорной грамотѣ Василья Васильевича Темнаго съ Иваномъ Феодоровичемъ Рязанскимъ въ 1447 году говорится: «и мнѣ въ землю Рязанскую не вступатися и въ Князи Рязанскіе.»¹¹ Здѣсь сильный Московскій Великій Князь торжественно еще признаетъ гегемонію слабаго уже Великаго Князя Рязанскаго, и не рѣшается нарушать правъ его относительно земли и удѣльныхъ князей. Но совсѣмъ не такъ поступали даже съ сильными удѣльными Князьями. Напримѣръ въ договорной грамотѣ В. Князя Василія Дмитріевича съ Владимиромъ Андреевичемъ Храбрымъ 1405 года молодой Великій Князь съ своимъ знаменитымъ дядею говоритъ почти какъ съ подданнымъ, а что ся есмь былъ отступилъ брату своему молодшему Князю Володимиру Андреевичу Волока съ волостями и Ржевы съ волостями, и язъ брату своему молодшему Володимиру Андреевичу и его дѣтиамъ противу того отступилъ въ удѣлъ и въ вотчину, противу Волока Городца съ волостями. А чѣмъ есмь пожаловалъ князя Ивана Борисовича, а въ то ся князю Володимиру и его дѣтиамъ не вступати. А противу Ржевы отступилъ съ Князю Володимиру и его дѣтемъ въ вудѣлъ и въ вотчину Углича съ пути и съ пощинами и съ селомъ Золоторусскимъ; а къ тому пожаловалъ есмь брата своего молодшаго Князя Володимира и его дѣтей въ вудѣлъ и въ вотчину далъ есмь имъ Козлескъ, какъ было за мною за Великимъ Княземъ, да Голичъ, да Олексинъ. А что есмь пожаловалъ Князя Ивана Людимльскомъ, какъ есмь ему далъ, и что къ нему потягло, въ то ся князю Володимиру и его дѣтемъ не вступати.»¹² Замѣчательно, что удѣльные князья были въ такой зависимости отъ своихъ Великихъ Князей, что должны были просить Велико-княжескаго утвержденія даже въ своихъ родовыхъ владѣніяхъ полученныхъ отъ отцовъ, и принимали ихъ какъ милость Велико-княжескую. О чемъ очень ясно

«А Князь Великій Борисъ Александровичъ Тверскій и со своею братьею и зъ братаничи своими со мною съ В. Княземъ Васиіемъ въ любви и въ докончаньи а судъ о земли и о водѣ мнѣ съ нимъ держати во всихъ обидныхъ дѣлехъ по старинѣ; а о чемъ ся судьи наши сопруть, ино положить на третей, хто будетъ обѣима сторонамъ любъ (Ак. Зап. Рос., т. I № 50.).»

¹¹ Собр. Гос. гр. и дог., т. I.

¹² Собр. Гос. гр. и дог., т. I.

свидѣтельствуя записи Шемяки и Князя Можайскаго съ В. Княземъ Васильемъ Васильевичемъ, данный въ 1448 году.¹³

4-е Великіе Князья спосились другъ съ другомъ, какъ равный съ равнымъ; и если когда посылали другъ другу войска, то тотъ, кто получалъ помощь, обязанъ былъ содержать на свой счетъ присланныхъ¹⁴. Тогда какъ удѣльные Князья относились къ Великимъ Князьямъ какъ низшій къ высшему, называя ихъ господами, а себя слугами¹⁵, и даже не могли располагать сво-

¹³ «И пожаловати ему Великому Князю насъ нашими вотчинами; чѣмъ мене Князя Дмитрія Юрьевича благословилъ отецъ мой Князь Юрій Дмитріевичъ, опроче Звенигорода съ волостями да Вятки; а мене Князя Ивана Андрѣевича моею вотчиною, чѣмъ мене благословилъ отецъ мой Князь Андрей Дмитріевичъ.» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I, №№ 43 и 67.)

Гегемонію однихъ Великихъ Князей противъ другихъ, кажется, защищали и сами Монголы; по крайней мѣрѣ при ихъ послахъ или чиновникахъ сильные Великіе Князья не осмѣливались самоуправствовать противъ слабыхъ. Такъ въ 1368 г. при внезапномъ прїѣздѣ въ Москву Татарскихъ мурзъ Карача, Оандара и Тютекаша, В. Князь Дмитрій Ивановичъ Московскій немедленно вывелъ изъ-подъ стражи, и обязавъ клятвою отпустилъ изъ Москвы В. К. Михаила Александровича Тверскаго, котораго незадолго предъ тѣмъ измѣнически заманилъ въ Москву, и хотѣлъ подвергнуть своему суду.» (Архив. т. II, стр. 116.)

¹⁴ Договорныя грамоты: а) Олега Рязанскаго съ Дмитріемъ Донскимъ и Владимиромъ Андреевичемъ Храбрымъ, «А добра вы мнѣ хотети во всемъ въ Ордѣ и на Руси отъ чистосердца, а что вы слышавъ о моемъ добрѣ или о мнѣ отъ христіанина или отъ поганина, то вы мнѣ повѣдати въ правду безъ примышленія. А вотчины вы моя блюсти, а не обидѣти, а мнѣ ваше вотчины блюсти, а не обидѣти.» б) В. К. Бориса Александровича Тверскаго съ В. К. Васильемъ Васильевичемъ Московскимъ, «На семь на всемъ, брате Князь Великій Василей Васильевичъ, цѣлуй ко мнѣ крестъ къ своему брату къ В. К. Борису Александровичу.» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 32 и Ак. Ар. Эк., т. I, № 33.) Эта форма сношеній была одинакова и съ чужезродными Государями. Вотъ слова договорной грамоты В. К. Василья Васильевича съ Казимиромъ Королемъ Польскимъ 1449 года: «Есмо взяли съ нимъ братство и любовь и вѣчное докончанье. Жити намъ съ нимъ въ любви по сей грамотѣ, а быти намъ съ нимъ вездѣ за одинъ, а добра намъ ему хотети и его земли, вездѣ, гдѣ бы ни было; а ему намъ добра хотѣти и нашей земли, вездѣ, гдѣ бы ни было. А хто будетъ ему другъ, то и мнѣ другъ; а хто будетъ ему недругъ, то и мнѣ недругъ.» (Ак. Ист. Зап. Рос. т. I, № 30.)

¹⁵ Догов. грам. Князя Василья Ярославича Боровскаго съ В. К. Васильемъ Васильевичемъ Московскимъ, «На семь, господине, брате старѣйшій Князь Великій Василій Васильевичъ, цѣлуй, господине, ко мнѣ крестъ къ своему брату молодшему ко Князю Василью Ярославичу.» Или еще униженнѣе въ договорѣ Князя Суздальскаго Ивана Васильевича съ тѣмъ же Васильемъ Васильевичемъ, «На

ими войсками безъ разрѣшенія Великихъ Князей, которые, какъ полные владыки, даже имѣли право наказывать бояръ, состоящихъ на службѣ у удѣльныхъ Князей. Вотъ какъ объ этомъ писано въ договорной грамотѣ Дмитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ 1362 года: «А коли ми будетъ отпущати своихъ воеводъ изъ великаго княженія, а кто будетъ... твоихъ бояръ и слугъ, тобѣ послати своихъ воеводъ съ моими воеводами вмѣстѣ безъ ослушанья; а кто ся ослушаетъ, того ми казнити, а тобѣ, брату моему, со мною. А кого коли оставити у тобѣ бояръ, про то ти ми доложити; то ны учинити по згадцѣ; кому будетъ слично ся оставити, тому остатися, а кому ѣхати, тому ѣхати. А тобѣ брату моему молодшему мнѣ служити безъ ослушанія по згадцѣ»¹⁶. Напротивъ того, когда требовалась помощь однимъ Великимъ Княземъ отъ другаго Великаго Князя, то условія сношеній были совсѣмъ другія. Напримѣръ В. К. Иванъ Васильевичъ III въ договорѣ съ В. Княземъ Михайломъ Борисовичемъ Тверскимъ говорить: «А пойдуть, брате, на насъ Литва, или Ляхи, или Нѣмцы, и тобѣ, брате, къ намъ на помощь самому на конь всѣсти и съ своею братьею молодшею въ правду безъ хитрости, а кормъ взяти не корыстоватися»¹⁷. Такъ писалъ Иванъ Васильевичъ, сильнѣйшій изъ Князей, почти уже самодержецъ всей Руси, и при томъ къ слабѣйшему современному Князю: Великіе же Князья, равные въ силахъ, въ случаѣ требованія помощи, поступали еще осторожнѣе. Такъ Василій Васильевичъ въ 1452 году, ища помощи у Бориса Александровича Тверскаго, избралъ для сего въ посредники Митрополита Іону, который такъ писалъ къ Тверскому Епископу Іаѣѣ: «Благословляю тебя о Святомъ Дусѣ своего сына, чтобы

самъ на всемъ, господине, Господарь Князь Великій Василій Васильевичъ, пѣлуй, господине, вѣрствъ ко мнѣ ко Князю Ивану Васильевичу.» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I.) Или еще въ дѣлѣ о Шемянскѣмъ Князѣ Василѣѣ Ивановичѣ 1517—1523 г. въ памяти Шигонѣ и Телешеву вѣрно было говорить: «Что ихъ послазъ Князь Великій къ слугамъ своимъ, къ двѣма Княземъ Василѣемъ».... а Шемянинъ пишетъ къ Великому Князю: «Ходопъ твой Государевъ Василей Ивановъ челомъ бьетъ.» (Ак. Ист., т. I, № 124.) Тоже почти находимъ въ Актахъ Западной Россіи. Такъ Одоевскій Князь Феодоръ въ договорѣ съ Казимиромъ Литовскимъ 1442 года говоритъ: «Бдѣль есмь челомъ Великому Князю Казмиру Королевичу, ижебы мене принялъ у службу.» (Ак. Зап. Рос., т. I, № 41.)

¹⁶ Собр. Гос. гр. и дог., т. I.

¹⁷ Тамъ же.

еси о томъ сыну моему Великому Князю Борису Александровичу говорилъ и билъ челомъ, и докучалъ твердо по своему святительскому долгу; чтобы сынт мой Великій Князь Борисъ Александровичъ къ Великому Князю Василью Васильевичу своихъ воеводъ послалъ на тѣхъ безбожныхъ (Казанцевъ) съ своими многими людьми за Святыя Божіи церкви и за все православное христіанство. Занеже сыну вѣдомо тобѣ, что тамо учинится великимъ Божіимъ милосердіемъ, тому Великому Государю Великому Князю которое что добро къ строенію христіанскому и истиннѣ, и то обѣихъ тѣхъ Великихъ Государей и всего нашего православнаго христіанства общее добро.»¹⁸ Это митрополичье посланіе указываетъ прямо на совершенное равенство обѣихъ Великихъ Князей: тутъ нѣтъ и намеку на зависимость одного отъ другаго, или старшинство одного передъ другимъ. Митрополитъ не ссылается ни на какія условія, и убѣждаетъ общою и взаимною пользою цѣлаго христіанства: «И то обѣихъ тѣхъ Великихъ Государей и всего нашего православнаго христіанства общее добро.»

5-е. Каждое великое княжество имѣло свое внутреннее устройство, не всегда сходное съ другими великими княжествами, свою іерархію чиновъ, свои отношенія между князьями, чиновниками и народомъ. Такъ въ Рязанской іерархіи встрѣчаются, между прочими чинами, *баскаки*¹⁹, *исподовые* и *воробники*,²⁰ которыхъ въ другихъ княжествахъ мы не находимъ. Рязанскіе Великіе Князья кажется, были довольно ограничены своею многочисленною²¹ и крамольною аристократіею, которую наши лѣтописи описываютъ одинакими красками съ аристократіею Галицкою²² и вообще

¹⁸ Ак. Пет., т. I, № 51.

¹⁹ Грамота Митрополита Алексѣя на Черный Яръ о подсудимости Епископу Рязанскому 1360 года: «Благословеніе Алексѣя Митрополита всея Руси, ко всемъ крестьяномъ, обретающимся въ предѣлѣ Черного Яру, и по караломъ возлѣ Хопоръ до Дону попомъ и діакономъ, и къ баскакомъ, и къ сотникомъ и къ бояромъ.» (А. П., т. I, № 3.)

²⁰ Жал. гр. В. К. Рязанскаго Олега Пвановича Солотчинскому монастырю 402 года: «Но тобѣ водостези мои не вѣлажають, ни чашники мои, ни ключники, ни поѣздове, ни ямщики, ни боробники.» (А. П., т. I, № 14.)

²¹ Такъ въ жалованной грамотѣ Олгову монастырю 1336—1387 г. сказано: «Кои ставили по первымъ правды наши Святую Богородицу, Князь Великій Пигварь, Князь Олегъ, Князь Юрь, а съ ними бояръ 300, а мужіи 600; тогда дали Св. Богородицы дому 9 земель бортныхъ.» (А. П., т. I, № 2.)

²² «А Князи ихъ Константина Романовича Рязанскаго нѣкою хитростію

всѣхъ Рязанцевъ преимущественно называютъ гордыми и высоко-мѣрными. Такъ обыкновенно грамоты Рязанскихъ Князей или начинались согласіемъ ихъ съ боярами, или оканчивались посредничествомъ бояръ и разныхъ чиновниковъ²³, точно также какъ и грамоты князей Галицкихъ²⁴; напротивъ того во Владимірскомъ и Нижегородскомъ княжествахъ замѣтны слѣды народнаго вѣча²⁵ которое сопоставляло свое вліяніе на дѣла Княжеской власти. А можетъ быть въ этомъ отношеніи найдется много и другихъ отличій между разными княжествами при большемъ открытіи древнихъ памятниковъ, которые должны пролить большой свѣтъ на отношенія между разными княжествами и вообще на исторію Руси.

6-е. Каждое великое княжество имѣло свои виды податей и

изъ (Давидъ Александровичъ Московскій) кромкою ихъ же бояръ Рязанскихъ, и приведе его съ собою къ Москвѣ» (Лѣт. Никои. подъ годомъ 1301.)

²³ Жал. гр. Ряз. В. К. Олега Ивановича 1402 года: «А пожаловалъ есмь стольникомъ своимъ Александромъ Глѣбовичемъ и чашикомъ своимъ Григорьемъ Яковлевичемъ». Или въ жалованной грамотѣ Рязанскаго В. К. Феодора Феодоровича Солотчинскому монастырю 1430—1436.... «А пожаловалъ есмь его бояриномъ своимъ Прокофьемъ Феодоровичемъ, стольникомъ Яковомъ Ивановичемъ, чашикомъ своимъ Семеномъ Глѣбовичемъ, чашикомъ же Феодоромъ Юрьевичемъ». (Ак. Ист. т. I, №№ 13 и 36).

²⁴ Въ договорной грамотѣ Юрья Львовича Кнзя Галицкаго съ нѣмецкимъ орденомъ 1335 года. «Георгій Божією милостію природный Князь всеі Малой Россіи, совокупно съ нашими любезными и вѣрными боярами, а именно съ Дмитріемъ нашимъ дядькою, Михайломъ Елеазаровичемъ воеводою Бѣльскимъ, Васильемъ Кудрановичемъ пѣномъ двора нашего, Григорьемъ Косаковичемъ воеводою Перемышльскимъ, Борисомъ Кракулою воеводою Львовскимъ, Ходоромъ Ошекогъ воеводою Луцкимъ, и Хотькомъ Еромировичемъ возобновляемъ, одобряемъ, утверждаемъ силою сей грамоты всѣ неварушимые договоры.... (Истор. Гос. Рос. т. IX, примѣч. 252). Или опять къ Рязанскимъ Князьямъ: въ грамотѣ Олега Ивановича 1356—1387 г. «Язь Князь Великій Олегъ Ивановичъ загадавъ есмь съ своимъ отцемъ съ владыкою Васильемъ и съ своимъ бояры (а бояре со мною были: Софоній Алтыкуличевичъ, Семень Феодоровичъ, Минята Андреевичъ, Тимошъ Александровичъ, Манасѣя дядько, Юрья околыщій, Юрья чашикъ, Семень Никитичъ зъ братьєю, Павелъ Соробичъ), далъ есмь отцу своему Арсевию» (А. И. т. I, № 2).

²⁵ Такъ Никоновская лѣтопись говоритъ, что Александръ Васильевичъ Суздальскій перевезъ было изъ Владимира древній вѣчевый колоколь, когда сталъ управлять Владиміромъ изъ Суздаля. (Ник. лѣт. т. I, стр. 100.). Тамъ же подъ годомъ 1305-мъ говорится о вѣчѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. «А Князь Михайло Ондреевичъ приде изъ Орды въ Нижній Новгородъ изби всѣхъ вѣчниковъ, иже набиша бояръ».

сборовъ ²⁶. Хотя безспорно во всѣхъ много было общаго въ этомъ отношеніи, и нѣкоторыя изъ сборовъ даже опредѣлялись взаимными договорами Великихъ князей; но тѣмъ не менѣе самая эта предосторожность князей много уже говоритъ о неизмѣннѣ общихъ формъ и можетъ быть о произволѣ владѣтелей или администраторовъ. Въсѣтъ съ неодинаковостію податей и сборовъ рѣзко бросается въ глаза большое различіе въ вѣсахъ, мѣрахъ, деньгахъ и даже въ способѣ народоназчисленія ²⁷ въ каждомъ великомъ кня-

²⁶ Такъ въ Рязанскихъ грамотахъ встрѣчаемъ виды сборовъ, о которыхъ вовсе не упоминаютъ грамоты другихъ княжествъ, таковы: *вины, рязанка, шестидесять, поземь, безатшина и татинный рубль*. Жал. грамота Олега Рязанскаго Солодичинскому монастырю. «А придахъ есмь Саввицкой острогъ, и съ поземь, и съ рязанкою, и шестидесять, и съ виною, и съ поличнымъ и съ безатшинами». Или въ жалов. грам. тому же монастырю В. К. Пвана Федоровича: (1430—1436). «А рязанью и съ шестидесять, вина, поличное, и татинъ рубль съ его села и уѣзда волостемо моему неидеть». (Ак. Ист. т. I, №№ 14 и 36).

²⁷ Такъ въ зѣтонислахъ и грамотахъ мы находимъ Московскій вѣсъ, Новгородскій и Низовскій вѣсъ, также Рязанскій пудъ. Напр. въ жалов. грам. В. К. Рязанской Анны Васильевны сказано: «я шло дѣи съ тое вотчины къ зачатю по пяти пудъ Рязанскихъ». (А. И. т. I, № 80). Или въ договорѣ, грамотѣ Михаила Тверскаго съ Великимъ Новгородомъ 1317. «А срокъ тремъ тысячамъ и двѣма стома взяти Князю на сборъ въ Низовскій вѣсъ». (Соб. Г. гр. и дог. т.). Относительно мѣръ въ Московскихъ владѣніяхъ земля измѣрялась четвергами и десятинами, а въ Новгородскихъ короблями; даже общая по названію мѣра земля—соха, въ разныхъ владѣніяхъ была неодинакова, напр. Новгородская соха была въ десять разъ меньше Московской, чему служатъ яснымъ и вѣрнымъ свидѣтельствомъ дошедшія до насъ писцовыя Новгородскія книги; и вѣроятно мы тоже найдемъ и въ книгахъ другихъ княженій, если они когда будутъ отысканы; въ чемъ увѣряютъ различныя намеки дошедшихъ до насъ древнихъ грамотъ и другихъ официальныхъ актовъ.

Относительно народоназчисленія въ Рязанскихъ владѣніяхъ принималось за единицу семь. Напримѣръ въ грамотѣ Олега Солодичинскому монастырю сказано: «Тогда дали Святыл Богородицы дому 9 земель борныхъ, а пять погостовъ, Песочна а въ ней 300 семей, Холохолна а въ ней полтораста семей, Залчны а въ ней 200 семей» и проч. (А. И. т. I, № 2), тогда какъ въ Московскихъ владѣніяхъ за единицу вездѣ принималось тягло и дворъ.

О неодинаковости денегъ въ различныхъ княженіяхъ лучшимъ свидѣтельствомъ служатъ дошедшія до насъ собранія древнихъ монетъ, хранищихся въ различныхъ минт-кабинетахъ, которыя представляютъ изумительное разнообразіе не только по штемпелямъ, но и по вѣсу монетъ, и по формамъ. Да и въ самихъ грамотахъ монеты разныхъ княженій имѣютъ свои особлыя названія, напр. Московскій рубль, Тверской, Новгородскій рубль и проч.

жествѣ; тогда какъ удѣльные Князья во всемъ этомъ должны были сообразоваться съ своимъ Великимъ Княземъ, выключая денегъ, которыя каждый удѣльный Князь клеймилъ своею печатью; впрочемъ и тутъ величина и названіе монетъ были болѣе или менѣе одинаковы въ каждомъ великомъ княжествѣ.

Вотъ нѣкоторыя характеристическія черты различныхъ великихъ княжествъ Руси, конечно, они еще далеко не все, но и изъ того уже что здѣсь собрано, можно видѣть ясно, что каждое великое княжество имѣло свой отдѣльный и самостоятельный бытъ, болѣе или менѣе отличный отъ быта другихъ княжествъ. А посему предположивши говорить о доходахъ Московскаго Государства, прежде всего должно опредѣлить значеніе Москвы въ отношеніи къ другимъ княжествамъ Руси, слѣдовательно, указать на политику ея государей и съ тѣмъ вмѣстѣ отдѣлить Московскія учрежденія отъ учрежденій и устройства другихъ княжествъ, дабы послѣ, при самомъ изслѣдованіи о доходахъ Московскаго Государства, каждый ясно могъ видѣть, на какихъ началахъ основывались различные сборы, въ какихъ формахъ и изъ какихъ источниковъ получались различные виды податей и повинностей, и чтобы формъ и видовъ Московскихъ не смѣшивать съ таковыми же въ другихъ княжествахъ независѣвшихъ отъ Москвы.

Москва.

Московскіе Князья, еще не простирая своихъ видовъ на Владиміръ, уже заботились о доставленіи значенія своему княжеству наравнѣ съ великимъ княженіемъ, и старались показать свою самостоятельность. Такъ въ 1283 году Даніилъ Александровичъ, называвшійся уже Великимъ Княземъ²⁸, вмѣстѣ съ Святославомъ Тверскимъ, носившимъ тоже титуло²⁹, защищалъ Новгородъ противъ Великаго Князя Дмитрія Александровича Владимірскаго; потомъ въ 1298 году онъ же вмѣстѣ съ Михаиломъ Ярославичемъ Великимъ Княземъ Тверскимъ защищалъ Переяславль противъ Великаго Князя Владимірскаго Андрея Александровича; въ 1300 году занялъ силою Коломну, принадлежавшую Князю Рязанскому; а въ 1302 году по смерти Переяславскаго Князя Ивана Дмитріевича

²⁸ Соч. Врем. подл. год. 1283, 1296, 1298 и 1302.

²⁹ Тамъ же подл. год. 1283, 1296 и 1318.

причислилъ его область къ Московскому княженію, и выгналъ оттуда намѣстниковъ Андреевыхъ, а сынъ его Юрій въ томъ же году завоевалъ Можайскъ. Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ о Повгородѣ Юрій Даниловичъ вступилъ въ жестокую борьбу съ Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ за Владимірское княженіе, и при помощи проросковъ и подкуновъ при Ханскомъ дворѣ окончилъ сию борьбу совершенно въ свою пользу, такъ что съ сего времени Москва получаетъ рѣшительный перевѣсъ надъ другими княжествами, и начиная съ Юріева брата, Ивана Даниловича, котораго лѣтислеси называютъ собирателемъ Русской земли³⁰ постоянно стремится къ одной цѣли къ постепенному усилению и присоединенію другихъ княжествъ къ своимъ владѣніямъ, что продолжается до самаго Василія Ивановича, при которомъ поглощаетъ въ себѣ всѣ отдѣльныя Русскія княженія, и при Іоаннѣ IV является уже полнымъ Московскимъ государствомъ, стремящимся уничтожить Монгольскія царства, и отнять у своихъ сосѣдей все то, что когда либо принадлежало Руси.

Москва достигла своей цѣли не столько оружіемъ, сколько политикою. Силою завоеваны были только Новгородъ, Тверь, Вятка, Казань и нѣкоторыя другія земли, и то такъ ловко, что здѣсь оружіе довершало только то, что уже было приготовлено политикою. Вообще большая часть владѣній были пріобрѣтены Москвою или черезъ покупку³¹, или по произвольному и невольному дару, или по завѣщанію³², или просками въ Ордѣ³³, или наконецъ, по какому-то темному праву утягиванья въ переговорахъ на сѣздахъ³⁴, гдѣ среди споровъ и недоразумѣній другихъ Князей Мо-

³⁰ Тамъ же подъ 1389 годомъ сказано: «В. К. Дмитрей внукъ бѣгъ Князя Великого Ивана Даниловича собрателя Русской земли».

³¹ Такъ въ духовной грамотѣ Донскаго, писанной въ 1389 году, мы встрѣчаемъ три владѣнія пріобрѣтенныхъ покупкою его дѣда Калиты. «А сына моего Юрья благословляю своего дѣда купцею Галичемъ со всеми волостями. А сына моего К. Андрея благословляю купцею же дѣда моего Бѣлымъ озеромъ, а сына моего Петра благословляю купцею же дѣда моего Угличимъ полемъ»: (Собр. Гос. гр. и дог. т. I, № 34).

³² Такъ Князь Перелславскій Иванъ Дмитріевичъ по духовному завѣщанію своему отказалъ Данилу Александровичу Перелславу со всеми владѣніями.

³³ Василій Дмитріевичъ сынъ Донскаго по проскамъ въ Ордѣ получилъ Нижній Новгородъ.

³⁴ Въ духовной Донскаго сказано: «А Кадуга и Роцца сыну моему Князю

сковскіе бояре всегда умѣли выигрывать въ пользу своего Князя. Вообще ловкость, деньги, умѣнье пользоваться обстоятельствами и неуклонная воля были главными пружинами Московской политики, открытая сила выступала или уже по крайности, или только для поддержанія того, что дѣлала политика. Москва въ продолженіи трехъ сотъ лѣтъ твердо и постоянно шла къ одной цѣли—завладѣть всею Русью; ея успѣхи большею частію были не блестящи и не громки, но за то всегда прочны и надежны; Москва не одержала почти не одной блестящей и рѣшительной побѣды, но за то ни одинъ врагъ ее не остался независимымъ, всё онѣ слились съ Москвою и такъ плотно, что единодушіе, съ которымъ все время самозванщины и междоусобствъ всѣ страны покоренныя Москвою принимали въ ней горячее участіе, приводитъ въ изумленіе, такъ что читая тогдашнія отписки изъ разныхъ городовъ, почти невѣришь тому, чтобы всѣ эти печальные дѣти сиротьющей безъ царя Москвы были когда-либо отдѣльными государствами даже враждебными Москвѣ и совершенно покоренные ею не болѣе какъ семьдесятъ лѣтъ тому назадъ.

Внутреннее устройство Московскаго Государства.

Отношеніе Князей къ аристократіи.

Верховная власть въ Московскомъ государствѣ до Бориса Θεодоровича Годунова принадлежала Князьямъ изъ племени Данила Александровича; но до самаго Царя Ивана Васильевича она была довольно ограничена Московскою аристократіею; ибо съ одной стороны во всѣхъ важныхъ случаяхъ Князья должны были прибѣгать къ совѣту бояръ. Такъ самъ Димитрій Донской въ своемъ духовномъ завѣщаніи говоритъ дѣтямъ: «Бояръ же своихъ любите и честь имъ достойную воздавайте противу дѣлу коегождо, безъ ихъ думы ничтоже творите.» А съ другой стороны большая часть важнѣйшихъ общественныхъ должностей принадлежала извѣстнымъ боярекимъ родамъ, и должности сіи были не только пожизненными, но и нѣкоторымъ образомъ наследственными,³⁵ такъ что Ве-

Андрею; и что вытѣгать бояршии мой Феодоръ Андреевичъ на обчѣмъ рѣтъ Товъ и Медынѣ у Смоленскъ, а то сыну жъ моему Князю Андрею. (С. Г. г. и д. т. I, № 34).

³⁵ Такъ по смерти тысяческаго Василья Васильевича немедленно захватилъ

ликий Князь въ назначеніи и смѣнѣ важнѣйшихъ должностныхъ лицъ не имѣлъ большой власти, и часто долженъ былъ терпѣть подлѣ себя сановниковъ не только нелюбимыхъ, но даже непокорныхъ и завѣдомо опасныхъ для себя. Такъ, напримѣръ В. К. Симеонъ Ивановичъ хотя и успѣлъ какими то средствами удалить грамольнаго Московскаго тысяцскаго Алексѣя Петровича и даже въ договорной грамотѣ обязалъ своихъ братьевъ не вступать съ нимъ ни въ какія сношенія,³⁶ не смотря на то мятежный бояринъ опять занялъ свою должность, и только насильственная смерть избавила отъ него Симеонова преемника В. К. Ивана Ивановича, приче́мъ дѣло не обошлось безъ возмущенія въ народѣ, (хотя убійцы тысяцскаго и не были извѣстны), важнѣйшіе же изъ бояръ бѣжали въ Рязань съ своими семействами;³⁷ Притомъ нельзя упускать изъ виду,

этотъ самъ сынъ его Иванъ, и когда Донской объявилъ званіе Московскаго тысяцскаго уничтоженнымъ, то онъ бѣжалъ въ Тверь и началъ возбуждать тамошняго Князя, и при помощи своихъ сообщниковъ даже успѣлъ ему выхлопотать Ханскій ярлыкъ на Владимірскій престолъ, и Донской только хитростію успѣлъ завлечь его въ Москву и казнить, приче́мъ сбѣжавшійся народъ плакалъ объ измѣнникѣ. Вотъ слова дѣтописи: «на Москвѣ преставися послѣдній тысяцкій Василій Васильевичъ; а о великомъ заговѣннѣ побѣжалъ съ Москвы въ Тверь Иванъ Васильевичъ сынъ тысяцкаго, внукъ Васильевъ, правнукъ Вельяминовъ, да съ нимъ Некомать Сурожанинъ со многую лжею и льстивыми словами къ В. Князю Михаилу Александровичу Тверскому... и мало послѣ того, мѣсяца Июли въ 14 день, приде Некомать Сурожанинъ изъ Мамаевы Орды, отъ Мамаи съ посломъ Ачихослею въ Тверь къ В. К. Михаилу Александровичу Тверскому съ ярлыкѣ на Великое княженіе Владимірское»... и потомъ «того же дѣта поиде изъ Орды Иванъ Васильевичъ тысяцкой, и обольстивше его и прехитривше замыше его въ Серпуховѣ, и приведоша его на Москву, и мѣсяца августа въ 30 день до обѣда въ 4 часть дни убиенъ бысть Иванъ Васильевичъ тысяцкій, мечемъ потаты бысть на Кучковѣ полѣ у города Москвы повелѣніемъ В. Князя Дмитрія Ивановича. И бѣ множество народа предстоюще, и мнози прослезившася о немъ и печалившися о благородствѣ его и о величествѣ его», (Ник. дѣт. т. IV).

³⁶ Договор. грам. В. К. Симеона Ивановича съ братьями 1341 г. «А что Олексѣй Петровичъ вшегъ въ кромоду къ Вели. Князю, намъ Князю Ивану и Князю Андрею, къ собѣ его не примати, ни его дѣтій, и не надѣятися ны его до Олексѣева живота; волея въ немъ Князь Великій, и въ его женѣ, и въ его дѣтехъ. А тобѣ, господине, Князь Великій къ собѣ его не примати же въ бояре: а мнѣ Князю Ивану, что далъ Князь Великій пачъ Олексѣева живота, того ми Олексѣю не давати, ни его женѣ ни его дѣтемъ, ни ничьимъ ничьимъ не подмогати ихъ». (С. Г. г. и д. т. I, № 23).

³⁷ «Тое же зныи мѣсяца февраля въ 3 день сотворисъ на Москвѣ въ нощи егда заутреню благовѣстятъ, убиенъ бысть тысяцкій Московскій Алексѣй Петро-

что Московскіе бояре особенно такъ называемые большіе пользовались большимъ уваженіемъ и преданностію народа, который былъ съ ними въ тѣсныхъ связяхъ, и видѣлъ въ нихъ исконныхъ земскихъ пачальниковъ и покровителей, и вездѣ стоялъ за нихъ; такъ онъ возмутился узнавши объ убіеніи Алексія Петровича, и смерть его сравнивалъ со смертію В. Князя Андрея Георгіевича Боголюбскаго; а приказные тысяцкаго Ивана Васильевича явнаго мятежника плакали о его благородствѣ и величествѣ, не смѣя уже возмущаться противъ сильнаго и пользовавшагося любовью В. Князя Дмитрія Ивановича. Кромѣ того родовые исконные Московскіе бояре имѣли большія владѣнія, и обладали огромными богатствами; такъ что сами князья покупали у нихъ вотчины и занимали деньги, въ чемъ служать явными свидѣтельствами многія духовныя завѣщанія князей и другіе официальные документы. Все это поставило Великихъ Князей въ какую то неопредѣленную зависимость отъ земской аристократіи, и съ ихъ стороны много нужно было благоразумія, осторожности и ловкости, чтобы отстранить всѣ препятствія къ полному развитію велико-княжеской власти. Собственно велико-княжескіе бояре и дружина первоначально были очень слабы и малочисленны чтобы Великій Князь могъ свободно дѣйствовать опираясь на одніѣ ихъ силы; а по сему Князья должны были поступать съ большою осторожностію и умѣньемъ пользоваться обстоятельствами, всего ожидать отъ времени и приготовить нужныя на случай средства. Первою и настоятельною потребностію Московскихъ Князей было увеличеніе своей дружины, и усиленіе собственно княжихъ бояръ въ болѣе выгодную параллель съ городскими; и по этому они не щадили ничего для привлеченія знаменитыхъ мужей изъ другихъ княженій и изъ иныхъ земель, они окружали себя потомками Рюрикова дома, ³⁸ знаменитыми

внучь. Убіеніе же его страшно и незнаемо и невѣдомо ни отъ кого же; точно обретеса убіенъ лежа на площади егда заутреню благовѣстать..... И тако убіенъ бысть, якоже Князь Великій Андрей Боголюбскій отъ Кучковичей; и бысть мятежъ великій на Москвѣ того ради убивства. И тако тое же змы по послѣднемъ пути большіи бояре Московстии отѣхаша на Рязань съ женами и съ дѣтьми». (Никонов, дѣл. т. IV).

³⁸ Такъ еще въ XIV вѣкѣ поступилъ въ службу Московскаго В. Князя Смоленскій Князь Александръ Габбовичъ Всеволожъ, бывший родоначальникомъ многихъ боярскихъ родовъ въ Москвѣ.

выходцами изъ Литвы³⁹ и западной Европы,⁴⁰ Ордынскими Князьями и Мурзами⁴¹ и сильными и богатыми боярами изъ Приднѣпровской Руси⁴² и сосѣднихъ княженей,⁴³ честили каждаго знаменитаго пришельца, и смотря по его личнымъ достоинствамъ или по другимъ отношеніямъ иногда давали предпочтеніе новопришедшему передъ старыми дружинниками. Такъ одному знаменитому Кіевскому выходцу Родіону Несторовичу, который привелъ въ Москву до тысячи семисотъ княжатъ и дѣтей боярскихъ и своего двора, Вел. Князь Иванъ Даниловичъ далъ предпочтеніе передъ всѣми своими боярами, какъ говоритъ Ростовская лѣтопись: «и устави ему надо всѣми большинство.» а В. К. Дмитрій Ивановичъ Донской за Князя Дмитрія Михайловича Волынскаго выдалъ сестру свою княжну Анну. Второю важною заботою для Князей было то, чтобы ослабить вліяніе бояръ на народъ, и кажется частію съ этою цѣлію между князьями было общимъ правиломъ, подтверждаемымъ всѣми договорными грамотами, не препятствовать свободному переходу бояръ отъ одного Князя къ другому: Эта свобода съ одной стороны льстила самолюбію и гордости бояръ, съ другой сильно дѣйствовала на народъ, который въ боярскихъ отъѣздахъ отвыкалъ считать бояръ своими постоянными защитками и предводителями, а съ тѣмъ вмѣстѣ время отъ времени болѣе и болѣе привязывался къ Князю, и свыкался съ мыслію что онъ только единственный и неизмѣнный покровитель и отецъ народа. Наконецъ послѣдняя и сильнѣйшая мѣра князей въ отношеніи къ земской аристократіи состояла въ томъ, чтобы

³⁹ Къ Дмитрію Ивановичу Донскому пришелъ Князь Дмитрій Михайловичъ Волынской, и многіе другіе Князья Гедиминова и Рюрикова дома.

⁴⁰ Къ Калитѣ же пришелъ изъ пѣмцевъ Андрей Кобыла, который былъ родоначальникомъ Кобылинныхъ, Голубевыхъ, Дурныхъ и другихъ.

⁴¹ Въ 1330 году къ В. Князю Ивану Калитѣ пріѣхалъ изъ большой Орды Князь именовъ Четъ, отъ котораго произошли боярскіе роды Зеряевыхъ, Шенныхъ и другихъ.

⁴² Въ Архивской Ростовской лѣтописи сказано: «Того же лѣта (1332) по званію В. Князя Ивана приде къ нему нѣкто отъ Кіевскихъ благоплеменныхъ вельможъ служити, Родіонъ Несторовичъ, а съ нимъ сынъ его Иванъ, и съ нимъ же княжата и дѣти боярскіи, и двора его до тысячи и до семисотъ. Князь же Велокій пріять его съ радостію, даде ему боярство на Москвѣ и устави ему надо всѣми большинство». (Карам. IV, пр. 324).

⁴³ 1337 г. Отъѣхаша бояре мнози отъ Князя Александра Михайловича Тверскаго на Москву къ В. К. Ивану Даниловичу. (Никон, т. III, 164).

привязать къ себѣ земскихъ бояръ и по возможности уничтожить всякое различіе между ими и важными дружинниками. Съ этою цѣлю Князья во всѣхъ сношеніяхъ другъ съ другомъ старались избѣгать даже намековъ о существованіи земской аристократіи: такъ изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ договорныхъ грамотъ, мы только въ одной находимъ указаніе на существованіе особой Московской рати, которая имѣла своихъ бояръ и воеводъ и въ которую не вступались князья.⁴⁴ Но тѣмъ не менѣе различіе между боярами княжими и земскими существовало довольно долго, и слѣды или память объ немъ въ административныхъ актахъ Московскаго Государства сохранялись до позднѣйшаго времени: такъ во всѣхъ разрядныхъ книгахъ дворяне и дѣти борскіе служащіе по дворовому или по княжескому списку составляютъ отдѣльный разрядъ отъ дворянъ и дѣтей боярскихъ служащихъ съ городомъ или городовыхъ земскихъ. Хотя стараніе Князей сблизить земскую племенную аристократію съ своими дружинниками послѣ многихъ усилій увѣнчалось полнымъ и скорымъ успѣхомъ. Но это сближеніе земщины съ дружиною принесло не совсѣмъ удовлетворительные плоды для княжеской власти; конечно земская аристократія сблизилась съ дружинниками и составя съ ними одно цѣлое необходимо должна была сблизиться и съ Княземъ, отъ чего интересы аристократіи и интересы Князя до того перепутались между собою, что для Московскихъ бояръ защищать Князя и стоять за его интересы сдѣлалось почти столько же необходимымъ, какъ необходимо защищать самихъ себя и стоять за собственные интересы. Но тѣмъ не менѣе соединеніе земскихъ бояръ съ княжими до того усилило аристократію, что Князья не иначе могли дѣйствовать какъ чрезъ ее посредство и при ея согласіи, аристократія стала между Княземъ и народомъ, и получила такое сильное значеніе, что даже по смерти Іоанна Грознаго, сильно поколебавшаго ее, при коронаціи Феодора Ивановича митрополитъ Діонисій еще напоминалъ въ своей рѣчи Царю, какъ о главной обязанности вѣщеносца, уважать бояръ и ихъ родовое старѣйшинство, и самъ Грозный, при всемъ своемъ гоненіи на аристократію, не смѣлъ касаться многихъ ея правъ и терпѣливо

⁴⁴ Договор. грам. В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ К. Владиміромъ Андреевичемъ, заключенная въ 1388 году, говоритъ: «а московская рать, кто ходилъ съ воеводами, тѣ и нонѣча съ воеводами, а намъ ихъ не примати» (Соб. Г. т. и д. т. I, № 33).

выслушивалъ родовые счеты бояръ по мѣстничеству; онъ по подозрительности своего характера до того опасался нераздѣльности аристократіи, что даже рѣшился прибѣгнуть къ старому дружичному устройству, и раздѣлить государство на земщину и опричину, но это значило сдѣлать шагъ назадъ, вызвать безжизненный призракъ давно миновавшаго, и потому опричина Іоаннова чистый сколокъ съ древней дружины рѣшительно неудалась, и онъ самъ несмотря на свою желѣзную волю принужденъ былъ отступить отъ нее, но несмотря на это попытка возобновить дружину служить яснымъ свидѣтельствомъ, что еще при Іоаннѣ аристократія имѣла большую силу.

Соединеніе земской аристократіи съ княжими боярами, связавшее интересы съ интересами аристократіи и Князя, сдѣлало Московскихъ бояръ самыми надежными стражами государства, и вѣрными и ревностными защитниками княжескаго дома Калиты, что очень рѣзко отличаетъ ихъ отъ аристократіи другихъ княжествъ. Московскіе бояре постоянно слѣдовали одному правилу, — не допускать въ Москву чужой власти. Начиная съ Данила Александровича они твердо держались только тѣхъ Великихъ Князей, которые родились и воспитались въ Москвѣ; ни одинъ Князь, изъ чьего бы племени онъ ни происходилъ, не могъ ужиться съ Московскими боярами, если онъ не родился въ Москвѣ, и даже изъ Московскихъ, если онъ жилъ внѣ Москвы и правилъ особымъ удѣломъ; и поэтому они всегда крѣпко стояли за своихъ природныхъ чисто-Московскихъ Князей; такъ Дмитрій Ивановичъ Донской въ малолѣтствѣ своемъ рѣшительно былъ обязанъ усердію Московскихъ бояръ въ опасной борьбѣ съ Дмитріемъ Константиновичемъ Суздальскимъ; точно также бояре же защищали малолѣтнаго Василья Васильевича Темнаго въ жестокой борьбѣ съ дядею его Юрьемъ Дмитріевичемъ и съ его сыновьями, и во время этой борьбы хотя иногда и уступали силѣ и обстоятельствамъ, но не надолго, и при первомъ удобномъ случаѣ они опять возвращали В. Князя въ Москву, а противниковъ его изгоняли. Страніе бояръ не допускать въ Москву чужой власти было такъ сильно, что даже не было примѣра, чтобы когда-либо посторонній Князь допускался къ временному управленію Москвою; ибо опека надъ малолѣтнимъ Княземъ всегда оставалась за Московскими боярами, удѣльные же князья родственники малолѣтнаго къ ней не допускались; они даже были въ нѣкоторой зависимости отъ Московскихъ бояръ, такъ Князь Владиміръ Андреевичъ въ своей третьей

зачиси Царю Ивану Васильевичу, данной въ 1554 году, пишетъ: «А безъ бояръ ми сына твоего, некотораго дѣла не дѣлати, которые бояре въ твоей Государевой душевной грамотѣ писаны»⁴⁵. Тогда какъ въ другихъ княжествахъ не только допускалась чуждая опека, но даже бывали случаи, что сами малолѣтніе Князья воспитывались на чужой сторонѣ.

Отношеніе Московскихъ Великихъ Князей къ своимъ удѣльнымъ Князьямъ.

Кромѣ замѣченныхъ выше общихъ отношеній Великихъ Князей къ удѣльнымъ во всѣхъ княжествахъ Руси въ Московскомъ Великомъ Княжествѣ представляются многія важныя особенности рѣзко отличающія удѣльную систему Москвы отъ удѣльной системы въ другихъ княженіяхъ и обличающія въ Московскомъ велико-княжескомъ домѣ отчетливое и сознательное стремленіе къ единой державѣ, начавшееся чуть ли не съ Даниила Александровича. Московскіе Великіе Князья ясно понимали всю выгоду единой державы, но въ то же время видѣли, что явное гласное уничтоженіе удѣльной системы въ однихъ въ Московскихъ владѣніяхъ невозможно; ибо она еще царила во всей прочей Руси, и всякая неосторожная и рѣзкая попытка противъ нея не могла обойтись безъ шума и неудовольствій, которыя бы обратили на Москву всю Русь и даже страшныхъ еще въ то время Монголовъ, съ которыми борьба была бы еще слишкомъ рановременна и ненадежна для Москвы. Калита первый собиратель Руси и его ближайшіе преемники хорошо еще помнили Михаилу жалобу передъ Узбекомъ: «А братъ мой Юрьи Даниловичъ воѣта на мя, и вся хотя владѣти не такъ по нашему обычаю». А потому они не рѣшались на прямое отмѣненіе удѣловъ, дѣйствовали тайно и незамѣтно, преслѣдовали свою высокую цѣль не возбуждая всеобщаго вниманія и развивали новыя идеи въ прежнихъ привычныхъ формахъ; по ихъ распоряженіямъ въ Московскихъ владѣніяхъ существовали удѣлы, но они уже носили въ себѣ зародыши уничтоженія и безразличнаго слитія съ Москвою, и со смертію каждаго Московскаго Великаго Князя въ его духовной слабѣли болѣе и болѣе и поступали въ совершенную зависимость отъ Москвы. Для этого обыкновенно

⁴⁵ (Соб. Г. г. и д. т. I, № 169).

Московскіе Великіе Князья, написавши или предоставивши все великое княженіе главному наслѣднику, остальнымъ никакъ не отдѣляли удѣловъ, которые бы могли составлять одно цѣлое, а напротивъ дробили ихъ на мелкія части, такъ что не только города принадлежавшіе къ одному удѣлу являлись разсыпанными на большомъ пространствѣ и между княж-княжескими городами, но даже иногда одинъ городъ отдавался нѣсколькимъ Князьямъ по половинамъ и по третямъ, а иными городами удѣльные Князья владѣли погодно. ⁴⁶

Чтобы вѣрнѣе и ближе объяснить постепенное развитіе такого устройства Московскихъ удѣловъ, мы прослѣдимъ его по всѣмъ дошедшимъ до насъ духовнымъ завѣщаніямъ Московскихъ Великихъ Князей начиная съ Ивана Даниловича Калиты. Въ духовной грамотѣ, писанной Калитою въ 1328 году, ⁴⁷ Москва достается въ раздѣлъ всѣмъ сыновьямъ, какъ гласитъ грамота: «приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву». Сверхъ того старшій получаетъ еще 18 городовъ и волостей и 9 сель; второму только 13 городовъ и волостей и 10 сель, третьему 11 городовъ и волостей и 13 сель, вдовствующей княгинѣ съ меньшими дѣтьми 16 городовъ и волостей и 14 сель. Притомъ старшему сыну, какъ главъ семейства, поручаются всѣ младшіе и даже сама мать. «А приказываю тебѣ сыну своему Семену братью твою молодшую и княгиню свою съ меньшими дѣтьми, но Божѣ ты имъ будешь нечальникъ». Въ этой грамотѣ старшему дается только большее число городовъ, но права младшихъ еще не стѣсняются, они только подлежатъ надзору старшаго и его защитѣ; въ слѣдующей же между наслѣдниками въ договорной грамотѣ, заключенной въ 1341 году, доходы оставленные Калитою на полюбившій раздѣлъ сыновей, были раздѣлены такъ, что одна половина доходовъ доставалась одному старшему сыну, а другая была раздѣлена между всѣми младшими. ⁴⁸ По смерти Симеона доля Великаго Князя еще

⁴⁶ Очевидно, что здѣсь руководила Великихъ Князей бояре, съ которыми Князья должны были совѣтоваться во всѣхъ дѣлахъ, ибо мудро предположить чтобы Князья будучи разныхъ характеровъ неизменно слѣдовали однимъ правиламъ, не всегда согласнымъ съ чувствами отца семейства, для этого необходимо была опора въ какомъ-либо моральномъ лицѣ, которое бы находило здѣсь свои постоянныя выгоды.

⁴⁷ Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 23.

⁴⁸ Тамъ же, № 24.

болѣе увеличилась, ибо къ ней присоединился удѣлъ Симеонова брата Ивана Ивановича, сдѣлавагося Великимъ Княземъ по смерти бездѣтнаго предшественника. Въ духовной В. К. Ивана Ивановича въ 1356 году старшему сыну дано 20 городовъ и волостей, а младшему только одиннадцать. Въ духовной В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго, писанной въ 1389 году, великое княжество, навсегда утвержденное за Московскимъ княжескимъ домомъ, всецѣло переходитъ къ старшему сыну: «а се благословяю сына моего Князя Василія своею отчиною великимъ княженіемъ», который притомъ получаетъ удѣлъ наравнѣ съ прочими братьями и сверхъ того пользуется изъ городскихъ доходовъ Москвы цѣлою половиною, тогда какъ другая половина дѣлится на остальныхъ братьевъ; но что всего важнѣе волости и города удѣльныхъ князей въ этой грамотѣ являются переименованными съ волостями и городами велико-княжескими и не составляютъ собою отдѣльнаго цѣлаго.⁴⁹ Стоитъ только взглянуть на карту, чтобы убѣдиться въ этой хитрой мѣрѣ Московскаго двора въ пользу единодержавія. Духовная грамота Князя Владиміра Андреевича писанная въ 1410 году, свидѣтельствуешь, что онъ владѣлъ третью Москвы, и завѣщалъ своимъ пятерымъ сыновьямъ владѣть ею погодно. Изъ этой же грамоты видно, что всѣ владѣнія Владиміра Андреевича, который былъ одинъ изъ сильнѣйшихъ Московскихъ удѣльныхъ Князей, составляли менѣе пятнадцатой доли велико-княжескихъ владѣній, какъ можно заключать изъ того, что когда въ Ордынской выходъ съ владѣній Великаго Князя бралось 5000 рублей, то съ Владиміровыхъ владѣній шло только 320 рублей.⁵⁰ По смерти В. К. Василія Дмитріевича малолѣтній сынъ его Василій Васильевичъ одинъ остается полнымъ наследникомъ всѣхъ отцовскихъ владѣній за исключеніемъ немногихъ городовъ, оставленныхъ въ пожизненномъ владѣніи матери. Наконецъ Вел. Князь Василій Васильевичъ Темный, покоривъ большую часть Московскихъ удѣловъ, развилъ идею уничтоженія удѣльной системы самымъ полнымъ образомъ. Еще въ договорной грамотѣ его съ Шемякою, писанной въ 1434 году, онъ уже присвоиваетъ себѣ наследство послѣ удѣльныхъ Князей безъ участія со стороны другихъ. «А подо мною В. Княземъ держати честно и грозно все мое в. княженіе, также и что былъ

⁴⁹ Собр. Гос. гр. и дог., т I, № 34.

⁵⁰ Тамъ же № 40.

удѣлъ дяди нашего Князь Петровъ Дмитріевича Дмитровъ со всѣми волостями; или што изъ Князь Великій взялъ себѣ удѣлъ брата вашего Князь Васильевъ Юрьевича Звенигородъ со всѣми волостями, чѣмъ его благословилъ отецъ вашъ Князь Юрь Дмитріевичъ по своей душевной грамотѣ». ⁵¹ Въ завѣщаніи же Темнаго писанномъ въ 1462 году, старшій сынъ получаетъ цѣлую треть Москвы и кромѣ великаго княженія 16 городовъ самыхъ богатыхъ и значительныхъ, каковы: Коломна, Переславль, Владимиръ, Кострома, Галичъ, Устюгъ, Витка, Суздаль, Нижний, Муромъ и другіе; тогда какъ Юрій и Андрей Большой получили только по три города и одну треть Москвы обоемъ погодно, и сверхъ того нѣсколько сель во владѣніяхъ старшаго брата, который тѣмъ же завѣщаніемъ уполномочивался мѣнять ихъ, когда захочетъ; Борисъ и Андрей Меньшой также получили по три города и нѣсколько сель во владѣніяхъ старшихъ братьевъ, и чрезъ три года треть Московскихъ доходовъ. ⁵² Такимъ образомъ Московскіе удѣльные Князья сдѣлались въ совершенной зависимости отъ Великаго Князя и не имѣли никакихъ средствъ къ сколько-нибудь надежному сопротивленію, они были совершенно слабы, даже и въ такомъ случаѣ еслибы всѣ четверо соединились противъ старшаго брата. А по сему В. К. Іоанну III-му по смерти отца было уже свободно распорядиться Московскими удѣлами мѣнять не только села но и города удѣльныхъ Князей, заточать братьевъ въ темницу, и по смерти бездѣтныхъ Князей отбирать удѣлы не дѣлясь съ остальными братьями. По пути проложенному Василиемъ Васильевичемъ Темнымъ Іоаннъ III болѣе и болѣе началъ стѣснять удѣлы. Въ его завѣщаніи писанномъ въ 1504 году ⁵³ сказано: «благословлю сына своего старѣйшаго Василя своею отчиною великими княжествами, чѣмъ мя благословилъ отецъ мой, и что ми далъ Богъ. А даю ему городъ Москву съ волостями и съ путями и зъ станы, и зъ селы, и зъ дворы зъ загородскими со всѣми и съ слободами». Сверхъ того тутъ же отдаетъ ему до ста городовъ; тогда какъ остальнымъ четверымъ сыновьямъ назначаетъ удѣлы самыя ничтожныя и разсыпанныя на дальнее разстояніе между великокняжескими городами, и даже въ данныхъ городахъ выдѣляетъ

⁵¹ Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 52.

⁵² Тамъ же, № 86.

⁵³ Тамъ же, № 144.

разныя волости, или для старшаго брата, или для своей супруги, и для другихъ братьевъ. Такъ въ завѣщаніи старшему сыну Юрію написаны только шесть городовъ: Дмитровъ, Звенигородъ, Кашинь, Руза, Брянскъ, Серпійскъ; приче́мъ отъ Дмитрова были отняты въ пользу главнаго наслѣдника за Московскія волости, изъ коихъ пять даны Андрею пятому сыну, Переяславскія же промѣнены на одну. Третьему сыну Дмитрію дано 8 городовъ: Углича поле, Молога, Хлепень, Зубцовъ, Опоки, половина Ржева, Мещевскъ и Опанковъ; четвертому сыну Семену только три города: Бѣжецкій Верхъ, Калуга и Козельскъ; и пятому Андрею шесть городовъ: Верея, Вышгородъ, Олексинъ, Любутескъ, Старица и Холмъ. При томъ удѣльные Князья лишаются права бить монету и участвовать въ откупахъ: «А откупъ въдаетъ сынъ мой Василей, а въ откупъ у него мои дѣти Юри съ братьями не вступаются». И тутъ же сказано что въ подмосковныхъ селахъ они не имѣютъ права заводить торговь: «А что если подавалъ дѣтемъ моимъ сельца у Москвы за дворы за городцкими на посадѣхъ; и дѣти мои въ тѣхъ дворѣхъ торговь не держатъ, ни житомъ не велятъ торговати, ни лавокъ не ставятъ, ни гостей съ товаромъ иноземцевъ, и изъ Московскіе земли, и изъ своихъ удѣловъ въ своихъ дворехъ не велятъ ставити; а становятся на гостинныхъ дворехъ какъ было при мнѣ; а дѣти мои у моего сына у Василья въ тѣ дворы въ гостинные и въ тѣ пошлины не вступаются.» Сверхъ того старшій сынъ былъ назначенъ полнымъ наслѣдникомъ удѣловъ послѣ братьевъ умершихъ бездѣтными: «а котораго сына моего не станетъ, а не останется у него ни сына, ни внука, ино его удѣль весь въ Московской землѣ и въ Тверской землѣ, что есмь ему ни далъ, то все сыну моему Василью; а братья его у него въ тотъ удѣль не вступаются; а останутся у него дочери, и сынъ мой Василей тѣ его дочери надѣливъ выдають замужъ». Замѣчательно еще въ томъ завѣщаніи то, что изъ предосторожностей, чтобы не давно покоренная Тверь не вздумала отложиться, Іоаннъ III-й, поручивши все Тверское великое княжество старшему сыну, далъ въ немъ по удѣлу и прочимъ дѣтямъ, дабы такимъ образомъ всѣ братья имѣли свои выгоды общими силами удерживать это важное пріобрѣтеніе. Относительно же Московскихъ доходовъ, въ которыхъ всѣ прежніе Великіе Князья дозволили участвовать своимъ меньшимъ дѣтямъ, Іоаннъ не дозволилъ меньшимъ сыновьямъ вступаться, но въ вознагражденіе приказалъ старшему сыну ежегодно выдавать по сту рублей каждому меньшому брату. Послѣ тако-

выхъ распоряженій удѣльные Князья были доведены до такой незначительности и бѣдности, что многіе изъ нихъ при отправленіи въ походъ, или при поѣздѣ въ Москву, дабы прилично вооружиться и одѣть свиту, должны были занимать деньги у частныхъ лицъ подъ разные залого. Такъ въ духовной грамотѣ Князя Федора Борисовича Волоцкаго, писанной въ 1523 году, значится, что этотъ Князь былъ долженъ разнымъ лицамъ до 800 рублей съ залогоми и безъ залоговъ.⁵⁴ Наконецъ при Іоаннѣ IV-мъ владѣтельныя права удѣльныхъ Князей потеряли совершенно свое значеніе: такъ по указу 7070 года 15 генваря они даже лишились права продавать свои вотчины. «И тѣмъ княземъ вотчинъ своихъ не продавать, и не мѣняти, и за дочерми своими, и за сестрами въ приданья не давати; а котораго князя бездѣтна нестанеть, и тѣ вотчины имати на Государя».⁵⁵

Отношенія Московскихъ Князей къ Орду.

Первымъ дѣломъ Московскихъ Великихъ Князей въ отношеніи къ Монголамъ было стараніе, чтобы удѣльные Князья были исключены отъ сношеній съ Ордою. Это, кажется, началось съ Іоанна Даниловича Калиты, по крайней мѣрѣ съ этого времени мы встрѣчаемъ во всѣхъ договорныхъ грамотахъ непремѣнное условіе, чтобы Ордынскій выходъ доставлялся удѣльными Князьями Великимъ Князьямъ, а не прямо въ Орду. Вторымъ важнымъ попеченіемъ для Московскихъ Великихъ Князей было приобрѣтеніе благосклонности Хана и его вельможъ. Вѣрнымъ къ тому средствомъ были подарки Ордынскимъ вельможамъ и исправный платежъ дани самому Хану. Еще въ 1319 году Князья Татарскіе говорили Юрію Даниловичу: «Оже ты даси выходъ больши Михайлы Тферскаго, мы тебѣ великое княженіе дадимъ.»⁵⁶ Для умныхъ Московскихъ Князей Юрія и Калиты не нужно было повторять подобныхъ наставленій; они обратили все свое вниманіе на удовлетвореніе корыстолюбію Ханскаго двора; Монголамъ уже не за чѣмъ было посылать въ Москву своихъ сборщиковъ и переписчиковъ, дань и всѣ запросы Ханскіе съ Московскихъ владѣній до-

⁵⁴ Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 151.

⁵⁵ Ак. Ист., т. I, № 154.

⁵⁶ Софійск. Времен.

ставлялись самымъ исправнымъ образомъ, все послы Ханскіе, бывшіе въ Москвѣ по разнымъ дѣламъ, получали огромные подарки, которые Московскими Князьями обращены были въ народную подать, строго собираемую и утверждаемую всеми договорами съ удѣльными Князьями.⁵⁷ Къ исправному платежу дани, Ивану Даниловичу Калитѣ счастье доставило случай еще болѣе войти въ довѣренность къ Хану. Узбекъ поручилъ ему усмирить бунтовавшихъ Тверитянъ и прислалъ для этого пятьдесятъ тысячъ своего войска. Калита, вооруживъ тѣхъ удѣльныхъ Князей, повиновавшихся Москвѣ, взялъ и опустошилъ Тверь со всеми ея городами. Узбекъ, довольный службою, отдалъ Калитѣ Владиміръ съ его удѣлами; потомъ снова нѣсколько разъ поручалъ ему преслѣдовать бѣжавшаго изъ Твери В. К. Александра Михайловича, и всегда довольный службою Московскаго Князя, а также часто видая его въ Орду съ богатыми подарками и съ готовностію на новыя службы, такую возымѣлъ довѣренность къ его роду, что по смерти его, несмотря на происки другихъ Князей, отдалъ Владимірское княженіе его сыну Симеону. Этотъ новый Великій Князь еще болѣе утвердилъ довѣренность Ханскую къ Московскому дому, онъ смѣло тѣснилъ всехъ Князей, желая собрать болѣе дани и удовлетворить корыстолюбію ордынцевъ, онъ сталъ уже называться Великимъ Княземъ всея Руси, и до того усилился при Узбековомъ сынѣ Чанибекѣ, что успѣлъ отклонить его отъ опаснаго для Руси союза съ Олгердомъ Литовскимъ, и даже упротилъ его выдать Литовскихъ пословъ и Олгердова брата Каріяда, и исходатайствовалъ для разореннаго Тверскаго княженія свободу не платить дани Монголамъ за прошедшее время; онъ пять разъ ѣздилъ въ Орду. По смерти Симеона, не оставившаго послѣ себя дѣтей, наперекоръ всемъ Русскимъ Князьямъ, Чанибекъ отдалъ Владимірскій престоль опять Московскому Князю Симеонову брату Іоанну; Московскіе Князья такъ поправились Узбекову дому, что все происки другихъ Князей не дѣйствовали на Хановъ. При Симеоновомъ преемникѣ продолжалось благоволеніе

⁵⁷ Договорная грамота В. К. Василя Дмитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ 1389 года: «А что Ордынская тягость и Коломенскій посоль, коли еси былъ въ своей отчинѣ, а то намъ по рачету; а Володимерскіе посоль, какъ ты выѣхалъ изъ своей отчины, а тотъ жи проторъ ненадобъ. А выидеть Юрья съ посломъ и намъ то подяти по рачету по выходу.» (Собр. Гос. грам. и догов., т. 1, № 35.)

Хановъ къ Москвѣ. Между тѣмъ Москва не чувствительно росла въ своихъ силахъ и приобрѣтала разными средствами разныя области; а напротивъ того Орда слабѣла; тамъ быстро смѣнялись ханъ за ханомъ; Сарай, ханская столица, представлялъ зрѣлище ужасныхъ жестокостей и кровопролитій, единовластіе рушилось; по нѣскольку хановъ начали являться вдругъ; междуусобіемъ не было конца. Пользуясь такими беспорядками въ Ордѣ, Московскіе бояре, по смерти Юанна, успѣли выходить у безсильнаго Хана Мурута ярлыкъ на Владимірское княженіе двѣнадцатилѣтнему Юаннову сыну Дмитрію и поддерживали оружіемъ опредѣленіе ханское противъ Дмитрія Константиновича Суздальскаго. Дмитрій Ивановичъ, руководимый опытными боярами, благими совѣтниками дяди и отца, пришедши въ совершенный возрастъ, уже смѣло утѣснять прочихъ Князей, надѣясь на слабость Орды; Князья Ростовскіе, Нижегородскіе, Стародубскіе, Галичскіе и многіе другіе, должны были признать его своимъ главою; только Тверь, Рязань и Новгородъ удерживали свою независимость. Дмитрію хотя еще ласкалъ ордынцевъ, но уже неоднократно раздражалъ хановъ своею непокорностію и даже не иначе согласился платить дань, какъ по особому договору съ Мамаемъ, чего прежде никогда не бывало,⁵⁸ и когда Мамай собравшись съ силами началъ требовать прежней дани и грозилъ войною, то Московскій Князь успѣлъ уже собрать до 200 т. воиновъ⁵⁹ и въ жестокой битвѣ на берегахъ Неирядвы поразилъ Монголовъ. Эта битва не освободила Руси отъ монгольскаго ига, но тѣмъ не менѣе во многомъ перемѣнила отношенія Москвы къ Ордѣ. Московскіе Князья стали уже надзирать за Монголами; съ этою цѣлію впервые была устроена линія сторожей и станичныхъ разъѣздовъ, которые далеко проникали въ Ордынскія степи по извѣстнымъ степнымъ дорогамъ, называемымъ

⁵⁸ «И нача Мамай слати къ В. Князю Дмитрію Юанновичу выхода просити какъ было при Забекѣ царі, а не по своему докончанью; боголюбивый же Князь Дмитрій Юанновичъ, не хоти кровопролитія, и хотѣ ему выходъ дати по христанской силѣ и по своему докончанью, какъ съ нимъ кончалъ.» (Совѣйск. Времен. подъ годомъ 1380.)

⁵⁹ «Исовокупися со всѣми Князи Рускими и со всею силою и поиде противу ихъ в борѣбъ съ Москвы, хоти боронити свою отчину, и приде на Коломну и собравъ вои своихъ сто тысящъ, и сто и проче Князей Рускихъ и воеводъ мѣстныхъ; отъ начала міру такова небылаа сила Руськихъ князей и воеводъ мѣстныхъ.» (Сов. Врем. подъ 1380 г.)

шляхами и сакмами, слѣдили за всѣми движеніями Татаръ и увѣдомляли Московское правительство о всѣхъ покушеніяхъ неугомонныхъ сосѣдей-грабителей: учрежденіе сторожъ и разъѣздовъ, кажется, должно отнести къ 1360 году, о чемъ мною подробно изложено въ статьѣ о сторожевой и станичной службѣ на Польской украинѣ Московскаго государства. ⁶⁰ Вовторыхъ, для подобной же цѣли Московскіе Государи имѣли особыхъ тайныхъ доброхотовъ Москвы, которые проживали или въ Ордѣ или на границахъ Руси, были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Татарами и тайно увѣдомляли нашихъ Князей о всѣхъ переѣздахъ и замыслахъ ханскаго двора. ⁶¹ Такъ несмотря на всю осторожность Тохтамыша напасть на Москву нечаянно, Димитрій, хотя уже поздно, но все-таки былъ увѣдомленъ о его походѣ; а о нападеніи Тамерлана, преемникъ Дмитріевъ, Василій, получилъ извѣстіе довольно благовременно и успѣлъ приготовиться къ встрѣчѣ грознаго завоевателя. Вообще послѣ знаменитой битвы съ Мамаемъ, Москва хотя продолжала платить дань Монголамъ, но уже не такъ исправно какъ прежде, и такъ сказать, съ часу на часъ ждала рѣшительнаго низверженія татарскаго ига ⁶² и хотя наши Князья ласкали еще хановъ, и даже смотря по обстоятельствамъ, иногда сами ѣздили въ Орду, но уже всегда были готовы къ отпору, ⁶³ и не смѣя еще вновь пускаться въ открытый бой, искали случая истребить враговъ другими средствами: ссорили Монголовъ съ Литвою, поддерживали раздоры въ самой Ордѣ, принимали тамошнихъ бѣглецовъ, давали средства имъ усилиться, чтобы ослабить тѣхъ, которые одерживали верхъ, принимали къ себѣ въ службу обиженныхъ въ Ордѣ тамошнихъ царевичей и князей, давали имъ въ управленіе украинскіе города, съ цѣлю, чтобы Монголы же защищали Москву отъ Монголовъ, въ чемъ вполне и

⁶⁰ Чтенія Москов. Общ. Исторіи и Древн. Росс., № 4, 1846 г.

⁶¹ «А въ то время пѣicoli са едва приде вѣсть В. Князю Дмитрію Ивановичу възвѣщающе рать Татарскую; аще бо нехоташе Тохтамышь, дабы кто пренесъ пѣсти на Рускую землю о его приходѣ, но обаче нѣщии доброхоты на предѣлахъ Ордынскихъ на то устроени, коборници суще земли Руской.» (Собр. Врем. подъ 1382 г.)

⁶² Духовн. грам. Донскаго, писанная въ 1389 году: «А коли дѣтемъ моимъ взяти дань на своей отчинѣ.... А переѣздитъ Богъ Орду, дѣти мои неумутъ давати взохода въ Орду, и который сынъ мой возметъ дань на своемъ удѣлѣ, то тому и есть.» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 34.)

⁶³ Такъ на примѣръ Василій Васильевичъ ѣздилъ къ Хану Махмету на судъ съ своимъ дядею Юріемъ Дмитріевичемъ,

успѣвали, ибо ордынскіе выходцы были злѣйшими и опаснѣйшими врагами тамошнихъ властителей, слѣдовательно, вѣрнѣйшими надежнѣйшими союзниками Москвы. Такимъ образомъ шли дѣла до самаго Іоанна III; Ордынскій выходъ собирался еще очень исправно, но большею частію оставался въ казнѣ велико-княжеской, въ Орду посылали только въ такомъ случаѣ, когда опасались сильнаго нападенія, когда приходили вѣсти о движеніи самого Хана или объ обширныхъ приготовленіяхъ къ походу; набѣги же татарскихъ удалцовъ всегда находили московское войско готовое ихъ встрѣтить на границѣ и проводить обратно въ степи; и только развѣ украдкой иногда удавалось имъ грабить Московскіе пограничные города, но и тутъ они рѣдко ускользали отъ погони. Послѣ битвы съ Мамаемъ, Русь можетъ быть стало тяжелѣе, но она уже тратилась не для удовлетворенія корыстолюбія ордынцевъ, а для приготовленія благовременныхъ средствъ къ сверженію постыднаго ига. Іоаннъ III, пока еще не вся Русь соединилась съ Москвою, заскалъ Хановъ и иногда давалъ выходъ; но покоривъ Новгородъ и сыскавъ вѣрнаго союзника въ Крымскомъ Ханѣ Менгли-Гирей, онъ совершенно отказался отъ ордынской дани, и въ 1481 году, не вступая въ рѣшительную битву, одною только своею политикою разрушилъ Золотую Орду, и такимъ образомъ освободилъ Русь отъ ига Монголовъ. Послѣ чего онъ и его преемники обратили свое вниманіе на искорененіе царствъ, образовавшихся изъ Орды Батыевой, и при Іоаннѣ IV, съ покореніемъ Казани и Астрахани, всѣ Монгольскія владѣнія присоединились къ Москвѣ, только одинъ Крымъ, бывшій подъ покровительствомъ Турціи, долго еще безпокойлъ Русь, грабилъ ея границы и иногда подходилъ даже къ самой Москвѣ. Но это уже былъ не опасный, а только безпокойный врагъ, всѣ набѣги и даже самыя сильныя походы Крымскихъ Хановъ имѣли своимъ результатомъ одинъ грабежъ, о покореніяхъ и завоеваніяхъ Крымцы не могли и думать, они даже не умѣли истребить нашихъ сторожевыхъ городковъ, которые годъ отъ году болѣе и болѣе углублялись въ степи и тѣснили крымскую вольницу къ морю, которая уже подъ самымъ Азовомъ натыкалась на наши развѣзды, а по теченію Дона всюду встрѣчала крѣпости, соединенныя другъ съ другомъ заставками и рвами, и охраняемыя достаточными гарнизонами. ⁶⁴

⁶⁴ Моя статья о сторожевой службѣ въ 4 № Чтеній Москов. Общества Истор. и Древ. Рос. 1846 года.

Отношеніе Московскихъ Князей къ Литвѣ.

Литва для югозападной Руси была тоже, что Москва для сѣверо-восточной, т. е. точкою соединенія разрозненныхъ княжествъ въ одно стройное цѣлое; но какъ югозападные и сѣверо-восточныя княжества Руси ни племеннымъ различіемъ, ни географическимъ положеніемъ, ни самою исторіею, не были рѣзко отдѣлены одни отъ другихъ и составляли одну Русь, раздѣленную только политикою княжескихъ родовъ, то посему Москва и Литва рано или поздно неминуемо должны были столкнуться другъ съ другомъ и стать въ непріязненныя отношенія. Первою точкою столкновенія было княжество Смоленское, бывшее на перепутьѣ обоихъ собирателей земли Русской. Москва первая объявила свои притязанія на эту готовую добычу, и Юрій Даниловичъ въ 1303 году завоевалъ одинъ изъ Смоленскихъ удѣловъ Можайскъ; почти сорокъ лѣтъ Литва, занятая другими дѣлами, не объявляла своихъ притязаній на это владѣніе и не вступала ни въ какія сношенія съ Москвою; но въ 1341 году Ольгердъ, только что завладѣвшій отцовскимъ престоломъ, съ большимъ войскомъ подступилъ къ Можайску, можетъ быть думая продолжать легкія присоединенія княжествъ на Сѣверѣ, точно также какъ это дѣлалъ его отецъ на Югозападѣ Руси. Впрочемъ отпоръ, сдѣланный Москвичами подъ Можайскомъ, открылъ глаза Ольгерду на счетъ Москвы, и онъ перемѣнилъ свой образъ дѣйствій, не оставляя однакожъ видовъ на сѣверо-восточную Русь и пока занялся Псковомъ и Новгородомъ, которые будучи тѣсными Нѣмцами, такъ сказать, лавировали между Московскими и Литовскими Князьями, въ своихъ сношеніяхъ льстили тѣмъ и другимъ, на самомъ же дѣлѣ склоняясь болѣе на сторону единовѣрной Москвы; между тѣмъ Московскій В. Князь Симеонъ Иоанновичъ, не вступая въ явную борьбу съ Литвою, не упускалъ случая вредить тамошнему властелину и радушно принималъ всѣхъ недовольныхъ Ольгердомъ, который наконецъ рѣшился однимъ разомъ покончить дѣло съ опаснымъ соперникомъ и послалъ въ Орду брата своего Коріяда вооружать Хана на Москву, но Симеонъ Иоанновичъ и здѣсь поставилъ на своемъ и до того успѣлъ при ханскомъ дворѣ, что ему даже выдали Литовское посольство и самого Коріяда. Ольгердъ, не видя успѣха ни въ войнѣ съ Москвою, ни въ проскахъ у Хана, на время присмирѣлъ и заключилъ миръ съ Симеономъ, который отпустилъ къ нему Коріяда и дозволилъ какъ самому Ольгерду,

такъ и другому его брату Любарту, жениться на Русскихъ княжнахъ, одному на Тверской, а другому на Ростовской; впрочемъ, видимый миръ не препятствовалъ обоимъ соперникамъ преслѣдовать свои цѣли, и когда Симеонъ въ 1351 году съ многочисленнымъ войскомъ двинулся къ Смоленску, то Ольгердъ проча эту богатую добычу себѣ, вступился за Смоленскаго Князя и настоятельно убѣдилъ Симеона оставить Смоленскъ въ покоѣ. Въ продолженіе Иоаннова княженія у Москвы не было столкновеній съ Литвою, хотя Ольгердъ и успѣлъ завладѣть Брянскомъ, Ржевомъ, Бѣлою и Мстиславлемъ, но Московскій Князь здѣсь не принималъ никакого участія. Съ утвержденіемъ на велико-княжескомъ престолѣ Димитрія Иоановича Донскаго, дѣла перемѣнились: хитрый Ольгердъ, чувствуя себя довольно сильнымъ, и составивъ въ свою пользу нѣкоторую партію между сѣверо-восточными князьями Руси, началъ дѣйствовать на Москву открыто, и подъ предлогомъ защиты своего родственника князя Тверскаго, тѣснимаго Московскимъ княземъ, три раза подходилъ къ Москвѣ, производилъ большія опустошенія въ ея окрестностяхъ, но рѣшительнаго ничего не могъ сдѣлать, и наконецъ въ 1372 году заключилъ съ Димитріемъ миръ и отказался отъ вмѣшательства въ дѣла Московскаго князя съ Тверскимъ; тѣмъ и кончились Ольгердовы замыслы на Москву. Онъ умеръ въ 1377 году. Смерть Ольгерда неминуемо должна была измѣнить на нѣсколько времени порядокъ дѣлъ въ пользу Москвы, ибо его преемникъ Ягайло, чтобы сдѣлаться самовластцемъ и господиномъ надъ дядями и братьями, началъ тѣснить своихъ родичей, которые въ крайности стали переходить въ службу Московскаго князя, принимавшаго ихъ съ охотою и почетомъ, и такимъ образомъ Димитрій сдѣлался грознымъ и опаснымъ для Ягайлы, который, чтобы бороться успѣшнѣе, вступилъ въ союзъ съ шедшимъ на Москву Мамаемъ и взялъ уже съ него обѣщаніе подѣлиться сѣверо-восточною Русью. Но битва на берегахъ Непрядвы измѣнила его надеждамъ, а потомъ дѣла съ Польшею, куда Ягайла пригласили въ король, совершенно отвлекли его вниманіе отъ сѣверо-восточной Руси. и Москва во все остальное время Дмитріева княженія оставалась спокойною съ литовской стороны, ибо знаменитый Витовтъ, Ягайловъ преемникъ въ Литвѣ, долго еще не могъ столько усилиться, чтобы свободно дѣйствовать на сѣверо-восточныя владѣнія Руси. Положеніе Литвы въ это время до того было еще шатко, что даже Смоленскіе князья вздумали было возвращать свои прежнія владѣнія отнятыя Ольгердомъ. Преемникъ Ди-

митрилъ Донскаго Василій въ первый годъ своего княженія вступилъ въ бракъ съ дочерью Витовта Софией, вѣроятно, думая симъ родственнымъ союзомъ обезпечить себя со стороны Литвы. Впрочемъ родство не могло удерживать предприимчиваго Литовскаго князя. Витовтъ въ 1395 году покорилъ Смоленскъ; потомъ началъ простираеть свои виды и на Москву, для чего по примѣру предшественниковъ своихъ вступилъ въ союзъ съ Ордынскимъ изгнанникомъ Тахтамышемъ, обѣщая ему позвратить Ханскій престолъ, съ тѣмъ чтобы онъ послѣ помогъ Литовцамъ овладѣть восточною Русью; но ужасное пораженіе, претерпѣнное имъ на берегахъ Ворсклы, разрушило его замыслы и на время такъ ослабило Литву, что Смоленскій Князь Юрій успѣлъ возвратить Смоленскъ, а Олегъ Рязанскій началъ даже наступательныя дѣйствія противъ Витовта и послалъ своего сына воевать Черниговскія области; но Витовтъ успѣлъ поправиться и разбилъ Рязанскаго княжича, а потомъ, при помощи измѣны, снова овладѣлъ Смоленскомъ и началъ наступательныя дѣйствія противъ Москвы, которыя возобновлялись три раза съ обѣихъ сторонъ и кончились въ 1408 году миромъ, по которому рѣка Угра была назначена границею Литовскихъ и Московскихъ владѣній, послѣ чего Витовтъ болѣе не воевалъ съ Москвою, а ограничивался только своими дѣйствіями на Рязань, Тверь, Новгородъ и Псковъ, пользуясь междуусобіями въ домѣ Калиты по смерти Василя Дмитріевича. Потомъ, когда Московскія междуусобія стали принимать благопріятный оборотъ въ пользу Василя сына Василя Темнаго, а между тѣмъ Витовтъ умеръ и въ Литвѣ начались безпорядки, въ которыя вмѣшалась Польша, имѣя въ виду соединить Литовскія владѣнія съ своими, то отношенія Москвы и Литвы во многомъ измѣнились и изъ наступательныхъ обратились во взаимно охранительныя; Великіе Князья представители той и другой стороны, занятые каждый междуусобіями и безпорядками въ своихъ владѣніяхъ, постоянно уклонялись отъ военныхъ дѣйствій другъ противъ друга и ограничивались преимущественно переговорами, которые, конечно, были ненадежны и далеко не упрочивали мира, но тѣмъ не менѣе давали время Москвѣ управиться съ своими домашними врагами и ставили Московскаго Князя въ довольно выгодное положеніе относительно Литвы; въ нихъ онъ вездѣ успѣвалъ отстранять непосредственное вліяніе Литовскаго Князя на сѣверо-восточныя владѣнія Руси, и довольно явственно намекалъ, что главный судья всей этой стороны одинъ только Московскій Князь, а не кто другой, и что всѣ владѣнія, принадлежащія разнымъ

княжескимъ родамъ и еще пользующіяся самостоятельностью и независимостию, скоро должны подчиниться Москвѣ. Лучшимъ свидѣтельствомъ всему сему служить договорная грамота между Казимиромъ Литовскимъ и Василіемъ Темнымъ, заключенная въ 1449 Году⁶⁵. Въ ней обѣ стороны клянутся быть вездѣ за одинъ и взаимно помогать другъ другу на всѣхъ враговъ, особенно на Татарь; обязываются въ случаѣ смерти одного изъ Великихъ Князей другому печаловаться дѣтьми покойнаго; Казимиръ обѣщается не принимать Димитрія Шемяки, Василій—Михаила Сигизмундовича; въ отношеніи къ Новгороду и Пскову Московскій Князь говоритъ Литовскому: «Въ Новгородъ Великій и во Псковъ, и во вси Новгородскіе и во Псковскіе мѣста, тобѣ Королю и Великому Князю не вступаться, а и не обидѣти ихъ; а имутъ ли ти ся Новгородци и Псковичи давати и тобѣ королю ихъ непріймати. А въ чомъ тобѣ Королю и Великому Князю Казимиру Новгородци и Псковичи зъгрубятъ, и тобѣ мене Великого Князя Василья обославъ да съ ними ся вѣдати, и мнѣ В. К. Василью не вступатися, ни помолвити про то на тебе, а въ земли и въ воды въ Новгородскіе тобѣ Королю и В. К. Казимиру не вступатися. А съ Нѣмцы ти, брате, держати вѣчный миръ, а съ Новгородци опришный миръ, а со Псковичи опришный миръ, а нѣкоторыми дѣлы имутъ межи себе воеватися и тобѣ Королю и В. К. межи ими не вступатися. А коли мнѣ В. К. Василью Новгородци и Псковичи згрубятъ, а вехочу ихъ показнати: и тобѣ Королю Казимиру за нихъ не вступатися». Относительно другихъ Великихъ Князей сѣверо-восточной Руси, изъ этой грамоты видно, что Тверской былъ на сторонѣ Литовскаго, а Рязанскій—Московского; при чемъ во взаимныхъ условіяхъ обѣихъ сторонъ, Василій относительно Рязанскаго Князя обязываетъ Казимира обнеобижать его и въ случаѣ какихъ неудовольствій относиться въ Москву для удовлетворенія: «а братъ мой молодшій В. К. Иванъ Федоровичъ Рязанскій со мною, съ В. К. Васильемъ въ любви, и тобѣ Королю его не обидѣти; а въ чомъ тобѣ, брату моему, Королю и В. К. Иванъ Федоровичъ Рязанскій зъгрубитъ, и тобѣ Королю и В. К. мене обослати о томъ: и мнѣ его въсчюити, и ему ся къ тобѣ исправить». Тогда какъ со стороны Казимира относительно Тверскаго князя не предложено никакихъ ограниченій: «а Князь Великій Борысь Александровичъ Тверскій въ твоей

⁶⁵ Акты относ. къ Ист. Зап. ад. Россіи., т. 1, № 50.

сторонѣ, а со мною съ В. К. съ Васильемъ въ любви и въ докончаніи; а судъ о земли и о водахъ мнѣ съ нимъ держати во всехъ обидныхъ дѣлахъ по старинѣ, а о чемъ ея судьи наши сопрутъ, и они положить на третей, хто будетъ обѣйма сторонамъ любь». А въ отношеніи пограничныхъ споровъ и дѣлъ съ обѣихъ сторонъ были приняты слѣдующія условія. «А што ся вчинитъ межъ вашими людьми и нашими, и волостели наши, зѣхавая, вчинитъ тому исправа безъ перевода; а про то намъ нелюбя не держати. А о земляхъ и водахъ и о всехъ обидныхъ дѣлахъ, на обѣ стороны межъ нами судъ объчый, отъ того времени, какъ дяди твоего В. К. Витовта въ животѣ не стало. А которые люди съ которыхъ мѣсть вышли добровольно: ино тымъ людямъ вольнымъ воля, гдѣ хотять тутъ и живутъ; а которые люди выведены откогѣ неволью или къ цѣлованью приведены, или за поруки подаваны ино ихъ отпустити добровольно съ ихъ статки къ ихъ мѣстамъ, а цѣлованье и поруки съ нихъ доловъ, на обѣ стороны по се наше докончанье. А што ся вчинитъ въ нашей любви, и тому всему судъ и исправа безъ перевода. А судьямъ нашимъ судити цѣловавъ крестъ; а суженого не посуживати; а суженое, заемное, положенное, поручное дати; а холопа, рабу, должника, поручника, татя, разбойника, бѣглеца, рубежника, по исправѣ выдати. А посломъ нашимъ ѣздити безъ опася. А гостемъ нашимъ гостити безъ рубежа и безъ накости». Хотя мирный договоръ, заключенный Васильемъ и Казимиромъ, не измѣнилъ недоброжелательной политики обоихъ государей и въ противность его обязательствамъ, врагъ Казимиръ Михайлъ Сигизмундовичъ былъ принятъ въ Москвѣ, а Васильевы недоброжелатели—сынъ Шемяки Иванъ Андреевичъ Можайскій и Иванъ Васильевичъ Боровскій, получили удѣлы въ Литовскихъ владѣніяхъ; но тѣмъ не менѣе въ продолженіе всего остальнаго княженія Василія Темнаго не было войны между Москвою и Литвою и все недоразумѣніе оканчивалось новыми переговорами, въ которыхъ каждая сторона старалась увѣрять другую въ своемъ доброжелательствѣ и расположеніи къ дружбѣ, о чемъ ясно говорится въ посланіи Митрополита Юны къ Казимиру, писанномъ въ 1450 году, гдѣ пастырь пишетъ Литовскому Князю: «И благодарю и благословляю ваше господство, чтобъ есте къ своему брату къ нашему сыну, В. К. Василью Васильевичу братство и любовь свою имѣлъ по тому крестному цѣлованію, на чѣмъ есте межъ себе честный и животворящій крестъ цѣловали; а братъ вашъ нашъ

сынъ, Великій Князь того же хочеть.»⁶⁶ При преемникѣ Темнаго, Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ, Москва получила рѣшительный перевѣсъ надъ Литвою; Московскій Князь успѣлъ покорить Новгородъ, освободился отъ Татаръ и подчинилъ себѣ всѣхъ князей сѣверовосточной Руси, такъ что онъ одинъ остался безспорнымъ властителемъ и Государемъ этой стороны и кромѣ того увеличилъ свое могущество многими завоеваніями въ земляхъ, не принадлежавшихъ Русскимъ князьямъ, а также своимъ рѣшительнымъ вліяніемъ на всѣ Татарскія царства; а въ Литвѣ начались сильныя неудовольствія за гоненіе на Греческую церковь, и всѣ Русскіе Князья, бывшіе въ зависимости отъ Литовскаго, даже закоренѣлые враги Московскаго Князя стали переходить къ нему съ своими отчинами. Неумѣстная ревность къ католицизму, обуявшая въ это время Литовско-Польское правительство, поставила Іоанна въ самое завидное положеніе защитника гонимой Греческой церкви: все русское народонаселеніе Литовской стороны отъ князей до поселянъ видѣло въ Московскомъ Князѣ единственную опору православія, и Іоанну стоило только забирать города, которые отдавались ему добровольно. Всѣ усилія тогдашняго Литовскаго Князя Александра рѣшительно не имѣли успѣха; онъ, думая удержать притязанія Московскаго Князя, объявилъ желаніе вступить съ нимъ въ родство и предложилъ руку Іоанновой дочери Еленѣ. Іоаннъ принялъ предложеніе и отправилъ дочь въ Литву; но это не доставило выгодъ Александру. Московскій Князь не отставалъ отъ своей политики и по прежнему принималъ къ себѣ литовскихъ отѣзчиковъ съ ихъ вотчинами, а между тѣмъ явно ронталъ на зятя за гоненіе Греческой вѣры и тѣмъ болѣе привлекалъ къ себѣ Литовскую Русь. Александръ началъ было войну, но и она не помогла: битва при Ведрожѣ рѣшила ее въ пользу Іоанна. Начали говорить о мирѣ, но Московскіе бояре, Іоанновы повѣренныя, объявили условіе Литовскимъ посланцъ: «Коли Государь вашъ похочеть съ нашимъ Государемъ любви и братства, и онъ бы Государю нашему отчины ихъ Русскіе земли всеѣ поступилъ.»⁶⁷ А посему вмѣсто мира, невозможнаго при такомъ требованіи, было заключено перемиріе на шесть лѣтъ, по которому всѣ пріобрѣтенія, сдѣланныя Іоанномъ въ Литовскомъ краю, остались за

⁶⁶ Ак. Ар. Эк., т. I, № 49.

⁶⁷ Ак. относящ. къ Ист. Зап. Рос., т. I, № 192.

Москвою. При Иоанновомъ преемникѣ Василии прежняя политика Московскаго двора не измѣнялась, точно также какъ не измѣнились и дѣла въ Литвѣ, гдѣ продолжались гоненія на православныхъ, которые поэтому продолжали переходить къ Московскому Князю, и въ числѣ прочихъ Литовскихъ отъѣзчиковъ были знаменитые Князья Глинскіе, возбуждившіе Василия къ явной и наступательной войнѣ съ Сигизмундомъ Литовскимъ, которая началась очень счастливо, и московскіе полки уже дошли до Вильны, по крымскій набѣгъ на Московскія владѣнія, подготовленный Сигизмундомъ, заставилъ Василия заключить миръ, по которому Сигизмундъ подтвердилъ за нимъ все пріобрѣтенія Іоанна; но миръ былъ непродолжителенъ и война началась съ новымъ жаромъ: Василии успѣлъ захватить Смоленскъ и Москвичи дошли уже до Орши; но здѣсь были разбиты на голову знаменитымъ воеводою Сигизмундовымъ, Княземъ Константиномъ Острожскимъ. Впрочемъ эта побѣда не имѣла важныхъ послѣдствій, и война тянулась до 1522 года. Наконецъ заключено было перемиріе, сперва на пять, а потомъ на шесть лѣтъ, по которому Смоленскъ утверждёнъ за Московскимъ Княземъ. При Иоаннѣ Васильевичѣ IV войны и перемирія возобновлялись нѣсколько разъ, но вообще съ обѣихъ сторонъ дѣла шли довольно вяло; ибо со стороны Москвы сперва много мѣшали боярскія смуты во время малолѣтства Государя, а потомъ преслѣдованіе Іоанномъ другихъ важнѣйшихъ цѣлей не дозволило ему заняться исключительно Литовскою войною; а въ Литвѣ война поддерживалась только правительствомъ, народъ же явно былъ расположенъ къ Москвѣ, такъ что Поляки, видя неминуемое соединеніе Литвы съ Москвою по смерти безпотомственнаго Сигизмунда, убѣждали сего послѣдняго окончательно и торжественно скрѣпить неразрывный союзъ Литвы съ Польшею въ одну Рѣчь Посполитую, чтобы ни тотъ, ни другой народъ не могъ избирать Государя отдѣльно, чего наконецъ и достигли послѣ многихъ происковъ на Люблинскомъ сеймѣ, бывшемъ въ 1569 году. И точно, опасенія Поляковъ были не безъ основанія: по смерти Сигизмунда, при избраніи новаго Короля, литовскіе чины явно стали на сторонѣ Московскаго Государя, и только Люблинскія условія воспренятствовали соединенію Литвы съ Москвою; но тѣмъ не менѣе расположеніе народа къ Московскимъ Государямъ не измѣнилось, и самъ Стефанъ Баторій послѣ многихъ блистательныхъ побѣдъ надъ Русскими, во время войны за Ливонію, не измѣнилъ значенія Москвы въ отношеніи къ Литвѣ, и даже нашёлъ необхо-

даннымъ предложить Иоаннову преемнику Теодору заключить заранѣе договоръ о соединеніи Посполитой Рѣчи съ Московскимъ государствомъ, немедленно по кончинѣ котораго-либо изъ обоихъ Государей, такъ чтобы оставшійся въ живыхъ царствовалъ и въ Москвѣ, и въ Варшавѣ; а по смерти Баторія, Литовскіе чины настоятельно потребовали отъ Поляковъ, чтобы избрать въ Короли Московскаго Государя, и только несогласіе на условія, предложенныя Теодоромъ, отстранило соединеніе обоихъ государствъ.

Территоріумъ Московскихъ владѣній.

Москва, находясь между сильными княжествами, Владимірскимъ, Тверскимъ и Рязанскимъ, при своемъ началѣ была въ самомъ невыгодномъ положеніи, и еслибы не ссора сыновей Невскаго, Дмитрія и Андрея, перемутившая всѣхъ сосѣднихъ Князей, то Москвѣ долго бы еще нельзя было выйти изъ числа слабыхъ удѣловъ; но успѣвши одинъ разъ выбиться на большую дорогу, Московскимъ Князьямъ легко уже было идти впередъ; и то, что при началѣ составляло невыгоду мѣстоположенія Москвы, впоследствии было одною изъ главныхъ причинъ ея могущества. Окруженная со всѣхъ сторонъ несогласными между собою Русскими княжествами и такимъ образомъ защищенная отъ первыхъ натисковъ вѣнскихъ непріятелей, она быстро начала расти во всѣ стороны, до времени не сталкиваясь ни съ Литвою, ни съ Монголами, которые сначала легко бы могли уничтожить ее при первой встрѣчѣ съ ихъ интересами. Расширеніе Московскихъ владѣній начинается съ Данила Александровича,⁶⁸ который имѣлъ уже кромѣ Москвы Боровскъ и по духовному завѣщанію Переяславскаго Князя Ивана Дмитріевича получилъ Переяславль и Дмитровъ, составлявшіе богатѣйшій и значительнѣйшій удѣлъ во всей сѣверовосточной Руси, увеличенный и устроенный еще Даниловымъ дѣдомъ Ярославомъ Всеволодовичемъ. Этотъ примысль, такъ легко доставшійся Данилу, поставилъ Москву въ такое положеніе, что

⁶⁸ Ростовская лѣтопись (Карамз. IV, примѣч. 82) называетъ Московскимъ Княземъ Михаила брата Невскаго, который, по свидѣтельству Никоновской лѣтописи, согналъ съ великаго княженія Владимірскаго дядю своего Святослава Всеволодовича, по сѣ этого времени нельзя еще начинать исторію усиленія Москвы, ибо Михаилъ, выгнавши Святослава, не думалъ больше о Москвѣ, и остался жить во Владимірѣ, не имѣвъ влѣянія на ея судьбу.

она почти при самомъ выступленіи на поприще исторической дѣятельности поровнялась силами съ старшими сосѣдними княжествами и, не безъ надежды на успѣхъ, могла уже вступить въ борьбу съ любымъ изъ ближайшихъ соперниковъ. При Юріѣ Даниловичѣ былъ присоединенъ къ Москвѣ Можайскъ, принадлежавшій великому княжеству Смоленскому⁶⁹ и окончательно утверждёнъ за Москвою Рязанскій городъ Коломна. Иоаннъ Даниловичъ Калита отнялъ у Новгородцевъ Торжокъ и Бѣжецкій верхъ,⁷⁰ купилъ Галичъ, Бѣлоозеро и Угличъ,⁷¹ сверхъ того въ его духовномъ завѣщаніи названы Московскими городами Звенигородъ, Руза, Лопастня, Серпуховъ и Перемышль, при слишкомъ 40 городахъ и волостей.⁷² При Симеонѣ и Иоаннѣ, преемникахъ Ка-

⁶⁹ «Тоеже вѣсны Кнзъ Великій Юрѣ Даниловичѣ Московскій съ своею братьею ратио ходилъ къ Можайску, и взя его, а Кнзю Святослава изымачъ привелъ на Москву.» (Ник. лѣт., т. III, подъ годомъ 1303).

⁷⁰ «Великій Кнзъ Иванъ Даниловичъ, возвратившись изъ Орды въ 1332 г., прогнѣвался на Новгородцевъ, требуя отъ нихъ закамскаго серебра, нарушилъ клятву и овладѣлъ Торжкомъ и Бѣжецкомъ.» (Повѣст. о Росс. Арцѣб., т. II, стр. 87.) Это же подтверждаетъ духовная грамота Василія Дмитріевича, гдѣ сказано: «А килгнѣ своей даю прадѣда своего примель въ Бѣжецкомъ Верхѣ Кистьму.» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 41.)

⁷¹ Такъ эти владѣнія названы въ духовной Д. И. Донскаго, писанной въ 1389 году, гдѣ сказано: «А се сына своего Василія благословляю своею отчиною великимъ княженіемъ. А сына своего благословляю Кнзю Юрѣя своего дѣда куплею, Галичемъ... А сына своего Кнзю Андрея благословляю куплею же дѣда своего, Бѣлымъ Озеромъ... А сына своего Кнзю Петра благословляю куплею же своего дѣда, Угличемъ полемъ.» (Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 34.) Впрочемъ изъ этого свидѣтельства видно, что Галичъ, Бѣлоозеро и Угличъ были прикуплены Калитою не къ Москвѣ, а къ великому княжеству Владимірскому, и до Донскаго принадлежали Московскимъ Кнзьямъ, только потому, что они же были и Владимірскими Великими Кнзьями, а посему о нихъ владѣніяхъ не упоминается ни въ одной духовной грамотѣ ни у Калиты, ни у его сыновей, да и самъ Донскій говоритъ о нихъ не какъ о чисто Московскихъ удѣлахъ и ставитъ въ одну категорію съ Владиміромъ. «А сына своего Василія благословляю своею отчиною великимъ княженіемъ, а сына Юрѣя своего дѣда куплею Галичемъ.» и проч.

⁷² Духов. грамота В. К. Ивана Даниловича, писанная въ 1328 году: «Приказываю сыномъ своимъ отчину свою Москву; а се есмь имъ роздѣлъ учинилъ. Се далъ есмь сыну своему большому Семену: Можаяскъ со всеми волостями, Коломну со всеми волостями Коломенскими, Городецку, Мезьню, Пѣсочну и Середокорону, Похряне, Устѣмерьку, Брошевую, Гвоздну, Ивани деревни, Маковецъ, Левничъ, Скулицъ, Копевъ, Гжелю, Горетову, Горки, село Астафьевское, село на Сѣверьцѣ въ Похрянскомъ уѣздѣ, село Константиновское, село Оршинское, село

литы, какъ можно заключать изъ ихъ завѣщаній, къ Московскимъ владѣнїямъ не было приращеній, но съ Дмитрія Донскаго границы Московскихъ владѣнїй быстро раздвигаются во всѣ стороны: такъ на юговостокъ онѣ простираются до верховьевъ Цны, Оки и Дона и уже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прямо упираются въ степи, принадлежавшія Татарамъ, какъ это ясно сказано въ договорной грамотѣ сего Князя съ Олегомъ Рязанскимъ, заключенной въ 1381 году: «А межѣ насъ роздѣлъ земли по рѣку по Оку, отъ Коломны въ верхъ по Оцѣ, на Московской сторонѣ Почень, Новый городокъ, Лужа, Верея, Боровескъ, и иная мѣста Рязанская, которая ни будутъ на той сторонѣ то къ Москвѣ; а на низъ по Оцѣ, по рѣку по Цну, отъ усть Тцны въ верхъ по Тциѣ, что на Московской сторонѣ Тцны, то къ Москвѣ; а что на Рязанской сторонѣ, то къ Рязани. А Володимерское по рубежъ, по тому какъ то было при вашемъ дѣдѣ при Великомъ Князѣ при Иванѣ Даниловичѣ, и при вашемъ дядѣ при В. К. при Семенѣ, и при твоємъ отцѣ при В. К. при Иванѣ. А что на Рязанской сторонѣ за Окою, что доселе потягло къ Москвѣ, Почень, Лопастна, уѣздъ Мстиславль, Жадѣне городище, Жадемль, Дубокъ, Породинъ съ мѣсты, какъ ся отступили килзи Торускіе Федору Святославичу, та мѣста къ Рязани. А что мѣсто Князя Великаго Дмитрія Ивановича на Рязанской сторонѣ Тула, какъ было при царицѣ при Тандулѣ, и коли сѣ баскаци вѣдали, въ то ся князю великому Олгу не вступати, и князю великому Дмитрію. А что мѣста Талица, Выползовъ, Такасовъ, та мѣста великому князю Дмитрію, князь великій Олегъ ступился тѣхъ мѣстъ К. В. Дмитрію Ивановичю. А что князя

Островское, село Копотеньское, селце Миккульское, село Малаховское, село Напрудное у города. А се даю сыну своему Ивану Звенигородъ, Кремичну, Рузу, Фоминское, Суходоль, Великую свободу, Замошьскую свободу, Угожь, Ростовци, Окатъеву свободу, Сирмиповское, Тростну, Нигучю; а села: село Рюховское, село Каменичское, село Рузское..... А се далъ семь сыну своему Андрею: Лопастну, Сиверську, Наруньское, Серпоховъ, Нивну, Темну, Голчичи, Щитовъ, Перемышль, Раствовецъ, Тухачевъ; а се села: село Талезское, село Серпоховское, село Колбасинское, село Парьское, село Перемышльское, село Битяговское, село Труфановское, село Ясиновское, село Колашнское, село Ногатнское. А се даю княгини своей съ меньшими дѣтьми: Сурожикъ, Мушину гору, Радошежское, Бѣли, Воря, Черногломль, на Воря свобода Софроновская, Вохна, Дѣйково рашень, Дашащова свобода, Машевъ, Селна, Гуслица, Рашень, что было за княгиню; а села: село Михайловское, село Луцинское, село у озера, село Радошежское»..... (Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 23).

великого Мещера, какъ было при Александрѣ Уковитѣ, то К. В. Дмитрію; а К. В. Озгу не вступатися по тотъ розѣздъ. А что Татарская мѣста отоималъ К. В. Дмитрій Ивановичъ за себя отъ Татаръ до сего до нашего докончанья, та мѣста К. В. Дмитрію; а что К. В. Озегъ отоималъ Татарская мѣста отъ Татаръ дотолѣ же, а то К. В. Озгу та мѣста.»⁷³ Изъ этой грамоты мы видимъ, что Дмитрій Донской началъ уже отнимать Русскія земли, бывшія до сего времени въ непосредственномъ владѣніи Татарскихъ баскаковъ, успѣлъ купить всю землю Мещерскую, и только въ одномъ мѣстѣ не переступилъ дѣдовскаго рубежа съ Рязанью: «А Володимерское порубежъ, по тому какъ то было при вашемъ дѣдѣ.» Но еще важнѣйшія указанія на распространеніе Московскихъ владѣній мы находимъ въ духовной Донскаго, писанной въ 1389 году;⁷⁴ впрочемъ здѣсь замѣчательно не столько распространеніе физическихъ границъ Московскаго государства, сколько расширеніе власти Московскаго Князя надъ владѣніями уже зависѣвшими отъ Москвы. Физическія границы государства раздвинулись только незначительными примыслами Донскаго въ Юрьевскихъ и Ростовскихъ волостяхъ, которыя важны преимущественно въ томъ значеніи, что ими пролагался путь къ будущему расширенію Московскихъ владѣній; въ этомъ же значеніи важны Тоть и Медынь, по словамъ завѣщанія, вытѣганныя у Смольничъ московскимъ бояриномъ Федоромъ Андреевичемъ, и также Казуга, Роца и отѣздные волости: Верея, Рудъ, Гордошевичи, Гремичи, Заберега и Сушовъ, приписанныя къ Можайску и въ первый разъ упоминаемыя только въ настоящемъ завѣщаніи, слѣдовательно, составлявшія примысль Донскаго. Но за то власть Князя Московскаго, со времени Донскаго, получаетъ такое развитіе, какого прежніе Князья только желали и къ которому лишь прокладывали дорогу; прежніи отдѣльные и самостоятельныя княжества Переяславль, Галичь, Бѣлоозеро и Угличе Поле, подчиненныя Московскому Князю, только потому что онъ же былъ и Великимъ Княземъ Владимірскимъ, и которыя ни Калита, ни его ближайшіе преемники, не смѣли и не могли еще назвать собственно Московскими владѣніями, въ духовномъ завѣщаніи Донскаго уже поступаютъ въ разрядъ чисто Московскихъ областей. Дмитрій Іоанновичъ не считаетъ уже пужнымъ отли-

⁷³ Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 32.

⁷⁴ Тамъ же, № 34.

чать ихъ отъ какого-либо Можайска или Звенигорода и дробить ихъ между своими сыновьями: Галичь отдаетъ Юрію, Бѣлоозеро Андрею, Угличе Поле Петру, даже самое великое княжество Владимірское называетъ своею отчиною, и благословляетъ имъ старшаго сына Василія, и вмѣстѣ съ Владиміромъ ему же отдаетъ и Переяславль, а Дмитровъ Переяславскій, прежній удѣлъ, назначаетъ Петру. Сверхъ того къ Московскимъ же владѣніямъ должно отнести богатый удѣлъ Калитина внука, Князя Владиміра Андреевича, къ которому, по распределенію Донскаго, принадлежали Серпуховъ, Городецъ, Боровскъ и Дужа, и къ которымъ въ годъ кончины Дмитріевой, сынъ его Василій прибавилъ Волокъ и Ржеву.⁷⁵ Такимъ образомъ въ годъ кончины Донскаго, Московскія владѣнія имѣли своими границами на западъ: Калугу, Верею, Можайскъ, Рузу, Волокъ, Ржеву, Бѣжецкъ, Устюжну и Бѣлоозеро, потомъ отъ Бѣлоозера на сѣверо-востокъ Галичь, Кострому и Юрьевъ. Этими границами на западъ Москва прямо упиралась въ Литовскія и Новгородскія владѣнія и въ половину окружала великое княжество Тверское, точно также какъ на югъ глядѣлась въ Татарскія степи и почти окружала Рязань, на сѣверъ и сѣверо-востокъ она опять сходилась съ Новгородскими областями, охватывала княженія Ярославское, Ростовское и Суздальское, а на востокъ закидывала свои владѣнія за Нижній и Муромъ, готовясь и ихъ прибрать къ рукамъ при первомъ удобномъ случаѣ. Въ чемъ исполнилъ и усилъ преемникъ Донскаго, старшій сынъ его Василій Дмитріевичъ: онъ при посредствѣ Татаръ въ 1391 году завладѣлъ Нижнимъ;⁷⁶ а потомъ приобрѣлъ и Муромъ. А въ договорной его грамотѣ съ Кн. Владиміромъ Андреевичемъ, писанной въ 1405 году⁷⁷ упоминается уже какъ о Московскихъ владѣніяхъ Алексинъ, Козельскъ, Людимильскъ, отнятыхъ Василиемъ у Повосельскихъ Тарусскихъ Князей. Въ духовной грамотѣ Владиміра Андреевича писанной въ 1410 году⁷⁸ въ числѣ земель Московскаго государства упоминаются: Радонежь, Хотунъ, Бѣлогородье и Юрьевоцъ лежащій на Волгѣ, а въ третьей духовной самаго Василія Дмитріевича, писанной въ 1424 году,⁷⁹

⁷⁵ Собр. Гос. Гр. и Дог., т. I, № 35.

⁷⁶ Ник. лѣт., т. IV, стр. 239.

⁷⁷ Собр. Г. Г. и Д. т. I, № 38.

⁷⁸ Тамъ же № 40.

⁷⁹ Тамъ же № 42.

къ Московскимъ владѣніямъ причисляются Волочекъ въ Новгородской землѣ, нѣкоторыя волости на Вологдѣ и Устюгѣ; въ договорной же грамотѣ Василья Васильевича съ дядьями въ числѣ примысловъ Василья Дмитріевича помѣщена Вятка, которую онъ уступилъ Юрію.⁸⁰ Василій Васильевичъ Темный въ продолженіе своего 37лѣтняго княженія успѣлъ уничтожить почти все удѣлы въ Московскихъ владѣніяхъ, и изъ другихъ отдѣльныхъ княженій и городовъ сѣверо-восточной Руси оставилъ не присоединенными къ Москвѣ только Рязань, Тверь, Псковъ и Новгородъ, но и тѣ были уже очень стѣснены и лишены многихъ областей; такъ что съ Рязанью Московскія владѣнія граничили уже Дономъ,⁸¹ за Тверскимъ великимъ княженіемъ были оставлены только Тверь и Кашинь,⁸² а отъ Новгорода были отрѣзаны Вологда, Устюгъ и земля Вятская. Границы и состояніе Московскихъ владѣній въ послѣдніе годы Василья Васильевича Темнаго всего лучше выражены въ его духовной грамотѣ, писанной въ 1462 году. Онъ въ ней пишетъ: «Сына своего старѣйшаго Ивана благословляю своєю отчиною великимъ княженемъ и Коломною, Володимеромъ,

⁸⁰ Тамъ же №№ 43 и 44. «Также што ми пожаловалъ (говорить Юрій Дмитріевичъ) отецъ твой Князь Великій Василій Дмитріевичъ Ваткою и зъ слободами и со всеми мѣсты».

⁸¹ Въ договорной грамотѣ В. К. Ивана Васильевича Московскаго съ В. К. Иваномъ Васильевичемъ Рязанскимъ, заключеннымъ въ 1483 году, сказано: «А что купля отна нашего В. К. Василья Васильевича за рѣкою за Окою Тѣшиловъ и Ревевъ и Растовець и иная мѣста, и тѣмъ пшшмъ землямъ съ твоею землею рубежъ отъ Оки съ усть Смѣлвы въ верхъ по Смѣлвѣ по усть Песоченки, а Песоченкою до верховья Песоченскаго, а отъ верховья Песоченскаго черезъ лѣсъ прямо къ Осетру къ усть Кудеснѣ, а Кудесною въ верхъ до верховья, а отъ верховья Кудесны прямо въ верхъ Табаломъ, а по Табаломъ на низъ въ Донъ.... А что за Дономъ твое В. К. Иваново Романцево съ уѣдомъ, и что къ нему потягло, и намъ Великимъ Княземъ въ то не вступатися; а тебѣ не вступатися въ нашу отчину въ Елечь, и во вся Елецкая мѣста, а Меча намъ вѣдати волче». (С. Г. Е. и Д. т. I, № 115).

⁸² Догов. грам. В. К. Бориса Александровича Тверскаго съ В. К. Васильемъ Васильевичемъ Темнымъ 1451 года. «А которые земли и воды потягли къ нашей отчинѣ къ Тѣфри и къ Кашину.... того ны, брате, подо мною подъ В. К. Борисомъ Александровичемъ неимати.... А рубежъ Тѣфри и Кашину, какъ было при моихъ предкахъ... и при мѣхъ при В. К. Борисѣ Александровичѣ, што потягло къ Тѣфри и къ Кашину; а съ Новгородомъ ми жити по старинѣ.... А которые земли и воды отошли отъ наше отчины Тѣфри и Кашина... а тѣмъ брате землямъ и водамъ судъ и исправа на обѣ стороны». (Тамъ же № 76).

Переяславлемъ съ волостями, съ путями и съ селы и со всеми пошлинами, Кострома, Галичь, Устюгъ съ волостями и съ путями и съ селы и со всеми пошлинами; да даю своему сыну Ивану землю Витьскую, да даю ему Суздаль со всеми пошлинами и съ волостями и съ путями и съ селы, Муромъ съ волостями, съ путями и съ селы и со всеми пошлинами, Юрьевомъ и съ Великою Солью и со всеми пошлинами; да даю своему сыну Ивану Боровескъ со всеми волостями и съ путями и съ селы и со всеми пошлинами, какъ было за Княземъ за Васильемъ, и Суходоль съ Истьею и съ Истервою и съ Краснымъ селомъ, да Колугу и съ Олексинымъ, какъ было за Княземъ за Иваномъ Можайскимъ. Да сыну своему Юрью даю Дмитровъ со всеми волостями, и со всеми тѣми, какъ было за Княземъ за Петромъ; да даю сыну же своему Юрью Можаяскъ съ волостями и съ Медыцью и что къ Медыни потягло, да Серпоховъ да Хотуль со всеми пошлинами. А сыну своему Ондрею даю Углече со всеми волостями, и съ Устюжною, и съ Рожаловымъ, и съ Велетовымъ и съ Кистьюю, и со всеми съ тѣми, какъ было за Княземъ за Дмитриемъ за Шемякою; да даю ему Бѣжецкй Верхъ, да Звенигородъ съ волостями и съ путями и съ селы и со всеми пошлинами. А сыну моему Борису даю Ржеву, да Волокы, да Рузу съ волостями, съ путями и съ селы и съ пошлинами. А сыну моему Андрею меньшему даю Вологду и съ Кубеною и съ Заозерьемъ со всеми къ Вологдѣ и хъ Кубецъ и къ Заозерью потягло и съ пошлинами, а княгиня своей Ростовъ и со всеми, что къ нему потягло, и съ селы своими до ея живота; а Князи Ростовскіе, что вѣдали при мнѣ при В. Князи, инѣ потому и держать, и при моей Княгини, а Княгини моя у нихъ въ то не ветунается; а возьметъ Богъ мою Княгиню, и Княгиня моя дастъ Ростовъ моему сыну Юрью, а онъ держать по тому же, какъ держала его мати; что Князи вѣдали свое, инѣ по тому же держать. Иоаннъ III-й искусно пользуясь средствами приготовленными отцомъ покорилъ Новгородъ со всеми его богатыми пригородами и обширными областями простиравшимися до Бѣлаго моря и горъ Уральскихъ, присоединилъ къ Московскимъ владѣніямъ независимый Псковъ, уничтожилъ самостоятельность Великаго Княжества Тверскаго, и во всей сѣверо-восточной Руси не оставилъ ни одного городка не зависимымъ и отдѣльнымъ отъ Москвы и только изъ милости дозволилъ своему родственнику Князю Рязанскому называться еще Великимъ Княземъ и пользоваться одною тѣною самостоятельности; кромѣ того онъ далеко

выдвинулся во владѣнія Литовской Руси и перенесъ границы Московскаго государства уже за Десну, гдѣ при немъ принадлежали Московскому Князю Стародубъ и Брянскъ. Въ его духовной грамотѣ, писанной въ 1504 году,⁸³ названы Московскими городами по верховьямъ Оки по обоимъ берегамъ и по ея притокамъ, Кашира, Торуса, Алексинъ, Одоевъ, Бѣлевъ, Мценскъ, Новосиль, Пронскъ и Веневъ; по Дону и Воронежу Елецъ и Козловъ, выдвинувшіеся въ степи далеко за Рязанскія владѣнія, за Угрою прежнею границею Литовскихъ владѣній и далеко въ Литовско-Русскихъ областяхъ по Деснѣ и за Десною Серпейскъ, Мещовскъ, Козельскъ, Брянскъ и Стародубъ; на Смоленской границѣ Вязма и Дорогобужь; даже на Сѣверо-западъ прежнія Новгородскія и Псковскія владѣнія: Великія Луки, Холмъ, Островъ, Руса, Псковъ, Новгородъ, Гдовъ, Ямгородъ, Колорье, Орешекъ, Ладога, Дѣмонъ, Земля Корельская и Лопъ; потомъ на Сѣверо-востокъ Завоцкая и Двинская земля, Онега, Каргополе, Двина, Вага, Кокшенга, Вельскій погостъ и Колмогоры, также вся Печерская страна до самаго моря, и на востокъ Югорская земля, Пермь великая, земля Арская, Вятка, Черемиса, Мордва и Мещера. Иоаннъ даже поставилъ въ нѣкоторую зависимость отъ себя царство Казанское и Нагайскія орды, но здѣсь еще не было Московскихъ владѣній. Преемникъ Иоанновъ Василій въ 1510 году окончательно уничтожилъ самостоятельность Пскова, и далъ ему управленіе одинаковое съ другими городами Московскаго государства; въ 1514 году завоевалъ Смоленскъ; въ 1521 году присоединилъ къ Московскимъ владѣніямъ остатки княжества Рязанскаго, и въ 1526 году захватилъ Новгородъ Сѣверскій, а тамошннго Князя Василья Шемякина, подручника и вѣрнаго союзника Иоаннова, уморилъ въ Московской темницѣ. При Иоаннѣ IV присоединены были къ Московскимъ владѣніямъ царства Казанское и Астраханское, и положено начало завоеванію Сибири, это съ восточной стороны, на югъ же, при помощи мелкихъ войнъ и постояннаго заселенія Придонскихъ степей, границы Московскаго государства были выдвинуты съ одной стороны почти до впаденія Сѣвернаго Дона въ Донъ и даже до Азова, а съ другой до устья Ворсклы въ Днѣпръ.⁸⁴ При Царѣ Феодорѣ Иоанновичѣ утверждено владычество Москвы надъ Си-

⁸³ Соб. Г. Г. и Д., т. I, № 144.

⁸⁴ Моя статья о сторожевой службѣ, Чтен. въ Общ. Исг., т. IV, 1846 года.

бирью, а на юго-востокъ границы Московскія уже упирались въ берега Терека и Кавказскія горы. Такимъ образомъ, въ продолженіи трехъсотъ лѣтъ, отъ послѣднихъ годовъ перваго Московскаго Реликаго Князя Данила Александровича до кончины Царя Θεодора Иоанновича, Москва, изъ незначительнаго владѣнница сѣверо-восточной Руси, далеко еще не выходившаго изъ границъ нынѣшней Московской губерніи, выросло въ огромное государство, поглотившее не только всю сѣверо-восточную Русь, но и далеко перешагнувшее за древніе ея предѣлы, поставившее на сѣверѣ своими границами Ледовитое море и Сѣверный океанъ, на западъ выдвинувшееся почти до Финскаго залива и низовьевъ Днѣпра и на югъ до Азовскаго моря и горъ Кавказскихъ, а на востокъ до моря Каспійскаго и береговъ Оби.⁸⁵ И что всего замѣчательнѣе распространеніе Московскихъ владѣній не было плодомъ ни торговой политики, ни опустошительныхъ завоеваній; Москва выросла рѣшительно отъ постояннаго и дѣятельнаго преслѣдованія одной мысли сосредоточить силы разрозненной Руси, сгладить слѣды прежней разрозненности и отстранить враждебное вліяніе непріязненныхъ сосѣдей. А посему при каждомъ присоединеніи новаго владѣнія Московское правительство не отягощало тамошнихъ жителей большими налогами, и заботилось не столько о своихъ непосредственныхъ матеріальныхъ выгодахъ, сколько о введеніи формъ своей администраціи и о распространеніи чисто-Московского образа жизни. Съ этою цѣлію она въ новопріобрѣтенныхъ областяхъ селила поселенцовъ изъ своихъ старинныхъ владѣній, а въ земляхъ принадлежавшихъ прежде кочевымъ народамъ или звѣроловамъ строила города и селенія, и не жалѣя никакихъ расходовъ и усилій постоянно заботилось о водвореніи осѣдлой жизни и земледѣлія; чему служатъ яснымъ свидѣтельствомъ все наказы воеводамъ во вновь построенныхъ городахъ Сибири и Придонскихъ степей. Въ наказахъ этихъ вновь приходящимъ земледѣльцамъ не только назначались льготные годы относительно платежа податей, но даже выдавались отъ казны деньги и хлѣбъ для первоначальнаго обзаведенія поселенца, а чтобы льготы и деньги не доставались туендцамъ, воеводы каждагодно обязаны были до-

⁸⁵ Въ дѣлахъ Посольск. № 16, л. 27. Ясаку положили (Государь) на Сибирское царство, и на Конду большую, и на Конду на меньшую, и на Пельмское государство, и на Туру рѣку.

ставлять въ Москву отчеты съ поименными вѣдомостями, сколько распахано земли, посеяно хлѣба и какой урожай. Многіе изъ таковыхъ отчетовъ и поименныхъ вѣдомостей сохранились до настоящаго времени, и служатъ памятникомъ тогдашняго образа дѣйствій, которому слѣдовали Московскіе Государи въ управленіи вновь приобретаемыми владѣніями.

Внутреннее устройство Московскаго Государства.

ПОЗЕМЕЛЬНОЕ ВЛАДѢНІЕ.

Какъ первоначально устроилась Москва, мы не знаемъ. Темныя преданія о построеніи ея Княземъ Юріемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ во владѣніяхъ боярина Кучки можетъ быть и имѣютъ основаніе; но по своей неразвитости и отрывочности не могутъ быть приняты за историческія данныя, на которыхъ бы можно было создать систему ея первоначальнаго устройства. Положительно вѣрнаго мы знаемъ только то, что въ нашихъ лѣтописяхъ Москва въ первый разъ упоминается въ 1147 году, въ которомъ Князь Юрій Долгорукій приглашалъ въ Москву своего союзника Сѣверскаго Князя Святослава Ольговича. Потомъ упоминается о Москвѣ подъ 1175, 1176 и 1177 годами: въ первые два года проѣзжали черезъ Москву и останавливались въ ней Князья искавшіе Владимірскаго престола, а въ послѣдній Рязанскій Князь Гдѣбъ на походѣ во Владиміръ сжегъ Москву съ окрестными селами. Всѣ сіи извѣстія показываютъ, что Москва еще не имѣла своего особаго Князя, и принадлежала къ числу городовъ полузависѣвшихъ отъ Великаго Княжества Владимірскаго; только чрезъ 90 лѣтъ послѣ перваго извѣстія о Москвѣ наши лѣтописи упоминаютъ о первомъ Московскомъ Князѣ Владимірѣ Георгіевичѣ, сражавшемся съ Батыемъ въ 1237 году. Все это показываетъ, что Москва первоначально не была чисто княжескимъ городомъ, и основана не Юріемъ Долгорукимъ, а свободною общиною туземцевъ, или выселенцами изъ какого-либо сосѣдняго старшаго города, точно также какъ всѣ древніе города Руси; Суздальскіе же Князья, странствуя по лѣснымъ пустынямъ этого края, наткнулись на нее тогда, когда уже она довольно сложилась и считала своею собственностію порядочное пространство земли, занятое одноплеменными и зависѣвшими отъ города селами и деревнями. При

встрѣчь съ сильнымъ княземъ или съ его дружиною разумѣется незначительная Москва не могла дать сильнаго отпора, а можетъ быть и вовсе безъ сопротивленія покорилась власти находниковъ, то есть признала верховный княжескій судъ и согласилась платить дань (какъ это мы видимъ во всѣхъ древнихъ городахъ Руси); но тѣмъ не менѣе сохранила свою внутреннюю жизнь и общинный бытъ, въ который не вступались князья довольные покорностию и занятые своими междуособиями. Въ слѣдствіе такого первоначальнаго отношенія князей къ Москвѣ вся земля, какъ городская, такъ и уѣздная въ Московской сторонѣ (какъ и въ другихъ краяхъ Руси), не составляла собственности Князя, но или принадлежала городскимъ и сельскимъ общинамъ, или была въ вотчинномъ владѣніи частныхъ лицъ, которыя могли ее дарить, продавать и завѣщывать. Свидѣтельствомъ сему служатъ всѣ дошедшія до насъ грамоты Московскихъ Князей. Такъ въ первой же грамотѣ Ивана Даниловича Калиты ⁸⁶ мы находимъ рѣзкое отлічіе земель принадлежащихъ Москвѣ отъ поземельной собственности Князя: земли принадлежащія Государству онъ называетъ *волостями*, а княжью поземельную собственность отличаетъ названіемъ *села*; въ волостяхъ Князь имѣетъ только власть суда и дани, а земли не могъ ни продавать, ни дарить, ни отчуждать какимъ бы то ни было образомъ; въ своихъ же селахъ онъ былъ полнымъ хозяиномъ; могъ ихъ продавать и мѣнять на села и деревни другихъ собственниковъ, закладывать и жаловать ими своихъ бояръ, населять своими крѣпостными людьми или вольными крестьянами, и дѣлать въ нихъ разныя хозяйственныя распоряженія. Села составляющія собственность Князя, частію можетъ быть были уступленые при первоначальномъ условіи съ городской общиною, по которому послѣдняя признала его власть надъ собою, а частію пріобрѣтены покупкою у частныхъ собственниковъ, или доставались за вину отъ княжскихъ слугъ, на что также прямо указываютъ всѣ княжескія грамоты. Такъ Калита въ своей духовной грамотѣ: «А что есмь купилъ село Петровское, и Олексинское, и Павловское на Масѣ, а половину есмь смѣнилъ съ митрополитомъ.... а селца на Масѣ, что есмь купилъ у Аѳинѣа, то даю сыну своему Ивану. ⁸⁷ Или въ духовной грамотѣ В. К. Василья Васильевича Темнаго ⁸⁸ сказано,

⁸⁶ Дух. В. Ки. Ивана Дав. 1328 г. Собр. Г. Г. и Д. т. I, № 21.

⁸⁷ Тамъ же.

⁸⁸ Собр. Г. г. и д. т. I, № 87.

«Да что ми дала Настасья Федорова Андреевича села Мячково и здеревнями въ куплю, а держати ей за собою до своего живота; да что ми дала дочи ее Орина Олехеѣва жена Игнатъевича свои села на рѣцѣ на Москвѣ въ куплю же до своего живота; и тѣ села Настасьины и Оринины о послѣ ихъ живота моеи княгини; а княгини моя по моимъ купчимъ грамотамъ отдасть имъ цѣну за тѣ села по ихъ душѣ, кому они прикажутъ о послѣ своего живота». Это стараніе Князей приобрѣтать поземельную собственность покушкою, прямо показываетъ, что земля вообще принадлежала Государству, а не составляла собственности Княжеской власти. И не только въ удѣлахъ, но и въ самыхъ городахъ Князья владѣли только опредѣленными участками земли, и желая увеличить свою поземельную собственность, должны были приобрѣтать ее или покушкою, или другими какими сдѣлками съ частными землевладѣльцами. На это указываетъ таже грамота Василья Васильевича Темнаго, о которой мы только что говорили, въ ней сказано: «Да даю сыну своему Юрью, чѣмъ его благословила моя мати... Семчинскимъ селомъ у Москвы и съ дворы городскими и съ Самеоновымъ лугомъ и своимъ прикуномъ селцомъ Воробьевымъ и съ Семеновскимъ здеревнями». Или далѣе говоря о Князѣ Борисѣ Васильевичѣ: «Да у Москвы село Шарапово здеревнями, да лугъ на рѣцѣ на Москвѣ подъ крутицею, да что ему дала Марья Федорова Галгяева дворъ свой внутри города на Москвѣ, кно то его и есть». Или въ духовной грамотѣ В. К. Ивана Васильевича писанной въ 1504 году: «Даю сыну моему Василью село Воронцовское на Яузѣ, гдѣ мой дворъ и здворы зъ городцкими... какъ было при мнѣ; да монастырь Мищиково и зъ дворы, да Ильинскую слободу со веѣмъ по тому, какъ еси вымѣнилъ у Андроникова монастыря». ⁹⁴ Такимъ образомъ въ Московскомъ Государствѣ земля не составляла исключительной собственности Князя: онъ какъ собственникъ владѣлъ только нѣкоторыми ея частями, которыя или были ему уступлены народомъ при первоначальномъ съ нимъ условіи, или приобрѣтены покушкою, у частныхъ лицъ или другими какими сдѣлками, и которыя по сему назывались собственно *княжими* селами или *подклетнымъ*, а потомъ *дворцовыми*. Но кромѣ того были земли собственно Государственныя, извѣстныя по названіемъ *черныхъ волостей*; потомъ земли *вотчинныя*, со-

⁹⁴ Соб. Г. г. и д. т. I, № 144.

ставивши частную собственность или бояръ, или епископа, или монастырей и церквей; и наконецъ *помѣстныя*, которыя давались князьями служивымъ людямъ вмѣсто жалованья на время службы; эта дача помѣстій сперва производилась только изъ дворцовыхъ или княжескихъ селъ и деревень, но потомъ при большемъ распространении княжеской власти и при слитии княжеской дружиной службы со службою земскою или Государственною въ помѣстья нерѣдко назначали и черныя земли особенно изъ вновь завоеванныхъ или изъ дикихъ полей.

Различныя основанія владѣнія поземельною собственностью влекли за собою различныя отношенія владѣльцевъ и различныя права и обязанности, сопряженные съ тѣмъ или другимъ владѣнiемъ; а это различiе отношенiй правъ и обязанностей имѣло если не исключительное, то по крайней мѣрѣ преимущественное и сильнѣйшее влiянiе на все послѣдующее развитiе Государственнаго устройства въ Московскихъ владѣнiяхъ, и характеризовало всю внутреннюю исторiю Московскаго Государства, и по сему служить единственнѣмъ объясненiемъ для многихъ явленiй въ нашей исторiи, которыя съ перваго взгляда кажутся непонятными и безпричинными. Все это заставляетъ историка обратить особенное вниманiе на сей важный Государственный вопросъ и прослѣдить его постепенное развитiе и различныя рѣшенiя на пространствѣ всей исторiи Московскаго Государства до окончательнаго соединенiя всѣхъ сѣверовосточныхъ владѣнiй Руси съ Москвою. Чтобы яснѣе и опредѣленнѣе рѣшить этотъ важный въ исторiи внутренней жизни Государства вопросъ, я считаю необходимымъ прослѣдить исторiю каждаго рода поземельныхъ владѣнiй отдѣльно, и для большаго порядка и послѣдовательности начну съ старшаго, именно съ владѣнiя черными землями, потомъ перейду къ владѣнiямъ вотчиннымъ, за симъ къ Княжескимъ или къ дворцовымъ и наконецъ къ владѣнiямъ помѣстнымъ.

Черныя земли, какъ въ Москвѣ такъ и во многихъ другихъ городахъ Руси, составляли ту незыблемую и постоянную основу Государства, ту точку опоры на которой создавалось и утверждалось Государство, въ нихъ заключалось зерно Государственной самостоятельности и благодѣтельнаго озрицанiя противъ раздробленiя владѣнiй, противъ котораго не дерзала возставать даже удѣльная система грозившая Руси конечныхъ разъединенiемъ. Владѣнiе черными землями сообщившее имъ такой важный Государственный характеръ

накъ въ началѣ такъ и во все продолженіе Московской исторіи было чисто общинное. Черныя земли въ полномъ смыслѣ слова были землями Государственными, и частныя лица ни подъ какимъ видомъ не могли прибрѣтать ихъ въ свою собственность, одиѣ только общины могли располагать ими, но и то безъ права отчужденія; даже сами Князья или Государи Московскіе не посягали на ихъ неприкосновенность, и во всѣхъ договорахъ съ другими Князьями исключали всякое посягательство на эту неотъемлемую собственность Государства. Такъ въ договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ К. Владиміромъ Андреевичемъ заключенной въ 1388 году сказано: «А сель ти не купиши въ моемъ удѣлѣ, ни въ великомъ княженѣи, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ бояромъ. А хто будетъ покушилъ земли да иные служки ихъ черныхъ людей, по отца моего животѣ по Князя Великого Ивановѣ; а гдѣ хто возможеть выкупити инѣ выкупать; а не возмогутъ выкупити, инѣ потянуть къ Чернымъ людямъ; а хто невсхочеть тянути, инѣ ся земля съступать, а земли чернымъ людѣмъ даромъ.»⁵⁵ Тоже должно быть говорится и въ договорной грамотѣ В. К. Симеона Ивановича съ братьями писанной въ 1341 году, изъ . . . хъ волостей и изъ и . . . нашихъ удѣлахъ некупиши, ни бояромъ твоимъ, ни слугамъ безъ . . . ни нашимъ бояромъ, ни слугамъ сель въ твоемъ удѣлѣ, и учисленныхъ . . . имѣти . . . всемъ . . .⁵⁶ А въ духовной грамотѣ В. К. Ивана Даниловича писанной въ 1328 году сказано о черныхъ людяхъ, гдѣ они названы численными: «А численные люди вѣдаютъ сынове мои собча, а блюдутъ вси съ одного.»⁵⁷ Здѣсь черныя земли даже не поступаютъ не только въ собственность, но даже и въ управительственный раздѣлъ между князьями: «а вѣдаютъ собчи, а блюдутъ съ одного.» Но не токмо въ началѣ Государства, но и въ послѣдствіи при большемъ развитіи великокняжеской власти, неприкосновенность черныхъ земель остается въ своей силѣ; такъ еще В. К. Василій Васильевичъ Темной, въ договорной грамотѣ, писанной въ 1435 году, говоритъ: «А тобѣ въ моей вотчинѣ въ Москвѣ..... съ дворомъ челоуѣка тяглово некупити; а мнѣ въ твоей вотчинѣ въ Дмитровѣ челоуѣка тягло сѣ дворомъ некупити.»⁵⁸ Таковая неприкосновенность

⁵⁵ Соб. Г. г. л. д. т. I. № 33.

⁵⁶ Тамъ же № 23.

⁵⁷ Тамъ же № 22.

⁵⁸ А. А. Э. т. I, № 29.

черныхъ земель исключала ихъ отъ всякаго произвола, такъ что Государь первоначально не имѣлъ права назначать ихъ даже въ пожизненное владѣніе своимъ боярамъ, и только съ В. К. Іоанна Васильевича III мы встрѣчаемъ иногда нѣкоторыя уклоненія отъ этого правила, но и то, кажется, только въ отношеніи къ чернымъ землямъ завоеваннымъ княженіи, въ отношеніи къ которымъ конечно, могло быть болѣе произволу. Черныя земли рѣшительно зависѣли отъ однихъ общинъ, Князь же на нихъ имѣлъ только право суда и дани: даже и на судѣ намѣстникъ княжескій или волостель, или присланный Княземъ судья не иначе могъ производить судъ какъ при посредствѣ судныхъ мужей, которые избирались изъ лучшихъ членовъ общины или волости, и отвѣтствовали въ правдѣ и неправдѣ не передъ Княземъ, а передъ общиною, которая ихъ избрала; такъ было даже при В. К. Иванѣ Васильевичѣ III и при его сынѣ Василіѣ Ивановичѣ;⁹⁹ и только уже при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ IV судные волостные или общинные мужи были замѣнены цѣловальниками, которые хотя назначались и изъ общинныхъ людей, но носили уже болѣе офиціально-служебный характеръ, ибо присягали на службу Государю, и избираясь не на одинъ опредѣленный случай, а на нѣсколько лѣтъ по своимъ служебнымъ отношеніямъ ближе были къ княжескимъ судьямъ, нежели къ своей общинѣ или волости. Относительно дани въ черныхъ волостяхъ, Князь только пользовался судными пошлинами, извѣстными подъ названіями головщины, праваго десятка и пересуда, волостелевымъ или намѣстничимъ и его служебныхъ людей кормомъ, и наконецъ, собственно данью, которая собиралась княжими данщиками весной и осенью и потому называлась *въшнюю* и *осеннюю*, да еще мытными и таможенными доходами и оброками съ разныхъ угодій: съ мельницъ, рыбныхъ ловель, солотоварень и бобровыхъ гоновъ, и наконецъ, ямскими деньгами, приметомъ, запросомъ и выходомъ или татарщиною, собственно податями, собираемыми первоначально въ пользу Татаръ, и по уничтоженіи татарскаго ига, перешедшими въ казну княжескую;

⁹⁹ Въ моемъ собраніи древнихъ юридическихъ актовъ, Въ одной развѣдной грамотѣ 1530 года сказано: «А судные мужи въ судномъ спискѣ писаны: сотскою Яронодскою Якимъ Самойловъ сынъ, да Аристъ Савинъ сынъ Савиновъ, да Савостьянъ Ильинъ сынъ, да Митя Агафоновъ сынъ Валевъ, да Семень Комень Васильевъ сынъ, да изъ Гороховца съ Посада Иванъ Бутава Борисовъ сынъ». (№ 4).

всѣ же прочіе доходы, поборы и повинности, взимаемыя съ черныхъ волостей, принадлежали государству, а не Князю; таковы были: посоцина, городовое дѣло, мостовщина и многія другія, которыя раскладывались на выти и тягла по мірскимъ разрубамъ и розметамъ по разсужденію всѣхъ волостныхъ или общинныхъ людей сообща, безъ вмѣшательства со стороны князя или его намѣстниковъ; волостные люди съ своими старостами и сотеками, сами давали льготныя грамоты чернымъ людямъ своей волости;¹⁰⁰ сами раздѣляли между собою земли, принадлежащія ихъ волости, и этотъ раздѣлъ признавался законнымъ, и во всѣхъ тяжбахъ былъ принимаемъ какъ officialный документъ на право владѣнія, противъ котораго не допускалось спора.¹⁰¹

Таковой характеръ черныхъ волостей Государи Московскіе старались поддерживать до совершеннаго соединенія съ Москвою всѣхъ Русскихъ владѣній; даже въ Судебникѣ Царя Ивана Васильевича мы находимъ нѣкоторыя статьи, обезпечивающія неприкосновенность черныхъ волостей, и признающія законность ихъ общиннаго управленія. Такъ въ статьѣ 84 Судебника отдѣлены черныя волости отъ вотчинныхъ и помѣстныхъ земель;¹⁰² а въ 72 розметы и полатныя раскладки черныхъ людей между собою признаются законными доказательствами на судѣ относительно того, кто какимъ владѣть имуществомъ.¹⁰³ Впрочемъ изъ 84 статьи Судебника уже замѣтно, что черныя земли начали называться Государевыми землями, а другіе памятники древней администраціи Московскаго государства время Іоанна Васильевича и его сына Феодора указываютъ на отдачу черныхъ земель въ помѣстья, и

¹⁰⁰ Такъ въ одной отводной грамотѣ писанной въ 1539 году сказано: «И старшій сотекой Василей Ворошиловъ, да Семень, да Митя и ихъ товарищи тако рязли: сказываемъ, господине, вамъ по Князю Великому вѣчному дѣлованію. Тотъ господине, починокъ поставилъ Нестеръ Мелеховъ на землицѣ на объѣзду Гороховскіе волости Рамепскихъ деревень, тому два года будутъ Николинъ день вѣшній. А даль, господине, ту землицу объѣздъ на льготу на 10 лѣтъ, изъ Васюкъ Ворошиловъ, поговори съ споею братьею и со всею волостью Гороховскою».

¹⁰¹ Въ той же отводной грамотѣ черныя люди Гороховской волости говорятъ: «И мы, господине, на томъ третьемъ полѣ, той деревни Дубровки на деревнищахъ посадили Данилка Гаврилова сына Кухмырева, гдѣ прежде того отецъ его живаль, и Данилко на томъ мѣстѣ поставилъ себѣ починокъ, а тому два года». (Мое собраніе Юридическихъ древнихъ актовъ, № 3).

¹⁰² А. Н. т. I, № 153.

¹⁰³ Тамъ же.

кажется, на отдѣленіе отъ нихъ извѣтнаго количества для помѣстной раздачи. Такъ въ писцовой новгородской книгѣ 7090 года сказано: «Государева Царева и В. Князя Кормленная черная волость; погость Михайловской на Волховѣ, а въ немъ села и деревни и починки и пустоши были за помѣщики, а нынѣ въ Кормленной волости.»¹⁰⁴ Но несмотря на это есть также прямое официальное указаніе, что даже при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ помѣстья раздавались изъ дворцовыхъ селъ; такъ въ дозорныхъ Новгородскихъ книгахъ 7135 года писано: «Въ Заруськой же половинѣ въ Окологородѣ Порховскомъ, что осталось на Государя Царя и В. К. Михаила Феодоровича всея Руси дворцовыхъ селъ въ погостѣхъ пустыя земли за раздачею отъ бывшихъ помѣщиковъ Невлянъ.»¹⁰⁵ Слѣдовательно, хотя и допускалась помѣстная раздача изъ черныхъ волостей можетъ быть въ завоеванныхъ земляхъ; но тѣмъ не менѣе главнымъ предметомъ помѣстной раздачи оставались дворцовыя села и деревни, что и продолжалось до Царя Алексѣя Михайловича, который указомъ 1656 года запретилъ отдавать въ помѣстья не только дворцовыя, церковныя и монастырскія имѣнія, но даже земли, лежащія между дворцовыми волостями. Вслѣдствіе чего произошла такая важная перемена, здѣсь объяснять неумѣстно; ибо мой трудъ ограничивается только Московскою исторіею до вступленія на престолъ фамиліи Романовыхъ.

Вотчинныя земли составляли частную собственность своихъ владѣльцевъ, хозяинъ вотчины могъ ее продать, заложить, промѣнять, подарить и отдать по завѣщанію и по смерти его она переходила къ законнымъ его наследникамъ изъ рода въ родъ, если онъ при жизни не сдѣлалъ особеннаго насчетъ ея распоряженія. Права собственника въ отношеніи къ вотчиннымъ владѣніямъ, за исключеніемъ немногихъ случаевъ, были неприкосновенны со стороны Государства. Государство проявляло свою власть на вотчинныя земли только въ томъ отношеніи, что признавало ихъ принадлежащими къ своей территоріи, и эту принадлежность защищало даже противъ расчетовъ вотчинника, изъ чего вытекали слѣдующія ограниченія правъ собственника. 1) Владѣлецъ вотчины не могъ ее ни продать, ни заложить, ни отчуждать какимъ бы то ни было образомъ въ пользу лица, состоящаго на службѣ или про-

¹⁰⁴ Вотчин. Архивъ № 659.

¹⁰⁵ Тамъ же № 669.

живающаго въ другомъ княжествѣ, а не въ Московскомъ; это право Московскаго Государства на вотчинныя земли своей территоріи постоянно подтверждавалось всѣми договорными грамотами Московскихъ Государей съ другими Князьями. Такъ въ договорѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ К. Владиміромъ Андреевичемъ 1388 г. сказано: «А сель ти не купиши въ моемъ удѣлѣ ни въ великомъ княженіи, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ бояромъ.»¹⁰⁶ Тоже должно быть говорится и въ договорной грамотѣ В. К. Симеона Ивановича съ братьями, писанной въ 1341 году: «..... нашихъ удѣлѣхъ не купиши, ни твоимъ бояромъ, ни слугамъ безъ..... ни нашимъ бояромъ, ни слугамъ сель въ твоемъ удѣлѣ.»¹⁰⁷ Впрочемъ такое право Государства на вотчины смягчалось властію Князей, на волю которыхъ предоставлялось разрѣшать продажу вотчинъ лицамъ, не состоящимъ на службѣ въ Московскомъ Государствѣ; а поему въ договорныхъ грамотахъ Князей вездѣ говорится объ этомъ смягченіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «А тобѣ въ нашихъ удѣлѣхъ и въ отчинѣ въ в. княженіи данщиковъ своихъ несылати, ни приставовъ давати, ни сель не купиши, ни твоимъ дѣтемъ, ни твоимъ бояромъ безъ нашего вѣданья, ни закладній, ни оброчниковъ не держати.»¹⁰⁸ 2-е Владѣлецъ вотчины переходя въ службу другаго Государя не могъ переносить права на эту вотчину къ своему новому Государю. Вотъ выраженіе древнихъ договорныхъ грамотъ объ этомъ сметѣ: «А князей ти моихъ служобныхъ съ отчинами собѣ въ службу не приимати; а которые князи имуть тобѣ служити, и имъ въ вотчину свою не вступатися, вотчины лишоны.»¹⁰⁹ Или въ договорѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ В. К. Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ въ 1368 году, «А кто бояръ и слугъ отѣхалъ отъ насъ къ тобѣ, или отъ тобѣ къ намъ, а села ихъ въ нашей вотчинѣ въ великомъ княженіи, или въ твоей вотчинѣ во Твери, въ ты села намъ и тобѣ не вступатися.»¹¹⁰ 3-е. Вотчинникъ, кому бы онъ ни служилъ, судомъ и данью непременно былъ въ вѣдѣніи того Государя, въ территоріи котораго находилась его вотчина: «А судомъ и данью потянути по землѣ и по водѣ», какъ выражались древніе Московскіе официальные памят-

¹⁰⁶ Соб. Г. г. и д., т. I, № 33.

¹⁰⁷ Тамъ же № 23.

¹⁰⁸ Соб. Г. г. и д. т. I, № 35.

¹⁰⁹ Тамъ же № 30, 110 Тамъ же № 28.

ники. Но сему почти по всѣхъ договорныхъ грамотахъ нашихъ Князей повторяется одно и тоже общее правило: «А хто имѣть жити моихъ бояръ въ твоёмъ удѣлѣ, блюстии ихъ какъ и своихъ, и дань взяти какъ и на своихъ; а хто иметь жити твоихъ бояръ въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженъи, а тѣхъ ми блюсти какъ и своихъ, и дань взяти какъ и на своихъ». ¹¹¹ 4-е. Вмѣстѣ съ правомъ суда и дани по землѣ и водѣ Государь территории могъ требовать отъ вотчинникомъ военной службы въ пользу территории: это право съ начала постигалось такъ далеко, что всѣ вотчинники безъ различія должны были слѣдовать за Государемъ своихъ вотчинъ во всѣхъ его военныхъ походахъ, какъ объ этомъ ясно говорится въ договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича съ К. Владиміромъ Андреевичемъ 1388 года. «А коли ми будетъ послати на рать своихъ воеводъ, а твоихъ бояръ хто иметь жити въ моемъ удѣлѣ и въ в. княженъи, тѣмъ поѣхати съ моимъ воеводою, а моимъ потому же съ твоимъ воеводою». ¹¹² Но въ послѣдствіи времени это право ограничивалось только требованіемъ службы на защиту области, въ которой живетъ вотчинникъ служащій другому Князю; во всѣхъ же другихъ военныхъ дѣлахъ онъ уже обязывался сопутствовать тому Князю, которому служить, а не тому въ чьемъ владѣніи его вотчина. «А хто которому князю служить, гдѣ бы ни былъ, полѣсти ему съ тѣмъ княземъ, которому служить; а городная осада, гдѣ хто живетъ, тому тутъ сѣсти», ¹¹³ какъ начали обыкновенно писать во всѣхъ договорныхъ грамотахъ Московскихъ князей съ 1405 года.

Вотчины по происхожденію своему, какъ выражаетъ одна Московская приправочная книга (письма и мѣры Тимофея Андреевича Хлопова), писанная въ 1586 году, были или изстаринныя, или доставшіяся по духовному завѣщанію, или по купчей, или по жалованной грамотѣ, или по порядной записи, т. е. приданія за женою, или по мѣновнымъ грамотамъ, или по закладнымъ кабаламъ, или по вкладнымъ, или по даннымъ грамотамъ, или по дѣловымъ грамотамъ, или наконецъ по записнымъ книгамъ, по приправочнымъ и продажнымъ спискамъ и по правымъ грамотамъ. ¹¹⁴ Важ-

¹¹¹ Тамъ же № 33.

¹¹² Тотъ же №.

¹¹³ Соб. Г. г. и д. т. I, № 37.

¹¹⁴ Архивъ Вотч. Департ. Отд. I, № 1.

пѣйшій и болѣе затруднительный вопросъ о происхожденіи вотчинъ относится собственно къ вотчинамъ изстариннымъ, начало же прочихъ видно уже изъ самаго названія, купленные, жалованные, закладныя и другія; изстаринными вотчинами очевидно назывались тѣ, которыя издревле принадлежали какому-либо роду и переходили постоянно отъ предковъ къ потомкамъ, такъ что первоначальное ихъ приобрѣтеніе уже позабылось, и даже нельзя было указать, были ли когда либо какіе официальные и письменные документы на право владѣнія сими вотчинами, и только уже одна извѣстная продолжительность владѣнія дѣлала ихъ неотъемлемою закономъ признанною собственностію позднѣйшихъ владѣльцевъ, по которой онѣ записывались въ приравочныхъ и писцовыхъ книгахъ *изстаринными* изъ вѣка принадлежащими такой-то фамиліи. Какъ между землями принадлежащими нераздѣльно цѣлою общинѣ первоначально произошла частная поземельная собственность съ правомъ продажи и перехода отъ предковъ къ потомкамъ, мы не знаемъ, да и не можемъ знать, ибо до насъ не дошло ни лѣтописныхъ извѣстій, ни официальныхъ документовъ объ этомъ предметѣ, все же догадки и умозаключенія а priori ни къ чему не поведутъ, и только запутають дѣло; а посему этотъ вопросъ, при всей его важности, невольно должно оставить безъ разрѣшенія, и только можно сказать одно, что вотчинныя земли въ Московскомъ краю были еще до водворенія тамъ Князей Всеволодова дома; ибо первые Московскіе Князья не только не давали вотчинъ своимъ боярамъ, но даже сами старались сколько можно болѣе скупать и приобрѣтать вотчинъ у племенныхъ или земскихъ бояръ, у епископовъ и монастырей; чему служатъ свидѣтельствомъ почти всѣ духовныя грамоты Князей, начиная съ Ивана Даниловича Калиты, въ нихъ вездѣ встрѣчаемъ выраженія: «А се села купленыя, а селца на Масѣ, что есмь купилъ у Афинѣя, а что есмь купилъ село Варварьское и Мѣловское, что есмь смѣнилъ на Матѣищово село, а что село Павловское бабы нашея куная, а что есмь прикупилъ селце на Кержачѣ у Прокофья у игумена, и Павловское на Масѣ, половину есмь купилъ, а половину есмь смѣнилъ съ Митрополитомъ,»¹¹⁵ и подобныя, которыя прямо указываютъ, что Князья уже застали въ Москвѣ вотчинныя владѣнія, и до того не были ихъ учредителями, что даже сами старались покупать ихъ у другихъ, и, конечно,

¹¹⁵ Соб. Р. г. и д. т. 1, № 22.

поощряли къ тому же и пришлыхъ съ ними бояръ и слугъ; на что также есть хотя не ясныя намеки во многихъ старинныхъ княжескихъ грамотахъ. Такъ вапримѣръ, въ духовной грамотѣ Князя Владиміра Андреевича, писанной въ 1410 году, сказано: «А что мои ключники не купленые, а покушили деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтемъ моимъ ненадобѣ, а деревни ихъ дѣтемъ моимъ, во чьемъ будутъ удѣлѣ.»¹¹⁶ Здѣсь слугамъ не запрещается покупать деревни, только покупки сіи по смерти князя доставались его наслѣдникамъ, а не слугамъ-покупателямъ, вѣроятно, на томъ основаніи, что Князь считалъ деревни купленными на его же деньги, ибо слуги пріобрѣтали ихъ состоя на службѣ у Князя, «за моимъ ключемъ», какъ говоритъ грамота.

По званію владѣльцевъ вотчины были *боярскія, владыими или архіерейскія и монастырскія*. *Боярскія* не исключали и не ограничивали власти владѣльца располагать ими по своему благоусмотрѣнію, продавать ихъ, мѣнять, дарить, отдавать за дочерьми въ приданое и завѣщавать; но все это безъ ограниченій относилось только къ первому пріобрѣтателю; какъ же скоро вотчина отъ перваго пріобрѣтателя переходила по завѣщанію или по праву наслѣдства къ его родственникамъ, то въ нѣкоторомъ смыслѣ она дѣлалась собственностію цѣлаго рода, къ которому принадлежалъ первый пріобрѣтатель, и этимъ хотя не исключалось прямое право его наслѣдниковъ, къ которымъ вотчина поступила во владѣніе, но тѣмъ не менѣе родичи всегда могли удерживать вотчину въ своемъ родѣ, даже вопреки распоряженіямъ прямаго наслѣдника, то есть они могли выкупать вотчину, проданную наслѣдникомъ въ чужой родъ. Это право рода на вотчины своихъ родичей, вѣроятно, было съ первыхъ временъ Московскаго государства, ибо еще Василиемъ Дмитріевичемъ и его сыномъ Василиемъ назначался двѣнадцатилѣтній срокъ для выкупа вотчинъ родичами, какъ говоритъ одна грамота Іоанна Васильевича III,¹¹⁷ но полное и опредѣлительное ученіе о правѣ выкупа вотчинъ мы находимъ въ Судебникѣ

¹¹⁶ Тамъ же № 40.

¹¹⁷ Гр. В. К. Ивана Васильевича III-го 1483 года. «А противу Алексина да въ смѣну дѣдъ мой К. В. въ домъ св. Богородицы и своему отцу Киприану митрополиту слободку Всеславлю... опричь боярскія купи старыя пав чья будетъ отчина отъ сего времени за 15 лѣтъ ввадь, какъ дѣдъ мой учинилъ Князь Великій въ своей отчинѣ въ в. княженъ судъ тогда о земляхъ и водахъ за 15 лѣтъ. (Арх. стар. дѣлъ №).

Царя Ивана Васильевича IV, гдѣ въ 85 статьѣ, между прочими правилами относительно этого предмета, для выкупа назначался сорокалѣтній срокъ, и родичи могли вступаться не только въ проданныя вотчины, но даже и въ заложенныя и въ промѣненныя.¹¹⁸ *Владычьи вотчины* принадлежали не лицу, но сану. Они могли быть изстаринныя, т. е. уступленныя владыкѣ общинами, покушныя, жалованныя и вымѣненныя, владыка или архіерей могъ продавать ихъ, промѣнивать и можетъ быть закладывать, но они, какъ принадлежность не физическаго, а моральнаго лица или званія, не переходили къ его родичамъ ни по завѣщанію, ни по закону, а доставались преемникамъ его сана.

Монастырскія вотчины принадлежали цѣлой монастырской общинѣ, и не составляли частной собственности ея членовъ, и поему они постоянно оставались за монастыремъ и не переходили къ родичамъ иноковъ. По происхожденію своему вотчины сіи могли быть изстаринными, т. е. уступленными самимъ Государствомъ при построеніи монастыря,¹¹⁹ жалованными, т. е. подаренными отъ Князя, вкладными, т. е. пожертвованными отъ частныхъ лицъ, купленными, вымѣненными и пріобрѣтенными по закладнымъ. Вотчинное право монастырей первоначально было неограничено, монастыри могли свободно пріобрѣтать вотчинныя земли при помощи какихъ угодно сдѣлокъ съ частными собственниками; но со времени Царя Ивана Васильевича IV эта свобода была значительно стѣснена разными узаконеніями, вѣроятно вызванными злоупотребленіемъ права со стороны монастырей. Такъ въ дополненіи къ Судебнику, изданному въ 1572 году, запрещено давать вотчины богатымъ монастырямъ, да и въ бѣдныя не дозволялось записывать безъ доклада Государю: «Въ большіе монастыри, гдѣ вот-

¹¹⁸ Ак. Истор. т. I, № 153.

¹¹⁹ Такъ, напримѣръ, въ грамотѣ 1546-го года дана была земля игумену Феодору на устройство монастыря въ черномъ лѣсѣ. «Что ми былъ челомъ сказываючи, что де оны строятъ пустыньку и церкви поставилъ Богодѣльное Преображеніе Господа нашего I. X.... на моемъ В. Князя на Черномъ лѣсу на дикомъ промежъ Вологодскаго уѣзда и Каргопольскаго Важскаго.... а тѣ де займища лежать пусты, ибѣть ихъ ни за кѣмъ, ни въ грамотахъ ни въ какихъ.... И язъ Князь Великій игумена Феодора збратъею пожаловалъ, велѣлъ есмь имъ тотъ лѣсъ расчищать на всѣ стороны отъ монастыря по 12 верстъ и монастырь строити и займища распахивати и людей къ себѣ призывать, и кого къ себѣ на тотъ лѣсъ и на тѣ займища призвуть жити людей; и тѣмъ людямъ ненадобѣть моя В. К. дань, ни какіе разметы и проторы». (А. А. Э., т. I, № 208).

чинъ много, впередъ вотчинъ не давати; а которая будетъ вотчина и написана, ино ее въ Помѣстной избѣ не записывати, а отдавати ее роду и племени служилымъ людямъ чтобъ службѣ убытка не было, и земля бы изъ службы не выходила; а монастырскихъ вотчинъ вотчинамъ впередъ не выкупати. А кто которымъ монастыремъ малымъ дастъ вотчину, у которыхъ монастырей земель мало: и тѣ вотчины дожога Государя, записывати, а безъ доклада не записывати и безъ боярскаго приговору». ¹²⁰ Этою статьею указывается на важное значеніе вотчинъ въ отношеніи къ государственной службѣ: «чтобъ службы убытка не было и земля бы изъ службы не выходила». Это выраженіе прямо говоритъ, что вотчинныя земли преимущественно принадлежали служилымъ людямъ, и что само правительство старалось сколько можно болѣе удерживать ихъ въ этомъ классѣ народа. Съ котораго времени вотчины получили такое назначеніе опредѣлить нельзя; но по всему вѣроятію первоначально они не имѣли его, и были просто собственностію частныхъ лицъ; и только уже со введеніемъ обычая обращать помѣстныя земли въ вотчинныя, сіи послѣднія приняли характеръ первыхъ, и изъ чисто частной собственности обратились въ Государственное имущество изъ видовъ поддержанія службы. Такимъ образомъ съ постепеннымъ развитіемъ Государственного устройства въ Московскихъ владѣніяхъ и вотчинныя земли подвергались постепенному измѣненію въ своемъ значеніи: сперва они были чистою частною собственностію лица и семьи, потомъ получили характеръ родовыхъ имѣній и наконецъ обратились въ Государственное имущество; но несмотря на столь важныя и существенныя измѣненія въ ихъ значеніи, они постоянно и всегда оставались въ полной власти своего частнаго владѣльца, и родъ и Государство могли предъявлять свои права только при переходѣ ихъ отъ одного хозяина къ другому, но и тутъ вмѣшательство прямо относилось только къ новымъ владѣльцамъ, къ которымъ переходило имѣніе, а не къ тѣмъ отъ которыхъ оно переходило; слѣдовательно лично хозяинъ всегда былъ обезпеченъ и свободенъ въ правахъ на свое имущество.

Съ правомъ собственности на вотчины не разрывно было соединено право пользованія доходами; въ этомъ отношеніи вотчины раздѣлялись на угодья и деревня. Къ первымъ принадлежали

рыбная ловля, бобровые гоны, бортные ужожи и мельницы съ перевозами, вотчинники обыкновенно отдавали ихъ въ оброчное содержаніе. Вторыя же составляли населенныя земли съ пахатыми полями, сѣнокосами и лѣсами; вотчинники населяли деревни или своими слугами или вольноприходящими арендаторами, которые обыкновенно назывались арендатор... Населеніе вотчинъ слугами, сколько можно судить по писцовымъ стариннымъ книгамъ, было не значительно и отношенія ихъ къ вотчинникамъ неизвѣстны, владѣльцы земель болѣе находили расчету обрабатывать свои земли вольными работниками, которые занимали земли на извѣстныхъ условіяхъ утвержденныхъ взаимнымъ согласіемъ обѣихъ сторонъ. Условія сіи въ своихъ подробностяхъ не были опредѣлены закономъ, который, и то въ позднѣйшее время, назначивъ осенній Юрьевъ день срокомъ для отказа крестьянамъ, и опредѣливши платежъ за пожизное, все прочее оставилъ на волю землевладѣльцевъ и арендаторовъ. А поему мы встрѣчаемъ безконечное разнообразіе въ условіяхъ вотчинниковъ съ крестьянами. Вотъ для образца нѣсколько выписокъ изъ Московской приправочной книги 1571 года. «Такъ съ села Нахабина съ деревнями сбиралось на Троицкій Сергіевъ монастырь съ пустошей и съ пашень и съ сѣнныхъ покосовъ наемныхъ денегъ 14 рублевъ и 12 алтынъ полчетверты денги, да сметаны на монастырь по пяти ведеръ, да по тысячи яицъ на годъ, опричь пашни сѣна и дровъ; да монастырскимъ приказщикомъ даютъ съ выти по 9 денегъ, да съ свадебъ приказнику за выводную куницу по гривнѣ, да за повоженной убрूसъ по алтыну. Но тамъ же сказано, что «Крестьяне села Ростокина на монастырь оброку никакого не даютъ, пашутъ пашню да сѣно косятъ, да имъ же подѣла на мельницѣ ежесель землю къ запотинѣ и навозъ посять и лѣсъ сѣкутъ». А о селѣ Черкиловѣ написано: «Доходовъ крестьяне не даютъ въ монастырь съ пашень и съ сѣнныхъ покосовъ, наемныхъ денегъ 5 рублевъ и 24 алтына, да съ оброчнаго двора за надѣля оброку по шолтинѣ, да приказнику монастырскому даютъ въ годъ на три праздника по 9 денегъ съ выти, да приказникужъ дано за жалованье на рѣкѣ Клязмѣ перевозъ вешнюю пору собираютъ по 5 рублевъ, да за выводную куницу по гривнѣ, да за повоженный убрूसъ по алтыну; опричь того, что крестьянежъ на монастырь пашутъ пашню и сѣно косятъ и дрова сѣкутъ, а денежныхъ оброковъ и хлебныхъ всякихъ запасовъ не даютъ крестьяне никакихъ, потому что то село на большой дорогѣ, и со крестьянъ емлютъ подводы подъ

Государевы гонцы и для монастырскаго дѣла». А съ села Муромцова: «сбирають въ монастырь съ сороки выти оброкъ у деньгами съ оброчныхъ дворовъ за издѣлья 6 рублевъ съ полтиною, да съ пустыхъ пашень и сѣнныхъ покосовъ въ живущихъ деревняхъ и на пустошахъ 58 рублевъ 11 алтынъ; да съ живущаго со всѣхъ сороки вытей по холсту полняному, а котораго году холстовъ не емлютъ, а за тѣ холсты емлютъ денгами по три алтыны за холстъ, котораго году холстовъ и денегъ за холсты не собирають, и со крестьянъ емлютъ за холсты по овчинѣ по дѣланой съ выти, да по 80 яиць съ выти, да съ дву вытей по сыру по сметанному, да по сыру по кислому, да по ведру сметаны съ выти: опричь того что тѣжъ крестьяне пашуть на монастырь пашню и сѣно косятъ и дрова сѣкутъ; да з дву мельницъ оброку по сороку рублевъ на годъ; да монастырскому приказщику дають з живущаго съ выти по два алтына з денгою, да за выводную куницу по гривнѣ, да за новоженный убрूसъ по алтыну». Или о Вохонской волости: «А доходовъ съ волости съ Вохны платять въ монастырь за волостелинъ доходъ и за пудовой медь, и за дьячей доходъ и за рыбную ловлю деньгами по 80 рублевъ на годъ съ сошнаго письма съ дву сохъ съ четью безъ пол-пол-чети сохи, опричь пашни и сѣна и дровъ, а въ выти у нихъ волость Вохна не положена складываютъ деньгами; да монастырскому приказщику дають на годъ со всей волости по 10 рублевъ да 20 чети ржи, да по 40 чети овса, да 20 чети хмелю, да по 80 куровъ, да по 8 борановъ на годъ». Или еще о вотчинахъ Караулова да Скобелицына: «А вотчинники съ тѣхъ сель и деревень за которыми крестьяне были, податей денгами и хлебомъ не давали ничего, пахали на нихъ пашню и сѣно косили и дрова сѣкли» ¹²².

Земли Княжескія или подклѣтныя, въ послѣдствіи дворцовыя.
Земли сіи очевидно должны быть моложе черныхъ волостей и вотчинъ, ибо могли произойти только со времени водворенія Князей Всеволодова дома въ Московскихъ владѣніяхъ. Мы не имѣемъ прямыхъ официальныхъ актовъ объ уступкѣ Московскою общиною нѣкоторыхъ земель въ поземельную собственность Князю; но что таковая уступка точно была въ этомъ не можемъ сомнѣваться: на нее довольно ясно намекають всѣ грамоты Московскихъ Князей. Въ нихъ купленные князьями села всздѣ прямо отличаются отъ

уступленныхъ народомъ: первая называются, а се моя купля, се купля моя бабы, купленные села и проч. вторыя же вездѣ носятъ названія по территоріи. — *Московскія, Коломенскія, села Дмитровскія* и под. ¹²³ Если бы всѣ княжескія села были купленными, то конечно, Князьмъ не нужно бы было нѣкоторыя изъ нихъ отличать именемъ купленныхъ. Здѣсь нѣтъ причины думать, что купленными селами каждый Князь называлъ только свою покупку; ибо во 2-й духовной грамотѣ Ивана Даниловича Калиты это ясно опровергается словами; «а что село Павловское бабы нашей купля.» Здѣсь Князь прямо говоритъ о старинной покупке едва ли не современной Александру Невскому. Кромѣ того этоже подтверждаютъ слова В. К. Ивана Васильевича Ш, сказанныя Новгородцамъ въ 1478 году: «Чтобъ паша отчина, Великій Новгородъ дали намъ волости и села, понеже намъ Великимъ Княземъ Государство свое держати на своей отчинѣ Великомъ Новгородѣ безъ того нельзя.» (Мат. т. V. стр. 67). Здѣсь В. Князь прямо говоритъ, что для уравненія Княжескихъ правъ въ Новгородѣ, также какъ и въ Москвѣ, непременно новгородская община должна уступить Князю нѣсколько селъ и волостей; слѣдовательно таковая же уступка первоначально была сдѣлана и въ Москвѣ; ибо вышеприведенныя слова Ивана Васильевича были сказаны въ отвѣтъ на слѣдующій вопросъ Новгородцевъ: «Показовали бы наши Государи свою отчину, Великіе Князи явили то своей отчинѣ великому Новгороду, какъ ихъ Государству быти въ ихъ отчинѣ, занеже, господинѣ, отчина ихъ Великій Новгородъ, низовскіе пошлыны не знаетъ, какъ Государи наши Великіе Князи, Государство свое держать въ Низовской (т. е. Московской) землѣ.» (Тамъ же стр. 65). А посему здѣсь нельзя предполагать, чтобы въ этомъ требованіи В. Князя была какая либо уступка Новгороду, въ коемъ именно излагались исконныя права Князя въ Московской землѣ. Это доказываетъ и письмо Ивана Васильевича къ своей матери, писанное по полученіи отъ Новгорода условленныхъ волостей, гдѣ онъ говоритъ: «Что отчину свою, Великій Новгородъ, привелъ во всю свою волю и учинился на немъ Государь, какъ и на Москвѣ.» (Тамъ же стр. 73). Подклетныя или дворцовыя села составляли полную собственность Князя: онъ могъ ихъ продать, промѣнять, подарить и отдавать въ помѣстное владѣнія своимъ боярамъ и слугамъ рѣшительно по своему произволу;

¹²³ Соб. Г. г. и д., т. I, №№ 22, 30, 41 и другія.

всѣ доходы съ этихъ селъ шли не въ Государственную, а въ дворцовую или княжескую казну, самое назначеніе доходовъ зависѣло не отъ земщины, а отъ самого Князя, который могъ ихъ уменьшать и увеличивать когда угодно вовсе безъ отношеній къ народу, и не по извѣстному установленному закону, а рѣшительно по произволу. Такъ въ писцовой дозорной Новгородской книгѣ 1582 года о дворцовыхъ селахъ сказано: «А ямскіе и приметные денги платитъ, какъ въ которомъ году Государь велитъ взять.»¹²¹ Для болѣе полного и подробнаго объясненія отношеній Князя къ своимъ дворцовымъ села я привожу свидѣтельство платежной книги 1588 года, въ ней о дворцовомъ селѣ Единоновѣ, состоявшемъ въ Тверекомъ уѣздѣ въ Шезскомъ стану, сказано по изчисленіи всѣхъ принадлежащихъ къ нему деревень: «И всего село Единоново, да къ селу 15 деревень, да два селища, да въ помѣстьѣ за Княземъ Иваномъ Ивановичомъ Звенигородскимъ Борашовымъ двѣ деревни. А дворовъ въ селѣ и въ деревняхъ 135 дворовъ, людей въ нихъ 143 человекъ, а пустыхъ 15 дворовъ, а хоромъ на нихъ избъ и сѣнниковъ и всякихъ хороминъ 41 хоромина; а приказаны тѣ хоромы беречи Единоновскаго села крестьяномъ селчаномъ и деревенщикомъ; пашни поповскіе 9 чети въ полѣ а въ дву потомужь, а крестьянскіе пашни въ селѣ и въ деревняхъ середніе земли 94 десятины безъ чети и пол-пол-пол-трети десятины, да худые земли 24 десятины и всего середніе земли и худые 117 десятины и три чети и пол-пол-пол-трети десятины, а помѣстныхъ да во лготѣ 5 десятины съ четью, а въ пустѣ 113 десятины безъ пол-трети десятины. А вытей въ селѣ и въ деревняхъ въ живущемъ 16 вытей и полчети выти, да во лготѣ выть безъ полчети; а въ пустѣ въ селѣ и въ деревняхъ 15 вытей съ четью и пол-трети выти. Сѣна у села у Единонова и у деревень 166 копенъ; лѣсу кустаря и пороснику 42 десятины. И дано на выть середніе земли по семи десятины, а худые земли по 8 десятины и съ тѣми десятинами, что даны для посоннаго хлѣба; сѣна крестьянамъ дано на живущіе выти по 30 по 4 ре копы, итого сѣна крестьянамъ возить на В. Князя конюшни съ выти по кониѣ по мѣрной, и лѣсу крестьянамъ дано на выть по двѣ десятины съ полудесятиною. А сошного письма въ живущемъ четь сохи и со лготными, а въ пустѣ сошного письма полчети и пол-пол-трети сохи; а кладено въ соху се-

¹²¹ Вотч. Департ., № 659.

редніе земли по тысячи чети, а лудые земли по тысячи по двѣсти чети. А оброку крестьяномъ платити В. Князя въ казну въ дворцовой приказъ 8 рублевъ и два алтына съ полуденгою, да во льготъ 12 алтынь три денги, а посоннаго хлѣба 84 чети и осминою и четвертникомъ ржи да 121 чети безъ полчетверника овса, да во льготъ 4 чети безъ полу-осмины ржи да 5 чети съ осминою и съ четвертникомъ овса; съ выти по 5 чети съ полуосминою ржи, да по 7 чети съ осминою овса. Да мелкого доходу давати крестьянамъ на дворець съ тридцати вытей яловица съ пятнадцати вытей боровъ живой, съ выти по борану, по полтю мяса свиного, по два сыра кислыхъ, по двѣ гривенки масла коровья, по двое куровъ, по 40 яиць съ дву вытей гусь живой, гусь битой, здвухъ вытей порося живое, порося битое, да съ выти по сажени дровъ, по коннѣ по мѣрной сѣна, по три возы соломы ржанья, по два поярка шерсти бѣлой и сѣрой. А коли Князь Великій не-велитъ у нихъ мелкихъ доходовъ имати и крестьяномъ платити В. Князя въ казну въ дворцовой приказъ денгами, за яловицу по 7 денегъ, за боровъ съ выти по 3 денги съ полуденгою, за боранъ съ выти по гривнѣ, за полоть мяса свиного по гривнѣ, за сыры съ выти по четыре денги, за масло коровье съ выти по двѣ денги, за куровъ съ выти по четыре денги, за гусь живой и за битой съ выти по 7 денегъ, за порося живое и за битое съ выти по три денги, за сорокъ яиць съ выти по двѣ денги, за сажень дровъ съ выти по 4 алтына, за конну мѣрную сѣна съ выти по полу-полтинѣ, за солому съ выти по алтыну, за два поярка шерсти съ выти по четыре денги. И всего за мелкой доходъ 12 рублевъ и 20 алтынь, полчетверти денги, съ выти во 26 алтынь съ полуденгою; да во льготъ 12 алтынь три денги; да пошлинь дворецкаго и дьячихъ соброку и съ мелкого доходу 34 алтына три денги, да во льготъ девять денегъ съ рубля по 10 денегъ; а ямскіе денги платити имъ съ сошного письма по В. Князя уложенью; а приказщику доходу давати на три праздники: на рождество Христова, на великъ день на петровъ, алтынь, на праздникъ двѣ денги; да съ выти по осминѣ ржи, по осминѣ овса, по хлѣбу, по курити, по десятку лну; а приказщику изъ тое пошлны давати на В. Князя дворець за скатерти съ выти по полуденги. А коли Князь Великій приказщику у нихъ быти не велитъ, и крестьяномъ платити за приказщиковъ доходъ съ выти по двѣ гривны. А присудные пошлны старостамъ и цѣловальникамъ збирати по Великого Князя уложенью по прежнимъ Государевымъ грамотамъ. А хто продасть

или промѣнить лошадей или корову, и старостамъ и цѣловальни-
комъ имати съ купца съ лошади денга съ продавца денга жь, а
съ коровы съ рога по денгѣ; а хто выдасть дочерь за мужь за
волость, и старостѣ имати за выводную куницу десять денегъ; а
хто въ иной волости сына женить и съ того имати за убрूसъ че-
тыре денги; а хто въ той волости сына женить, или дочь дастъ
за мужь и съ того имати за убрूसъ четыре денги; а хто продасть
хоромину, и старостамъ и цѣловальникамъ имати поугольное съ
угла по денгѣ; да гѣ всякіе денги велети земскимъ дьячкомъ пи-
сати въ книги подлинно по рознь, да гѣ книги и денги ежегодъ
отдавати В. Князя въ казну въ Дворцовой приказъ. А земзями и
луги и лѣсомъ и всякими угоды верстатися крѣстьяномъ межъ
себя самими полосами или десятинами на всякую выть по ровну,
а не черезъ землю, чтобъ въ крѣстьянѣхъ межъ собою спору и брани
не было ни которыми дѣлы. А на пустые выти приказщюку и
старостамъ и цѣловальникамъ и всемъ крѣстьяномъ селчаномъ и
деревеньщикомъ называти жильцовъ на лготу отъ отцовъ дѣтей
отъ дядь племянниковъ, или кто ни буди заволостной порядитца,
а давати лготы года на два и на три и на четыре посмотри по
пустымъ дворомъ и по пашнѣ; а хто будетъ на пустое мѣсто и
безъ хоромъ и на переложную землю порядитца, и тѣмъ людямъ
давати лготы лѣтъ на пять и на шесть; а иные пустые выти при-
казщюку и старостамъ и цѣловальникомъ давати изъ пашни на
оброкъ, чтобъ В. Князю было прибыльче; и безоброчно бы пашни
на пустыхъ вытяхъ не пахалъ никто. А на которые пустые выти
порядитца крѣстьянинъ, и приказщюку и старостамъ и цѣловаль-
никомъ писати въ книги подлинно порознь; какъ которому кре-
стьянину имя и чей хто сынъ и которого лѣта и числа хто по-
рядитца, и на сколько вытей изъ оброку отдасть, и что съ нихъ
денегъ оброчныхъ возметь; а какъ лгота отойдетъ, и тѣмъ кре-
стьяномъ денежной оброкъ посолной хлѣбъ и мелкой доходъ пла-
тити съ своею братьею ровно. А лготные книги, что въ которой
деревни изъ пуста въ живущая прибудеть, и оброчные денги еже-
годъ привозити къ В. Князю Семіону Бекбулатовичу Тверскому и
отдавати въ Дворцовой приказъ». ¹²⁵

Дворцовыя земли, какъ чистая собственность Князя, не вхо-
дили въ составъ другихъ земель Государства и имѣли свое управ-

леніе; а по сему и не зависѣли ни отъ общихъ волостей, ни отъ намѣстниковъ, но управлялись своими волостелями посельскими или иногда отдавались княземъ въ кормленье дворцовымъ чиновникамъ, столникамъ, ловчимъ, конюшимъ и другимъ, и тогда назывались дворцовыми селами стольнича пути, ловчаго пути и подобн. Все отношеніе дворцовыхъ земель къ намѣстникамъ состояло въ одномъ судѣ по уголовнымъ дѣламъ и въ дѣлахъ общихъ между волостными и дворцовыми крестьянами. Такъ въ уставной грамотѣ данной Переславскимъ рыболовамъ въ 1506 году сказано: «А намѣстницы наши Переславскіе ни ихъ тиунн приставовъ на нихъ не даютъ ни въ какихъ дѣлѣхъ и не судятъ ихъ ни въ чемъ, опричь одного душегубства и въ обчихъ дѣлѣхъ, а судить ихъ во всемъ волостель стольнича пути или его тиунъ». ¹²⁶ Или въ подобной же грамотѣ, данной въ 1544 году крестьянамъ дворцоваго села Андреевскаго: «Намѣстницы наши Звингородскіе и волостели и ихъ тиунн тѣхъ моихъ крестьянъ села Андреевскаго селчанъ и деревенщиковъ нашенныхъ и оброчныхъ не судятъ ни въ чемъ, опричь душегубства и разбоя и татбы съ поличнымъ, и кормовъ своихъ у нихъ не емлютъ и не всылаютъ къ нимъ ни по что. А кто у нихъ въ томъ моемъ В. Князя селѣ мой посельской ни будетъ, и онъ у нихъ ходитъ о всемъ по тому какъ въ сей грамотѣ писано». ¹²⁷ Впрочемъ дворцовыя земли хотя и управлялись отдѣльно отъ прочихъ земель какъ княжая собственность, но тѣмъ не менѣе они участвовали въ общихъ Государствен. повинностяхъ наравнѣ съ другими землями Государства, только по особому разчету. Такъ въ приведенной выше уставной грамотѣ 1506 года сказано: «А коли велю съ города съ Переслава съ дворовъ нарядити людей на свою службу, и тогда съ рыболовей со всѣхъ людей на мою службу нарядятъ людей съ дву сохъ, а не съ дворовъ».

Московскіе Великіе Князья, не смотря на постепенное развитіе своей власти, постоянно находили нужнымъ увеличивать свою поземельную собственность покупкою вотчинныхъ земель у частныхъ лицъ и другими средствами. Такъ еще при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ IV-мъ мы находимъ чуть не цѣлый ящикъ купчихъ на земли купленные собственно при немъ; въ описи Царскаго Архива (съ 1573—1584 г.) значится: «Ящикъ 134. А въ немъ

¹²⁶ А. А. Э., т. I, № 142.

¹²⁷ Тамъ же, № 201.

купчие грамоты В. Князя, что покушаны села на В. Князя». ¹²⁸ Это постоянное увеличение дворцовыхъ или велико-княжескихъ земель, принятое Московскими Князьями за правило, наконецъ достигло до того, что къ дворцовымъ владѣніямъ принадлежали не только села, но даже цѣлыя волости, ¹²⁹ и города съ уѣздами; такъ что въ 1550 году Дмитровъ, Руза и Звенигородъ уже считались въ числѣ дворцовыхъ владѣній, и Царь Иванъ Васильевичъ приговоромъ своимъ отъ 1 Октября, опредѣлялъ тамошнія земли на раздачу въ помѣстья боярамъ, боярскимъ дѣтямъ, лучшимъ служилымъ людямъ. ¹³⁰ Кромѣ того и въ другихъ краяхъ Московскаго государства земли сіи такъ были обширны, что почти ими одними производилась помѣстная раздача на все велико-княжеское войско, и на другіе классы людей, состоящихъ въ службѣ Московскаго Государя. Сильное стремленіе Московскихъ Князей къ увеличенію своей поземельной собственности имѣло много важныхъ причинъ: съ одной стороны князья, какъ пришельцы, необходимо должны были стараться сколько можно болѣе захватить земли въ полное свое распоряженіе, дабы на всякой случай имѣть сильную опору въ своихъ собственныхъ владѣніяхъ, не зависящихъ ни отъ общины, ни отъ частныхъ собственниковъ; съ другой стороны имъ чужна была поземельная собственность для помѣстной раздачи, которою преимущественно поддерживалась княжеская служба; ибо чѣмъ больше земли князь имѣлъ въ своемъ распоряженіи, тѣмъ охотѣе шли къ нему въ службу, зная, что ему есть изъ чего платить за ревностную службу.

Формы пріобрѣтенія дворцовыхъ земель были слѣдующія: 1-е. Уступка общинныхъ или черныхъ земель, сдѣланная при самомъ водвореніи княжескаго рода въ Москвѣ, это была самая первая форма пріобрѣтенія; а второю, почти современною ей, должно

¹²⁸ Тамъ же, № 289.

¹²⁹ Такъ напримѣръ въ Писцовой книгѣ Оболенской пятины письма Андрея Пещева, писанной въ 7091 году, сказано: «И всего въ Оболенской пятинѣ въ черныхъ волостяхъ, что были дворцовыя волости кошошаго пути 1,817 деревень, да 49 починковъ живущихъ, да 29 деревень, да 6 починковъ пусты, да 795 пустошей, да 20 пустошей безавашихъ. Пашни паханныя 10,561 четверть, да перелогомъ пашни 9 70 четвертей и пол-пол-трети, да дѣсомъ поросло 4342 четверти съ третью и пол-пол-трети въ полѣ, а въ дву потомужъ; сѣна 82,288 копень.» (Вотч. Арх., отдѣл. I, № 664.)

¹³⁰ А. А. Э., т. I, № 225.

считать покупку вотчинныхъ земель у частныхъ собственниковъ, которая, по свидѣтельству второй духовной грамоты Калиты, началась чуть ли не при Александрѣ Невскомъ и продолжалась до позднѣйшаго времени, можетъ быть до Феодора Ивановича или Бориса Феодоровича Годунова; потомъ слѣдовала отписка на Государя вотчинныхъ земель послѣ безродныхъ вотчинниковъ, или послѣ служилыхъ людей, провинившихся передъ Государемъ, и наконецъ приписка земель къ дворцовому вѣдомству въ завоеванныхъ областяхъ. Такъ въ Новгородской писцовой книгѣ 7090 года, въ численіи различныхъ родовъ земель по владѣнію, сказано: «4-е. Деревни, что были по старымъ писцовымъ книгамъ за земцы, а нынѣ приписаны къ Государевѣ дворцовой Тесовской волости, и 5-е. Земли, отписанныя отъ владичиныхъ и монастырскихъ земель къ дворцовой волости.»¹²⁴

Помѣстные земли. Помѣстными землями назывались вообще всѣ земли, которыя Государя давали на содержаніе бояръ и другихъ людей, состоящихъ въ ихъ службѣ; онѣ не составляли собственности своихъ владѣльцевъ, ихъ нельзя было ни продать, ни заложить, ни отдать по душѣ; помѣщикъ только имѣлъ право пользованія, да и то на время, пока онъ служитъ; такое отношеніе помѣстныхъ земель къ своимъ временнымъ владѣльцамъ опредѣленно и ясно изображаетъ вторая духовная грамота Ивана Даниловича Калиты, въ ней сказано: «А что есмь купилъ село въ Ростовѣ Богородичское, а далъ есмь Бориску Ворькову, аже иметь сыну моему которому служить, село будетъ за нимъ; не иметь ли служить дѣтемъ моимъ, село отнимуть.»¹²⁵ Таковыя же права въ отношеніи къ помѣстнымъ землямъ были и въ Югозападной Руси; такъ въ духовной грамотѣ Князя Андрея Владиміровича Ольгердова внука, писанной въ 1446 году, сказано: «Что есмь подавалъ имѣнія бояромъ своимъ, а хто всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служить и они служатъ съ тыхъ имѣній женѣ моей и дѣтемъ моимъ; а хто не всхочетъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ служить, и изъ тыхъ имѣній далъ женѣ моей и дѣтемъ моимъ.»¹²⁶ Сія послѣдняя грамота прямо говоритъ, что владѣльцы помѣстьевъ за пользованіе помѣстною землею должны были нести службу смотря по

¹²⁴ Ветч. Арх., отдѣл. I, № 659.

¹²⁵ Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 22.

¹²⁶ Ак. отпос. къ Ист. Зап. Рус., т. I, № 46.

помѣстью: «И они служатъ съ тѣхъ имѣній.» Слѣдовательно служба именно опредѣлялась помѣстною дачею, или иначе помѣстная дача соразмѣрялась съ службою. Впрочемъ такое положеніе помѣстныхъ земель не препятствовало имъ переходить отъ отцовъ къ дѣтямъ и потомъ къ внукамъ; ежели отецъ по старости или болѣзни не годился болѣе въ службу, то его мѣсто занималъ сынъ и помѣстье оставалось въ ихъ родѣ до тѣхъ поръ, пока въ немъ были люди, состоящіе на службѣ Государя; даже не только сыновья, но и племянники и другіе родственники могли получить помѣстья ихъ родичей, занимая ихъ мѣста по службѣ. Такъ жалованною грамотою В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго, Андрей Фрязинъ былъ утвержденъ во владѣніи Печерою, бывшею прежде въ помѣстьѣ за его дядею Матвеемъ Фрязинымъ.¹²⁴ Впрочемъ опредѣленныхъ и постоянныхъ правилъ объ отношеніяхъ помѣщиковъ къ своимъ помѣстьямъ и службѣ мы не имѣемъ до самаго Царя Ивана Васильевича IV, и, кажется, здѣсь рѣшительно дѣйствовать произволъ Государей Московскихъ, которые распоряджались помѣстными землями какъ дѣйствительною своею собственностію, и не слѣдовали никакимъ установленнымъ законамъ, кому давали больше, кому меньше, смотря по тому каковою имъ казалась служба помѣщиковъ, даже самая служба не имѣла опредѣленныхъ границъ. Объ этомъ довольно понятно намекаетъ Никоновская лѣтопись подъ 1556 годомъ; она, описывая служебныя учрежденія Іоанна, говоритъ: «Государь же урвеніе творяше въ помѣстьяхъ, землемѣремъ учиниша комуждо, что достойно, прѣизлишки жъ раздѣлиша немущимъ; а съ вотчинъ и помѣстїи уложенную службу учиниша, со ста четвертей добрые угожіе земли человекъ на конѣ и въ досѣбѣ полномъ, а в дальній походъ обѣ дву конь; а хто послужитъ по земли, и Государь ихъ пожалуетъ своимъ жалованьемъ, кормленьемъ, и на уложенные люди дастъ денежное жалованье; а хто землю держитъ, а службы съ нее не платитъ, и на тѣхъ на самѣхъ имати денги за люди; а хто дастъ въ службу люди лишніе передъ землею, чрезъ уложенные люди и тѣмъ отъ Государя большое жалованье самимъ, а людямъ предъ уложенными въ помѣстье давати денгами.» Первый, дошедшій до насъ официальный актъ, довольно опредѣленно означающій значеніе помѣстievъ, есть царскій приговоръ 1550 года, въ немъ го-

¹²⁴ А. А. Э., т. I, № 6.

ворится о раздачѣ въ помѣстья 118,220 четвертей земли боярамъ, окольниковымъ и дѣтямъ боярскимъ, 1078 человекамъ лучшимъ слугамъ; при чемъ назначается боярамъ, окольниковымъ и дѣтямъ боярскимъ первой статьи по 200 четвертей на человека, дѣтямъ боярскимъ второй статьи по 150 четвертей на человека, третьей статьи по 100 четвертей на человека. И тутъ же сказано: «А который по грѣху вымретъ, а сынъ его къ той службѣ не пригодится, ино въ того мѣсто прибрать иного.»¹³⁵ Потомъ еще определеннѣе говорится о помѣстьяхъ въ грамотахъ по помѣстнымъ дѣламъ, писанныхъ между 1555 и 1556 годами. Изъ этихъ грамотъ видно, что для раздачи помѣстій служилымъ людямъ при Иоаннѣ IV, въ Московскомъ государствѣ были заведены особыя книги, извѣстныя подъ именемъ писцовыхъ, отдѣльныхъ и приправочныхъ; въ этихъ книгахъ записывалось кому и сколько дано помѣстья и въ какомъ мѣстѣ, сколько пашенной земли, сколько сѣнокосовъ и разныхъ угодій, и какова земля: добрая ли, средняя или худая; при раздачѣ помѣстій, писцы или отводчики земель справлялись со списками начальниковъ о службѣ помѣщиковъ, въ сихъ спискахъ обыкновенно прописывалось, кто съ котораго времени явился на службу, въ какомъ вооруженіи, и въ сопровожденіи сколькихъ вооруженныхъ слугъ; отдѣльныя книги, въ которыхъ записывались отведенныя служилымъ людямъ помѣстья, писались въ двухъ экземплярахъ, изъ которыхъ одинъ хранился у городовыхъ воеводъ и наместниковъ или ихъ дьяковъ, а другой отсылался въ Москву.¹³⁶ По смерти служилаго человека, часть бывшего за нимъ помѣстья, отдавалась на прожитокъ его женѣ и дочерямъ до конца жизни или до выхода въ замужество; остальное же или отдавалось состоящему на службѣ по неперестанному особымъ помѣстьемъ сыну покойнаго, и отписывалось на Государя, ежели сыновей на службѣ не было; впрочемъ, сыновья выросши ни вступивши въ службу, могли просить, чтобы ихъ поверстали отцовскимъ помѣстьемъ, ежели оно не поступило въ раздачу другимъ помѣщикамъ.¹³⁷ Помѣстная раздача земли соразмѣрялась съ должностію, занимаемою служилымъ человекомъ, и съ переменною должностію или увеличивалась или уменьшалась; но, впрочемъ, и состоя въ одной должно-

¹³⁵ А. А. Э., т. I, № 225.

¹³⁶ Дополн. къ Ак. Ист., т. I, № 52, грам. I.

¹³⁷ Дополн. къ Ак. Ист., т. I, № 52, грам. II.

сти, можно было просить помѣстной придачи за ревность къ службѣ, ежели это будетъ засвидѣтельствовано отъ начальства.¹³⁸ Помѣщики могли мѣняться помѣстьями другъ съ другомъ, но не иначе, какъ съ разрѣшенія правительства, при чемъ необходимымъ условіемъ было, чтобы промѣняаемыя земли были одинаковы какъ мѣрою, такъ и доходами, и чтобы отъ этой мѣны не терпѣли убытка ни Государева служба, ни казенная подати.¹³⁹ Помѣщикъ могъ даже просить Государя о перемѣнѣ своего стараго помѣстья на какое-либо новое, ежели съ стараго помѣстья прекращались доходы по причинамъ не зависящимъ отъ помѣщика.¹⁴⁰ Ежели помѣщикъ былъ убитъ на Государевой службѣ, то малолѣтние сыновья его имѣли право просить себѣ на прожитокъ до возраста все отцовское помѣстье съ обязательствомъ содержать на него мать и сестеръ, если таковыя были.¹⁴¹ По смерти помѣщика, братья его и племянники, а тѣмъ паче сыновья, могли просить оставшееся помѣстье въ придачу къ своимъ помѣстьямъ, и въ такомъ случаѣ обязывались съ этой придачи выплачивать долги, оставшіеся послѣ покойнаго; и поему помѣстье нѣкоторымъ образомъ принимало характеръ наследственнаго владѣнія.¹⁴² Родственники, получившіе послѣ умершаго помѣщика его помѣстье какъ бы по наследству, съ тѣмъ вмѣстѣ принимали на себя обязанность воспитать и выдать замужъ оставшихся послѣ него дочерей съ полученной долей помѣстья.¹⁴³ Въ случаѣ перевода помѣщика на должность низшаго оклада, ежели у него были малолѣтние сыновья, то отбираемые на Государя помѣстные земли не отдавались въ раздѣчу другимъ помѣщикамъ, но отдавались на оброкъ, который предоставлялось собирать на Государя старому помѣщику до возраста и поступленія на службу его сыновей, дабы тогда поверстать ихъ отцовскимъ остаточнымъ помѣстьемъ. Такъ въ помѣстной грамотѣ 1556 года, отъ 14 генваря, сказано: «А нашъ указъ у васъ: которымъ дѣтемъ боярскимъ велѣно быти въ городовыхъ приказѣхъ, а дѣтей у нихъ нѣтъ, а за тѣми помѣстей учи-

¹³⁸ Тамъ же, гр. III и XXVII.

¹³⁹ Тамъ же, гр. V.

¹⁴⁰ Тамъ же, грам. VIII.

¹⁴¹ Тамъ же, грам. X.

¹⁴² Тамъ же, грам. XVII.

¹⁴³ Тамъ же, грам. XX.

нити изъ ихъ помѣстей по пяти вытей, а лишки за тѣмъ у нихъ велѣно отписати на меня Царя и Великаго Князя, и въ роздачу роздати; а у которыхъ приказщиковъ городовыхъ дѣти есть малы, въ нашу службу не посѣли, и у тѣхъ помѣстья велѣно отписывати и приказывати вѣдати на меня Царя и Великаго Князя, покуда дѣти ихъ въ нашу службу посѣютъ, и тогда тѣ помѣстья велѣно дѣтемъ ихъ отдади, и наши службы велѣно имъ служить.»¹⁴⁴ При переходѣ помѣстья отъ одного помѣщика къ другому, старшій владѣлецъ имѣлъ право поселенныхъ своихъ крѣпостныхъ людей выводить на новое помѣстье въ назначаемый для сего срокъ.¹⁴⁵ Дочери и сестры помѣщиковъ дѣвицы, получавшія прожиточную долю изъ помѣстья своихъ умершихъ родственниковъ до замужества, могли пользоваться ими только до пятнадцатилѣтняго возраста, далѣе же помѣстье отписывалось на Государя, хотя бы онѣ и не вышли замужъ.¹⁴⁶ Помѣщики за неявку на службу, или, какъ тогда говорилось, за нѣты, лишались своихъ помѣстныхъ дачъ, впрочемъ, могли возвращать ихъ своею новою службою, или по особой милости Государя, разумѣется, служебный нѣтъ тогда только лишалъ помѣстья, когда нѣтчикъ не могъ представить законныхъ причинъ своей неявки на службу.¹⁴⁷ Всѣ сии частныя отношенія помѣстій къ своимъ владѣльцамъ опредѣляютъ характеръ помѣстныхъ земель слѣдующими общими чертами: помѣстная земля составляли собственность Государя, онъ могъ ихъ раздавать и отнимать рѣшительно по своему разсмотрѣнію, такъ что помѣщики, чтобы удержать за собою владѣніе этими землями, непременно должны были нести Государеву службу, съ усердіемъ подчиняясь всѣмъ распоряженіямъ правительства; всякое отступленіе отъ правительственныхъ распоряженій подвергало ихъ опасности лишиться помѣстья. Такимъ образомъ помѣстье въ сущности своей было даже менѣе нежели пожизненнымъ владѣніемъ; но съ тѣмъ вмѣстѣ на дѣлѣ оно носило на себѣ даже нѣкоторый характеръ наследственности. Государя Московскіе преимущественно хотѣли, чтобы помѣстье оставалось въ одномъ родѣ, и съ этою цѣлію не только дозволялось однородцамъ про-

¹⁴⁴ Гр. XXVII.¹⁴⁵ Гр. XXX.¹⁴⁶ Гр. XXXV.¹⁴⁷ Гр. XXIX.

сить, чтобы ихъ верстали помѣстьями ихъ умершихъ родственниковъ, но даже положено было правиломъ оставлять помѣстные земли отцовъ во владѣніи дѣтей до ихъ возраста и поступленія на службу, только съ тѣмъ, чтобы всѣ доходы съ таковыхъ помѣстій, за исключеніемъ прожиточныхъ вытей собирались въ казну самими же помѣщиками. А смотря по заслугамъ, помѣстные земли иногда обращались въ вотчинныя, и въ послѣднее время это обращеніе помѣстій въ вотчины до того усилилось, что при Романовыхъ рѣдкій счастливый воинскій походъ оставался безъ награжденія служилыхъ людей обращеніемъ помѣстій въ вотчины; впрочемъ это не относится къ настоящему труду, и кажется происходило отъ измѣненія характера вотчинъ и помѣстьевъ, чему при Романовыхъ были свои причины, еще не существовавшія въ описываемое здѣсь время.

По первоначальному своему происхожденію помѣстные земли принадлежали къ дворцовымъ владѣніямъ, ибо Московскіе государи въ первыя времена своего владычества произвольно могли распорядиться только своими собственными землями, вотчинныя же зависѣли отъ частныхъ собственниковъ, а черныя отъ общины; ни община, ни собственники не имѣли нужды раздавать помѣстій, ибо помѣщики служили не имъ, а Князю. По впослѣдствіи времени, когда власть Московскихъ государей усилилась и границы владѣній распространились завоеваніями, которыя уже зависѣли отъ Князя, а не отъ общины, въ отдѣлъ помѣстныхъ земель стали поступать и такія, которыя не принадлежали къ дворцовому вѣдомству. Московскій государь, завоевавши или другимъ какимъ образомъ присоединивши къ своимъ владѣніямъ какое-либо княжество или область, немедленно отдѣлялъ часть тамошнихъ земель для раздачи въ помѣстья какъ своимъ служилымъ людямъ, такъ и нѣкоторымъ изъ тамошнихъ жителей, которые изъявляли желаніе вступить въ его службу подъ именемъ земцовъ, отъ чего ихъ помѣстья получали названіе *земецкихъ*¹⁴⁸. Такимъ образомъ съ распространеніемъ завоеваній увеличивалась и масса помѣстныхъ земель, такъ что мало-по-малу изъ нихъ образовался особый обширный разрядъ земель, обхватывавшій все государство, а поему незамѣтно они отдѣлились отъ дворцовыхъ владѣній и составили

¹⁴⁸ О раздачѣ въ помѣстья завоеванныхъ земель такъ много свидѣтельствъ въ лѣтописяхъ и въ другихъ памятникахъ, что ихъ излишне уже и приводить.

свое вѣдомство, для котораго впоследствии были учреждены Помѣстный приказъ. Впрочемъ это отдѣленіе не измѣнило первоначальнаго характера помѣстьевъ, они по прежнему оставались собственностію государя, и отобранныя почему-либо у однихъ помѣщиковъ и еще не розданныя другимъ, они подъ названіемъ порожнихъ земель, впродѣ до роздачи, относились на государя и отдавались въ оброчное содержаніе въ пользу царской казны¹⁴⁹. Даже находясь во владѣніи помѣщика, помѣстное имѣніе не преставало зависѣть отъ распоряженій государя, который, не лишая владѣльца временнаго права надъ даннымъ имѣніемъ, въ то же время могъ распоряжаться нѣкоторыми его доходами въ пользу другихъ. Такъ, напримѣръ, въ грамотѣ Царя Θεодора Ивановича 1593 года, данной боярскому сыну Ивану Алферьеву, сказано: «И мы, Троицкаго монастыря архимандрита съ братією пожаловали, велѣли имъ въ монастырь къ каменной подѣлкѣ на извѣстное сжечіе камень ломати у тебя въ помѣстьѣ¹⁵⁰. Въ отношеніи же къ самому государству помѣстные земли были на одинаковомъ положеніи съ другими частными недвижимыми имѣніями; съ нихъ ежегодно собирались данныя, приѣмныя, ямскія и пощляничныя денги, также посошной кормъ, на нихъ же лежали городовое дѣло и другія повинности и мірскіе разметы¹⁵¹. Всего яснѣе выражается одинаковость отношеній къ государству помѣстныхъ земель съ другими частными имѣніями въ слѣдующемъ итогѣ дозорной новгородской книги 134 года. «Всего въ Заруской половинѣ за дворшны, и за дѣтми боярскими, и за земцы въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ, и за митрополитомъ, и за монастыри, въ вотчинахъ и въ порожнихъ земляхъ, въ живущемъ и въ пустѣ 5903 обжа; а платити имъ съ живущаго съ 5 обержъ съ четью обжи безъ полчетверика пашни; а сошного письма съ дву сошекъ¹⁵².

Виды земель по различію населенія.

Земли Московскаго Государства по различію населенія раздѣлялись на городскія и негородскія или уѣздныя; первыя составляли собственность города, а вторыя принадлежали сельскимъ об-

¹⁴⁹ Допол. къ Ак. Ист., т. I, № 86.

¹⁵⁰ Изъ книги копій съ жал. грам. Троицк. Сергіев. монаст., № 1.

¹⁵¹ Допол. къ Ак. Ист., т. I, № 52, гр. XXIX.

¹⁵² Вотч. Арх., № 669.

щинамъ и только признавали свою подчиненность и зависимость отъ города, какъ представителя цѣлой территоріи.

Городскія земли, по владѣнію, были черныя, принадлежащія собственно городской общинѣ, вотчинныя, бывшія во владѣніи частныхъ собственниковъ и наконецъ помѣстныя, данныя для жительства служивымъ людямъ. Это дѣленіе городскихъ земель по владѣнію влекло за собою другое дѣленіе на тяглыя и бѣломѣстныя или нетяглыя земли; владѣльцы первыхъ земель несли съ нихъ все городскія повинности, и эти земли нельзя было ни продать, ни заложить бѣломѣстцу; или въ противномъ случаѣ бѣломѣстецъ, принявши такую землю во владѣніе, долженъ былъ нести съ нея все повинности и городскіе расходы наравнѣ съ тяглыми людьми; бѣломѣстныя же или нетяглыя земли освобождались отъ многихъ городскихъ повинностей и несли ихъ только въ крайнихъ случаяхъ государственной нужды. Но замѣчательнѣйшее отличіе городскихъ земель отъ негородскихъ состояло въ томъ, что они раздѣлялись не на обжи, или четверти, и десятины, а на дворы; дворъ былъ единственною, закономъ утвержденною, единицею городскихъ земель; при соразмѣреніи ихъ въ раскладкѣ податей повинностей, а посему дворъ, какъ общая единица мѣры, естественно долженъ былъ имѣть одно опредѣленное пространство земли для всего города, и нельзя было ни увеличить, ни уменьшить своего двора, при посредствѣ частной сдѣлки: всякое уменьшеніе и увеличеніе двора могло быть сдѣлано не иначе какъ съ разрѣшенія городской общины и непременно влекло за собою увеличеніе или уменьшеніе податей и повинностей съ домохозяина увеличеннаго или уменьшеннаго двора; а отъ этого въ древнѣйшихъ административныхъ книгахъ городскіе домохозяева раздѣлялись на владѣльцевъ двухъ или трехъ или болѣе дворовъ, на владѣльцевъ цѣлаго двора или полдвора или трети, четверти двора, и писались обыкновенно такъ: такой-то живетъ на трети двора, на полдворѣ, на двухдворѣхъ, на одномъ дворѣ и пр. Увеличеніе или уменьшеніе городскихъ дворовъ могло быть сдѣлано или привятіемъ отъ общины пустопорожнихъ земель на оброкъ, или при помощи частной сдѣлки съ сосѣдомъ домохозяиномъ, но не иначе какъ съ разрѣшенія общины, которая отмѣчала такую сдѣлку въ своихъ мѣрныхъ и платежныхъ книгахъ и зачисляла одного изъ участниковъ сдѣлки владѣльцемъ увеличеннаго двора, а другаго — уменьшеннаго, и сообразно съ таковою сдѣлкою соразмѣрала раскладку податей и повинностей. Доказательство таковыхъ раскладокъ по дворамъ и за-

численія двухъ, трехъ и полутора дворовъ за однимъ домохозяйномъ можно видѣть въ любой платежной и переписной книгѣ. Вотъ для образца отрывокъ изъ платежной книги Переяславля Рязанскаго, писанной въ 7104 году. «Въ городѣ Переяславлѣ Рязанскомъ, въ верхнемъ городѣ дворы оброчные: Д) Марья Ивановой жены Мурзиной, оброку на немъ въ годъ по гривнѣ; Д) за торговымъ человѣкомъ за Якушкомъ, за Порывкинымъ, оброку ему давать на годъ по 11 алтынѣ». Или въ переписной книгѣ города Чердыни 186 года. «Дворы посадскихъ тяглыхъ людей первой статьи. В) Савка Ананьицъ сынъ Оболенскаго живетъ на пустыхъ двумѣстѣхъ, что были впустѣ Мишки Филиппова сына Шубникова, да Амфилошки Угледакаго. В) Явашка Григорьевъ сынъ Валцевъ: у него на дворѣ избы, да двои ворота, да онъ же владѣетъ половиною мѣстомъ Изейки Петрова сына Горина». ¹⁵³

Городской дворъ въ общей раскладкѣ податей и повинностей равнялся не сельскому двору, а цѣлой обжѣ въ Новгородскихъ владѣнιάхъ и выти въ Московскихъ. Такъ это свидѣтельствуетъ уставная грамота, присланная въ 1552 году на Вагу; въ ней сказано: «Съ посадскихъ дворовъ, и съ становъ, и съ волостей, со всѣхъ обежъ двадцать алтынъ и три алтына; а дворъ посадской противу обжи, а обжа противъ посадскаго двора, размѣтомъ въ намѣстничъ оброкъ равна. ¹⁵⁴

Кромѣ дворовыхъ земель, отдававшихся градскимъ людямъ въ поземельное владѣнiе съ правомъ передачи на извѣстныхъ условіяхъ, городская община владѣла какъ бы угодьями, всѣми торговыми и ремесленными мѣстами, и огромною выгонною землею за городомъ, а также иногда мельницами, рыбными и звѣриными ловлями въ уѣздѣ; всѣ сии угодья, какъ непосредственная собственность городской общины, не могли состоять въ частномъ владѣнiи, а отдавались самою общиною въ наемъ или въ оброчное содержаніе по условіямъ съ частными лицами на извѣстное определенное время, по истеченіи котораго назначался новый торгъ, и смотря по цѣнамъ, состоявшимся на торгу, оброчная земля или переходила къ новому наемщику, или оставалась за прежнимъ. Оброчныя статьи, собственно городскія, носили названіе лавокъ, щелашей, столовъ.

¹⁵³ Арх. Вотч. Департ. №№ 360 и 327.

¹⁵⁴ А. Арх. Э. т. I. № 234.

амбаровъ, прилавковъ, полковъ и кузницъ. Вотъ какъ о нихъ говорится въ платежной разясной книгѣ 7104 года. «Въ городѣжъ въ Переяславѣ, у Рязанскихъ воротъ, лавки, и прилавки и амбары съ разными товары; а въ нихъ торгуютъ пушкари и затищики и стрѣльцы, и воротники, и казенные сторожи, ямщики, и дворники, и изъ селъ крестьяне, и казаки, и бѣлодворцы, а что кому съ которые лавки и амбары сколько оброку платить и то расписано порознь. Отъ Рязанскихъ воротъ въ городъ ѣдучи направо А.) вдовы Марьи Пушкаревы Ивановы жены Сурикова съ дѣтьми оброку съ ней четыре алтына; А.) Затищика Шерапка Некцова оброку десять алтынь; А.) Ямщика Ортюшки, оброку съ него одиннадцать алтынь двѣ деньги; прилавокъ Андреева дворника Вердеровскаго Власка Чернаго, оброку десять денегъ; А.) Коломыстина Пятунки Спицына, оброку двѣнадцать алтынь; да за городомъ, за Рязанскими вороты, торгъ на посадѣ, за рѣчкою за Лыбедью, а въ торгу лавки, и полки, и шелаша, и стула всякихъ людей; а оброку съ лавокъ старого платили съ лавки по два алтына по двѣ деньги; а впредь имъ платити съ тѣхъ лавокъ оброку съ лавки по гривнѣ; да съ амбаровъ по рублю по шестнадцати алтынь съ амбара; въ мясномъ ряду полки и амбары, а торгуютъ въ нихъ мясомъ всякіе люди, оброку съ полка и амбара по пяти алтынь; да въ торгужъ, промежь лавокъ, стулы, а на нихъ торгуютъ крупы и толокномъ, и всякимъ овозомъ, оброку съ стулу по семи алтынь; да за лавками кузницы, оброку съ кузницы по 8 алтынь по двѣ деньги; да за лавками избы и шелаша, въ нихъ торгуютъ рыбою и мясомъ варенымъ, и пироги; а оброку имъ давати съ избы и съ шелаша по три алтына». ¹⁵⁵

Городскія угодья первоначально, кажется, составляли чистую собственность города, и получаемыми съ нихъ доходами покрывались различныя общественныя издержки; по крайней мѣрѣ до В. К. Ивана Васильевича III-го мы не имѣемъ никакихъ ни официальныхъ, ни лѣтописныхъ свидѣтельствъ о вмѣшательствѣ Московскихъ Государей въ это общинное дѣло; относительно же Новгорода есть даже прямые свидѣтельства, что городская община въ самыхъ договорныхъ грамотахъ съ Князьями опредѣленно требовала чтобы Князья не вступались въ городскія торговыя мѣста; такъ, напримѣръ, въ договорной грамотѣ Новгородъ съ В. К. Але-

ксандромъ Михаиловичемъ Тверскимъ, писанной въ 1327 году, прямо сказано: «А въ нѣмецкомъ дворѣ тобѣ, книжке, торговати нашею братьею; а двора ти не затворяти, а приставовъ не приставляти».¹⁵⁶ Но Іоаннъ III-й смотрѣлъ на это дѣло иначе и, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ Москвѣ, всѣ городскія угодья принялъ въ свое вѣдѣніе, и подъ предлогомъ защиты общественнаго имѣнія отъ насилія частныхъ собственниковъ поставилъ надъ нимъ своихъ прикащиковъ, которые точно обязаны были противостоятъ всѣмъ посягательствамъ частныхъ собственниковъ, даже не дозволить удѣльнымъ князьямъ открывать новыя торговыя мѣста въ ущербъ общиннымъ; но за то во всѣхъ доходахъ, съ сихъ послѣднихъ давали отчетъ государю, а не общинѣ. Первымъ гласнымъ свидѣтельствомъ объ этомъ дѣлѣ служить духовная грамота В. К. Ивана Васильевича III-го, писанная въ 1504 году, въ ней онъ говоритъ своимъ сыновьямъ: «А что есмь подавалъ дѣтемъ своимъ селца у Москвы з дворы з городцкими на посадахъ; и дѣти мои въ тѣхъ дворѣхъ торговъ не держать, ни житомъ не велятъ торговати, ни лавскъ не ставять, ни гостей съ товаромъ иноземцовъ и изъ Московскіе земли, и изъ своихъ удѣловъ, въ своихъ дворѣхъ не велятъ ставити; а ставятся гости съ товаромъ иноземци, и изъ Московскіе земли и изъ ихъ удѣловъ на гостиныхъ дворѣхъ, какъ было при мнѣ; а дѣти мои, у моего сына у Василія въ тѣ дворы въ гостиные и въ тѣ пошлыны не вступаются. А хто учнетъ въ дѣтей моихъ селцахъ и въ дворѣхъ въ городныхъ торговати мѣстнымъ товаромъ; и сынъ мой Василей тѣхъ торговъ не велитъ сводити, а пошлыну полавочную съ нихъ беретъ, сына моего Васильевъ прикащикъ, какъ было при мнѣ».¹⁵⁷ Здѣсь Великій Князь два раза ссылается на свое учрежденіе относительно завѣдыванія торговыми мѣстами: «какъ было при мнѣ». Эта двукратная ссылка заставляетъ предполагать, что именно только при Іоаннѣ III-мъ торговыя мѣста отъ общины перешли въ вѣдѣніе Князя, иначе бы Іоаннъ сказалъ: *какъ было при моемъ отцѣ или дѣдѣ*, ибо въ нашихъ официальныхъ грамотахъ было принято за правило ссылаться на древность учрежденій *по старинѣ, по пошлынѣ, какъ было при нашихъ дѣдкахъ и прадедкахъ*, и конечно бы, Іоаннъ не преминулъ употребить подобное выраженіе, еслибы можно было

¹⁵⁶ Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 13.¹⁵⁷ Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 144.

увотребить его безъ явнаго противорѣчія истинѣ; да и въ самомъ дѣлѣ, ни въ одной грамотѣ Іоанновыхъ предшественниковъ нѣтъ и намеку о притязаніи князей на городскія угодья общины. Впрочемъ вмѣшательство Князя въ городскія оброчныя статьи главнымъ образомъ ограничивалось сборомъ оброчныхъ денегъ; но и тутъ Царь Иванъ Васильевичъ, недовѣрчивый къ своимъ служилымъ людямъ, сдѣлалъ большую переѣну: онъ, желая чтобы народъ сколько можно менѣе терпѣлъ отъ придирокъ царскихъ чиновниковъ, въ большой части городовъ Московскаго государства сборъ податей, а также и оброчныхъ денегъ, передалъ откупщикамъ или выборнымъ отъ народа цѣловальникамъ. Такимъ образомъ городскія общественныя нѣвня болѣе или менѣе опять перешли въ вѣдѣніе общинъ, но уже какъ даръ, уступленный государемъ для облегченія подданныхъ, и конечно, уже съ полнымъ правомъ взять ихъ въ свое вѣдѣніе при первой несправности общинъ относительно платежа оброковъ.

Угодья и оброчныя статьи, принадлежащія городу, по находящіяся въ уѣздѣ, также составляли собственность общины, на которую частныя лица имѣли только право пользованія, и кажется община въ отношеніи къ нимъ умѣла удержать свои исключительныя права до позднѣйшаго времени, и Государя Московскіе постоянно старались защищать эти права отъ насилія частныхъ собственниковъ. Лучшимъ свидѣтельствомъ сему служить челобитиза, подданная, въ 157 году Царю Алексѣю Михайловичу отъ городскихъ Московскихъ людей, въ ней сказано: «Истари де до Московскаго и послѣ Московскаго разоренія около Москвы за землянымъ городомъ были живописные выпуски по всѣмъ дорогамъ, отъ города версты по три и по четыре и по пяти, а въ городѣхъ около посадовъ были животинные выпуски большіе и въ лѣсы выѣзды по дрова; а нынѣ де около Москвы и въ городѣхъ около посадовъ животинныхъ выпусковъ не стало, потому изавали бояре и ближніе люди... И Великій Государь пожаловать бы ихъ гостей и торговыхъ посадскихъ людей всего Московскаго Государства на Москвѣ и около Москвы и во всѣхъ городѣхъ на посадѣхъ и около посадовъ въ слободахъ никакимъ торговымъ и промышленнымъ людямъ за патриархомъ, и за властью, и за монастыри и за бояры и за ближними и думными и всякихъ служилыхъ чиновъ людьми быти не велѣтъ». ¹⁵⁵

Собственно городская земля въ каждомъ городѣ Московскаго государства по населенію своему состояла изъ трехъ частей: собственно *города* или *крѣпости*, *посада* и *слободъ*. Въ крѣпости или собственно городѣ жили Князь или его намѣстникъ и воевода съ служилыми людьми, тутъ же находились правительственныя или казенныя мѣста и осадные дворы посадскихъ и уѣздныхъ жителей для защиты въ случаѣ нападенія непріятелей, и даже въ нѣкоторыхъ городахъ разныя торговыя заведенія; на посадѣ жили собственно граждане посадскіе люди, у нихъ тутъ обыкновенно устраивались рынки, торговыя ряды и гостиныя дворы, между посадскими людьми здѣсь жили также разные помѣщики и вотчинники служилые люди на бѣлыхъ земляхъ; жители слободъ исключительно состояли изъ ремесленниковъ и разныхъ служилыхъ людей нижнихъ чиновъ, напримѣръ воротниковъ, пушкарей, затинщиковъ и подобн. Слѣды такого распредѣленія можно видѣть и теперь въ старинныхъ Московскихъ городахъ, напримѣръ въ Коломнѣ, Дмитровѣ, Переяславлѣ и другихъ, гдѣ еще остались насыпи или стѣны собственно города или кремля, и существуютъ названія посадовъ съ ихъ улицами и рынками и съ слободами кузнецовъ, ямщиковъ, пушкарей, затинщиковъ и проч., письменныхъ же свидѣтельствъ объ этомъ предметѣ такое множество, что въ одномъ Разрядномъ архивѣ я знаю по крайней мѣрѣ 2000 смѣтныхъ, переписныхъ, дозорныхъ, счетныхъ и другаго наименованія книгъ, въ которыхъ подробно описывается расположеніе и устройство разныхъ городовъ. Но лучшимъ и такъ сказать живымъ хранилищемъ стариннаго городского устройства въ Московскомъ государствѣ является сама Москва, гдѣ это устройство и полиціе было развито и оставило по себѣ болѣе памятниковъ въ разныхъ названіяхъ улицъ и приходовъ. Кремль Московскій составлялъ собственно городъ, гдѣ находились дворецъ Великокняжескій, митрополичій дворецъ, дома чиновныхъ людей и богатыхъ гражданъ; также разныя зданія принадлежащія казнѣ или Великому Князю, гдѣ хранилось Великокняжеское или казенное имущество, таковы казенный дворецъ, сытенный, кормовой, хлѣбной, житенной, конюшенный и другіе дворы, а въ послѣдствіи разные приказы; нѣкоторые слѣды этого размѣщенія еще и теперь замѣтны въ Кремлѣ. За Кремлемъ слѣдовалъ посадъ, состоявшій прежде изъ одного такъ называемаго Китая города; въ послѣдствіи времени Московскій посадъ распространился до теперешней черты такъ называемаго Блага города, т.-е. до линіи бульваровъ Пречистен-

скаго, Никитскаго, Тверскаго и далѣе до Цокровской улицы. Что же было за этою чертою, то принадлежало еще къ разнымъ ремесленнымъ и казеннымъ слободамъ: таковы были: слобода Хамовническая направо отъ Крымскаго брода, здѣсь жили ткачи Царскаго столоваго бѣлья; въ замоскворѣчьи слободы денежниковъ, кадашевцевъ, ордынцовъ, кузнецовъ, овчинниковъ, садовниковъ, кожевниковъ и другія; потомъ черезъ рѣку слободы гончаровъ, котельниковъ, а за Яузюю серебренниковъ, барашей, басманниковъ, огородниковъ, мясниковъ; далѣе за нынѣшнюю Стрѣтенскую улицу слободы стрѣльцовъ и пушкарей, между Дмитровкою и Петровкою, воротниковъ; наконецъ отъ Дмитровки до Арбата слободы разныхъ войсковыхъ и придворныхъ служителей: бронниковъ, гранатчиковъ, крестниковъ, трубниковъ, поваровъ, хлѣбниковъ и другихъ, которыхъ названія по большей части и теперь еще уцѣлѣли въ именахъ улицъ и другихъ урочищъ, и даже нѣкоторымъ образомъ остались въ своемъ административномъ значеніи; такъ нынѣшнія купеческія и мѣщанскія семьи въ Москвѣ раздѣлены по разнымъ слободамъ сходно съ прежними, иныя изъ нихъ записаны въ Котельнической, другіе въ Кузнецкой, въ Кожевнической, Броннической, Басманнической и другихъ слободахъ. За ремесленными и служебными слободами, уже почти вѣкъ города, какъ бы въ видѣ селеній шли слободы ямщиковъ, таковы Тверская, Рогожская, Дорогомыловская и другія, которыя и теперь еще цѣлы и преимущественно заселены ямщиками, и у правительства значатся подъ названіемъ ямскихъ земель.

Уѣздныя или не городскія земли, по заселенію своему, раздѣлялись на слободы, села, деревни и починки, они какъ и городскія земли по владѣнію были черныя, вотчинныя, дворцовыя и помѣстныя; къ каждой слободѣ, селу и деревнѣ приписаны были пахотныя и сѣнокосныя земли, лѣса, рыбныя, звѣриныя ловли и другія угоды.

Слободы преимущественно населялись ремесленниками и разными промышленными людьми, наиримѣръ рыболовами, бобровниками, бортниками и другими подобными, а также ямщиками и разными служилыми людьми, стрѣльцами, казаками, пушкарями. Были слободы и торговыя, что-то въ родѣ городовъ, но не города, ибо не имѣли уѣздовъ съ помѣщичьими и вотчинными землями; къ слободамъ причислялось по нѣскольку деревень и починковъ, вѣроятно населенныхъ людьми одного вѣдомства; они обыкновенно

управлялись слободчиками, старостами и сотскими, а судомъ и данью тянули къ тому городу въ уѣздѣ, котораго находились. По владѣнію слободы бывали дворцовыя, вотчинныя, монастырскія, владычны, черныя и служилыя. Свидѣтельства о слободахъ начинаются довольно рано, они упоминаются еще въ духовной Калиты, писанной въ 1328 году, гдѣ сказано: «А се даю сыну моему Ивану: Великую свободу, Замошскую свободу, Окашьеву свободку, село въ Замошьской слободѣ». ¹⁵⁹ Слѣды слободъ и теперь еще остались въ разныхъ уѣздахъ около Москвы и въ другихъ мѣстахъ, въ которыхъ замѣтно, что они населялись ремесленниками. Такъ въ Серпуховскомъ уѣздѣ въ Кузминской волости, есть нѣсколько урочищъ извѣстныхъ подъ именемъ слободъ, особенно по старинному Боровскому тракту, слободы эти теперь находятся уже внаутѣ, и частью захламаны, частью поросли лѣсомъ: но еще во многихъ мѣстахъ вѣроятно слѣды стараго жилья, черноземъ и выгорки желѣза, а старожилы говорятъ по преданію, что тутъ жили казенные кузнецы и были большія кузнецы. А въ иныхъ уѣздахъ за нѣкоторыми селами и теперь еще остается названіе слободъ; но уже безъ внутренняго значенія, которымъ бы эти села отличались отъ другихъ.

Жители слободъ хотя и тянули судомъ и данью къ городамъ наравнѣ съ волостными людьми; но такъ какъ они не были чисто земледѣльцами, то разрубамъ и разметамъ своими не вкладывались въ одну кость съ сельчанами; но считались во всѣхъ раскладкахъ податей только сами собою. Такъ объ этомъ прямо сказано въ жалованной грамотѣ 1546 года данной крестьянамъ Антропьевой слободы въ Устюжскомъ уѣздѣ: «А тяглы деи на тѣхъ слободскихъ крестьянъ, изъ Олексина, изъ Пачеозера и изъ Вондокурьи, и изъ Петровскаго села, кладутъ велику; а у нихъ деи разрубывы межъ себя свои», ¹⁶⁰ т.-е. не по землямъ и пашнямъ, а по промысламъ.

Села были заселены преимущественно земледѣльцами, къ каждому селу было приписано по нѣскольку деревень и починокъ, жители которыхъ также земледѣльцы вкладывались во всѣхъ разметахъ въ одну кость съ своими сельчанами, и потому составляли съ ними одно цѣлое, имѣли свою управу, которая всегда находи-

¹⁵⁹ А. А. Эк., т. I, № 136.

¹⁶⁰ Ак. Ист., т. I, № 299.

дась въ селѣ и состояла изъ старостъ, сотскихъ и десятскихъ, выбираемыхъ крестьянами изъ своей среды; въ селѣ и деревняхъ земля была общая, и крестьяне владѣли своими участками или вытями не иначе какъ приговору всей своей общины; всѣ выти были равны между собою, и по нимъ раскладывались подати и повинности; но какъ средства и силы не у каждаго крестьянина были одинаковы, то по сему болѣе зажиточный крестьянинъ могъ жить на двухъ, на трехъ вытяхъ; бѣдный же на одной выти, на полвыти и на четверти выти. Крестьянинъ съ согласія общины могъ мѣнять свою выть на другую, конечно не занятую другими или пустопорожную, которыхъ всегда было много, ибо крестьяне не прикрепленные къ землѣ свободно переходили изъ уѣзда въ уѣздъ и изъ волости въ волость; община владѣя землею не имѣла никакого права на своихъ сочленовъ, какъ скоро они оставляли землю, лишь бы за ними не было недоимокъ по мірскимъ розрубамъ и розметамъ. А по сему во всѣхъ писцовыхъ книгахъ мы встрѣчаемъ ужасную подвижность въ отношеніяхъ между жилыми и пустыми землями. Напримѣръ въ Новгородской писцовой книгѣ 7090 года по Вотцкой пятинѣ значится: «Въ Сабельскомъ погостѣ за 88 годъ въ живущемъ 28 обержъ, а за 90 годъ только двѣ обжи. Въ Никольскомъ погостѣ за 88 годъ въ живущемъ 34 обжи, а за 90 годъ только 16 обержъ; въ Грузинскомъ же погостѣ за 88 годъ въ живущемъ 31 обжа, а за 90 годъ 41 обжа, или въ Коломенскомъ погостѣ (на Волковѣ) въ 88 году было только четыре обжи а въ 90 году прибыло еще 20 обержъ».¹⁶¹ Въ селгахъ и деревняхъ на выти дѣлились только пахотныя и сѣнокосныя земли, лѣса же, рыбныя ловли и другія уголья составляли не раздѣльную собственность цѣлой общины, которою каждый членъ могъ пользоваться по мѣрѣ надобности.

Административное раздѣленіе земель.

Въ административномъ значеніи земли Московскаго Государства раздѣлялись на *уѣзды, волости и станы, пятины, тубы, присуды и поюсты*.

Уѣздомъ называлась цѣлая страна (напримѣръ Переяславская, Дмитровская, Костромская и др.) приписанная судомъ и данью къ одному городу. Въ уѣздѣ кромѣ главнаго города, по ко-

¹⁶¹ Арх. Вот. Ден., № 659.

тому назывался уѣздъ, были еще пригороды и слободы, имѣвшіе также городовое устройство, но приписанные по управленію къ главному уѣздному городу и зависѣвшіе отъ его Князя или отъ княжого намѣстника и воеводы. Напримѣръ по Рязанскимъ платежнымъ книгамъ 7105 года письма и мѣры Третьяка Григорьевича Вельямнинова съ товарищи значатся въ Рязанскомъ уѣздѣ, города Переяславъ Рязанскій, Пронскъ, Ряжскъ и Николо-Зарайскій монастырь, имѣвшій также городовое устройство. Слово уѣздъ въ значеніи области или страны имѣющей свое отдѣльное устройство встрѣчается въ самыхъ первыхъ памятникахъ Московской администраціи. Такъ въ первой духовной грамотѣ В. К. Ивана Даниловича Калиты сказано: «а тамгою и иными волостями городьскими подѣлятея сынове мои; также и мыты, которые въ которомъ уѣздѣ». ¹⁶³ Это свидѣтельство намекаетъ, что въ Московскомъ Государствѣ при первыхъ князьяхъ изъ дома Невскаго уѣздъ имѣлъ равное значеніе съ удѣльнымъ княженіемъ, — *которымъ отъ которомъ уѣздъ*, т. е. какіе мыты въ чьемъ удѣлѣ. А таковое равенство въ значеніи уѣзда и удѣла необходимо ведетъ къ заключенію, что уѣздъ въ Московскомъ Государствѣ первоначально представлялъ отдѣльное болѣе или менѣе самостоятельное цѣлое, имѣлъ своего Князя, свои права и уставы, которые перѣдко сохранились даже и по присоединеніи удѣла къ Москвѣ, и были извѣстны подъ именемъ уставныхъ грамотъ; на сѣмъ уставныя грамоты указывалъ еще Іоаннь III въ своемъ судебникѣ, гдѣ въ статьѣ о приставахъ сказано: «А приставамъ имати по городомъ хоженое по грамотѣ, а гдѣ нѣтъ грамоты и ему хоженое имати въ городѣ по четыре денги». ¹⁶⁴ Здѣсь могущественнѣйшій изъ Московскихъ Государей, почти уничтожившій удѣлы въ Сѣверовосточной Руси, не смѣлъ еще касаться правъ данныхъ уѣздамъ ихъ прежними князьями, и даже издавая общее законоположеніе допускалъ и слѣдовательно узаконялъ состояніе многихъ владѣній на особыхъ правахъ. Такимъ образомъ уѣзды съ уничтоженіемъ удѣловъ хотя и потеряли свое первоначальное значеніе самостоятельныхъ владѣній, но тѣмъ не менѣе удержали свою отдѣльность и цѣлость въ административномъ значеніи и, получивъ вмѣсто Князей, воеводъ или намѣстниковъ изъ Москвы, по прежнему оставались при своемъ

¹⁶³ Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 21.

¹⁶⁴ Ак. Пет., т. I, № 105.

внутреннемъ устройствѣ, если оно не противорѣчило правиламъ Московской администраціи.

Представителемъ уѣзда всегда былъ главный городъ, по которому большею частію уѣздъ носилъ свое названіе, въ немъ сосредоточивались все власти управлявшіе уѣздомъ, сюда представлялись на рѣшеніе и утверженіе все уголовныя дѣла уѣздныхъ жителей, равнымъ образомъ тутъ же былъ высшій судъ по всемъ другимъ дѣламъ, здѣсь велись разныя записныя книги всеи землѣи и угодьямъ, находящимся въ уѣздѣ, равно какъ списки всеи уѣздныхъ жителей съ означеніемъ кто въ службѣ или не въ службѣ, и на какой землѣ живетъ, на вотчинной, или на помѣстной, или на черной, сколько человекъ у кого въ семействѣ и сколько за кѣмъ какой земли; по этимъ книгамъ и спискамъ въ городѣ дѣлалась общая раскладка и назначеніе податей и повинностей на весь уѣздъ, по нимъ же соображались все наряды на службу. Въ городѣ собирались все податныя сборы, и отсюда уже ихъ отправляли въ Москву для доставленія въ Государеву казну, въ городѣ же сѣзжались все служимые люди уѣзда предъ отправленіемъ въ походъ, и тутъ воеводы дѣлали имъ смотръ и записывали каждаго въ свои смотрѣбныя списки съ обозначеніемъ кто какъ конень, люденъ и оруженъ отправляется на службу. Впрочемъ столь важное значеніе города въ отношеніи къ уѣзду было на Руси исконнымъ и существовало еще до водворенія въ городахъ Князей Рюрикова дома, Князья явились уже къ готовому національному устройству, имъ не нужно было грабить и опустошать селъ и деревень, чтобы завладѣть какимъ-либо уѣздомъ, все дѣло состояло въ городѣ, ежели городъ принималъ Князя и признавалъ его власть, то и вся страна или уѣздъ безпрекословно повиновалась ему; города иногда дѣйствовали самостоятельно и при Князьяхъ, и Князья признавали законность ихъ дѣйствій. Такъ подъ 1286 годомъ въ лѣтописи сказано: «совокунившеся Тверичи, Москвичи, Воложане, Новгородцы, Дмитровцы, Зубчане и Ржевцы, и угонивше Литву биша, и полонъ отъяша, и князя ихъ Домонта яша».¹⁶⁵ Въ упомянутыхъ городахъ въ это время были Князья, а между тѣмъ граждане дѣйствовали самостоятельно, начали и кончили походъ безъ участія Князей. Бывали даже случаи, что городъ представлялъ лицо своего Князя, и это представи-

¹⁶⁵ Татищ., т. IV, стр. 69.

тельство принималось не только прочими Князьями, но даже тогдашними судьями Князей Татарам; такъ, напримѣръ, въ 1296 году на Владимірекомъ съѣздѣ вмѣстѣ съ Князьями явились на судъ Ханскаго посла и Переславцы, представляя лицо своего отсутствующаго Князя, и отстаивали права своего Князя. Вотъ слова летописи: «И бысть съѣздъ въ Володимирѣ всѣмъ Княземъ Росскимъ, коемуждо Князю свою обиду предъ посломъ глаголющу; и сташа съ единыя страны Князь великій Андрей, да съ нимъ Князь Ѳедоръ Ярославскій, и Константинъ Борисовичъ Ростовскій; а на другой сторонѣ противу ихъ сташа Князь Данило Александровичъ Московскій, да Князь Михайло Ярославичъ Тверскій, да съ ними Переславцы за единъ, и ту замало не бысть кровопролитіе.»¹⁶⁶

Уѣздныя, т.-е. не городскія земли раздѣлялись на волости и станы, цѣль таковаго дѣленія была чисто административная, и нельзя отыскать слѣдовъ какого-либо территоріальнаго или родоваго начала, послужившаго ему основаніемъ; волости или станы никогда не составляли самостоятельнаго отдѣльнаго цѣлаго, они всегда были въ зависимости отъ своихъ городовъ; слѣдовательно ихъ раздѣленіе было произведено городами же, которые сдѣлали это для большей удобности въ управленіи. Когда и кѣмъ были учреждены волости и станы въ Московской землѣ, мы не знаемъ; но то несомнѣнно, что они были уже при В. К. Иванѣ Даниловичѣ Калитѣ. Въ его дрховной грамотѣ сказано: «Се далъ есмь сыну своему большому Семену: Можаяскъ, Коломну со всѣми Коломенскими волостми, Городенку, Мѣзыню, Пѣсочну, Похряне, Брошеву, Гвоздку», и проч.¹⁶⁷ Прямаго различія между станомъ и волостью опредѣлить нельзя; ибо въ иныхъ памятникахъ ясно можно видѣть, что волость составляла часть стана. Такъ въ Царской грамотѣ 1601 года прямо говорится: «Билъ намъ челомъ Бѣлозерскаго уѣзда Заозерскаго стану Илюбацкія волости крестьянинъ Митька Дмитріевъ.»¹⁶⁸ Напротивъ другіе памятники свидѣтельствуютъ, что волости были раздѣлены на станы: напримѣръ, въ Переписной Каширской книгѣ 7154 года переписи Ѳедора Петровича Неѣлова, въ Соломенской волости значатся станы: Николь-

¹⁶⁶ Татищ., т. IV, стр. 78.

¹⁶⁷ Собр. гос. гр. и дог., т. I, № 21.

¹⁶⁸ А. А. Э., т. II, № 18.

скій, Архангельскій и Ильинскій.¹⁶⁹ По инымъ же свидѣтельствамъ волости поставлены въ одинаковомъ разрядѣ съ станами; такъ въ духовной грамотѣ Князя Юрья Дмитриевича 1434 года сказано: «звѣ благословляю сына своего Дмитрія меншого городомъ Галичемъ и съ станы городскими и совѣми волостыми».¹⁷⁰ Или въ Никоновской лѣтописи подь 1378 годомъ написано: «Онижь шедь взяша Трубчевскъ, и иныи многія станы и власти повоеваша»¹⁷¹ Изъ разныхъ актовъ видно, что иные уѣзды дѣлились только на волости, а другіе только на станы, иные же и на волости и на станы. Напримѣръ, по межевымъ Ярославскимъ книгамъ 157 года письма и мѣры Тимофея Исаевича Линева, Ярославскій уѣздъ составляли волости: Жары, Каель, Кокисера и Ухра, и ни одного стана. Напротивъ того Московскій уѣздъ по приправочнымъ и межевымъ книгамъ 7085 года дѣлился только на станы, которые были слѣдующіе: Васильцовъ, Кошелевъ, Почерневъ, Шеренской, Обѣзжей, Горетавъ, Сурожскій, Манытинъ, Бѣховъ, Воръ и Корзенева, Родонежъ и Бѣли.¹⁷² Старицкій же уѣздъ дѣлился на станы и волости; такъ въ мѣновой грамотѣ 1566 года значится: «А по книгамъ письма Князя Дмитрія Волконскаго лѣта 7027 къ городу Старицѣ станы Вяткинъ да Михновъ, да волости Бѣлгородская Мерско, Дмитроково рукавъ А къ Дмитрову по книгамъ письма Князя Ивана Андревича Звѣнигородскаго съ товарищи лѣта 7070 станы: Повельской, Вышегородской, Инобожской, Лутосенской, Раменской, Берендѣевской, да въ Юлкѣ Троецкой Бортной, да дворцовыя села».¹⁷³ Вообще можно замѣтить, что въ самыхъ древнихъ Московскихъ грамотахъ уѣзды дѣлились только на волости. Такъ въ Духовной грамотѣ Калиты говорится: «се далъ есмь сыну своему Семену. . . Коломну со всеми Коломенскими волостыми»; или въ Духовной его сына Юанна II писанной въ 1356 году стоитъ: «Князю Ивану Звѣнигородъ совѣми волостыми».¹⁷⁴

¹⁶⁹ Тоже свидѣствуетъ и Писцовая Тверская книга 1540 года, въ которой волость Хорвачъ раздѣлена на станы: Юрьевскій, Горецкой и Воскресенской. Арх. Вотч. Декар., № 18.

¹⁷⁰ Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 31.

¹⁷¹ Ник. лѣт., т. IV.

¹⁷² Ахр. Вотч. Декар., № 2.

¹⁷³ Собр. Гос. гр. и дог., т. I, № 187.

¹⁷⁴ Тамъ же, № 26.

Тоже въ Духовной Дмитрія Ивановича Донскаго ¹⁷⁵ и сына его Василья Дмитриевича; ¹⁷⁶ а также и у Василья Васильевича ¹⁷⁷ о станахъ нѣтъ нигдѣ и помину; но въ Духовной Ивана Васильевича III-го уже являются и станы; такъ онъ говоритъ въ ней: «А даю сыну Василью городъ Москву съ волостями и съ путями и зъ станы, и зъ селы, и зъ дворы городскими со всѣми, и зъ слободами». ¹⁷⁸ Такимъ образомъ рядъ духовныхъ грамотъ Великихъ Князей Московскихъ, отъ Ивана Даниловича Калиты до Ивана Васильевича III-го, служитъ прямымъ свидѣтельствомъ что уѣзды Московскихъ владѣній до Іоанна III дѣлились на волости; на станы же начали дѣлиться только при Іоаннѣ III-мъ, и кажется, станы именно замѣнили прежнія волости, ибо памятники ясно показываютъ, что прежнія волости при Іоаннѣ III получили названіе становъ, на примѣръ: въ Московскомъ уѣздѣ—Сурожикъ, Воръ, Корзенево, Радонежъ и Бѣлѣ, названныя въ Духовныхъ Калиты и Донскаго волостями, въ межевыхъ книгахъ 7085 и 86 годовъ уже называются станами; или въ Дмитровскомъ уѣздѣ, по Духовной Донскаго волости Вышегородъ, Берендѣева слобода, Лугосна, Инобомъ, по мѣнковой записи Царя Ивана Васильевича съ Княземъ Владиміромъ Андреевичемъ уже значатся станами, —Вышегородской, Инобошеской, Лугосенской, Раменской, Берендѣевской. ¹⁷⁹ Съ учрежденіемъ же становъ, волости заняли уже старое мѣсто, т. е., станы начали подраздѣляться на волости. На примѣръ, въ одномъ слѣдственномъ дѣлѣ 1613 года, сказано: «Обыскивати въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ въ Заозерскомъ стану, въ Тумбаской волости»..... Или тутъ же: «въ Бѣлозерскій станъ, въ Заозерскій станъ, въ Балосскую волость». Или въ судномъ дѣлѣ 1680 года: «а въ допросѣ сказанася Бѣлозерскаго уѣзду, Заозерскаго стану, волости Липина Борку, деревни Дорины». ¹⁸⁰ Впрочемъ таковой порядокъ не вдругъ былъ введенъ по всѣмъ вѣдомствамъ Московской администраціи, и прежнее дѣленіе на волости держалось еще долго, и въ разныхъ древнихъ памятникахъ Московской администраціи. Мы перѣдко встрѣчаемъ волости въ одномъ значеніи съ станами; на примѣръ, какъ мы уже

¹⁷⁶ Тамъ же, № 34.

¹⁷⁷ Тамъ же, № 42.

¹⁷⁸ Тамъ же, № 86.

¹⁷⁹ Соб. Г. Г. и Д. т. I. № 144.

¹⁸⁰ Тамъ же № 187.

¹⁸¹ Аг. Юрид. № 27 и 30.

видѣли, по межевымъ книгамъ 7157 года, въ Ярославскомъ уѣздѣ не было становъ, а одни только волости.—Жары, Каеть, Кокшера и Ухра; или въ переписной Каширской книгѣ 7154 года, помѣстные и вотчинныя земли раздѣлены на станы, а дворцовыя — на волости.

Волость или въ послѣдствіи станъ составляли отдѣльную часть уѣзда, и состояли изъ нѣсколькихъ селъ, слободъ, деревень, при-селковъ и починковъ, которые управлялись однимъ волостелемъ или становщикомъ; имѣли общую раскладку податей и повинностей; подлежали одному суду, такъ что въ случаѣ суда между двумя лицами, разныхъ волостей или становъ, волостели должны были судить съ общаго согласія другъ съ другомъ и дѣлиться доходами отъ суда пополамъ; даже въ случаѣ выдачи въ замужество дѣвицъ изъ одной волости въ другую, полагалась особая пошлина извѣстная подъ именемъ выводной куницы; при неотысканіи убійцы дикая вира раскладывалась на всю волость, гдѣ найденъ былъ убитый. Все это можно найти въ любой уставной грамотѣ, а поэтому я здѣсь не дѣлаю ссылокъ. При описаніи волостей, разные земли въ нихъ находящіяся слѣдовали въ такомъ порядкѣ: во 1-хъ, описывались земли помѣстные по именамъ помѣщиковъ; во 2-хъ, порожнія помѣстные земли, по именамъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ; въ 3-хъ, земли вотчинныя, по именамъ вотчинниковъ; въ 4-хъ, земли владычни или архіерейскія; въ 5-хъ, монастырскія или церковныя; въ 6-хъ, дворцовыя, и въ 7-хъ, черныя и оброчныя; причемъ для каждаго разряда земель составлялся особый итогъ, съ обозначеніемъ сколько пашенной и сѣнокосной земли и сколько дѣсныхъ и другихъ угодій, и сколько влустѣ, и въ живущемъ. Таковой порядокъ строго наблюдался во всѣхъ писцовыхъ, переписныхъ и дорожныхъ книгахъ.

Пятинны, присуды, губы и погосты были собственно Новгородскія, а не Московскія административныя дѣленія земель. Пятина составляла пятую часть Новгородскихъ владѣній, въ каждой пятинѣ было по нѣскольку уѣздовъ, называвшихся въ Новгородѣ присудами, а въ каждомъ присудѣ было по нѣскольку погостовъ и волостей. Новгородскія пятинны имѣли слѣдующія названія: *Дереаская, Обонежская, Шелонская, Воцкая и Бьюжецкая*. Каждая пятинна дѣлилась на двѣ половины, погостовъ въ каждой пятинѣ и ея половинахъ было неодинакое число; такъ, на примѣръ, въ Обонежской пятинѣ, въ Заонежской половинѣ, было 42 погоста, а въ нагорной

половинѣ 36 погостовъ; въ Бѣжецкой же пятинѣ, въ Тверской по-
ловинѣ, 51 погостъ.¹⁸¹

Присудомъ въ Новгородскихъ владѣніяхъ назывался уѣздъ, т.-е. тоже, что и въ Московскихъ земляхъ, цѣлая страна, которая судомъ тянется къ известному городу: въ каждомъ присудѣ былъ главный городъ и къ нему нѣсколько погостовъ или волостей. Объ этомъ ясно говорится въ писцовой Новгородской книгѣ 7090 года: вотъ подлинныя ея слова: «Да въ Вотцкой же пятинѣ Ноугородцкаго, Ореховскаго и Ладожскаго уѣзда, писцы недописали для войны нѣмецкихъ людей тринадцать погостовъ, какъ стояли подъ Орешкомъ и подъ Ладогою нѣмецкіе люди: въ Ноугородцкомъ присудѣ погосты Ильинской и Тугоцкой; въ Ореховскомъ присудѣ погосты: Спаской, Городенской, Воздвиженскій, Корбоселской, Ивановской, Куйвошской, Ильинской, Келтушской, Егорьевской, Лоиской, Веденской, Дудоровской, Никольской, Ижорской и Ярвасельской; въ Ладожскомъ присудѣ погосты Пречистенской, Городенской, Оедоровской, Песоцкой, Егорьевской, Теребуженской и Малая Лоцца.¹⁸²

Губа и погостъ значили, что волость или станъ въ Московскихъ владѣніяхъ, т.-е. часть уѣзда; погосты преимущественно встрѣчаются въ Актахъ Новгородскихъ, а губы—въ Псковскихъ. Вотъ свидетельства о такомъ значеніи губъ. Въ грамотѣ 1005 года сказано: «Пожаловалъ есмь Бориса Захарыча Бороздина, въ Новоторжскомъ уѣздѣ, въ Жилинской губѣ, селомъ Гавшинымъ съ деревнями»¹⁸³; или въ грамотѣ 1623 года: «Въ Завелицкой засадѣ, въ Каменской губѣ, деревня Замогилье, въ Тецкой губѣ, деревня Выжлище; въ Изборскомъ уѣздѣ деревни Сенеккой, деревня Овѣевская; въ Гдовскомъ уѣздѣ, въ Чернской губѣ, деревня Калихновщина».¹⁸⁴ Погосты иногда дѣлились на волости, по это, кажется, было уже чисто Московское нововведеніе, ибо волости, встрѣчающіяся въ Новгородскихъ погостахъ, преимущественно состояли изъ земель, принадлежащихъ Московскимъ князьямъ или дворцовыхъ, напримѣръ, въ писцовой Новгородской книгѣ, Вотцкой пятины, сказано: «Государевы, Царевы и Великаго

¹⁸¹ Арх. Вотч. Дел. №№ 665 и 666.

¹⁸² Вотч. Дел. Арх. № 659.

¹⁸³ А. А. Э. т. 1, № 141.

¹⁸⁴ Тамъ же т. III, № 133.

Князя дворцовыя села и деревни и пустоши. Въ Хрепельскомъ погостѣ волость Хрепель; въ Никольскомъ, Бутковскомъ погостѣ, волость Бѣльская и волость Васильевская.¹⁸⁵ Погосты встрѣчаются не въ однихъ Новгородскихъ административныхъ памятникахъ, но тамъ они означаютъ тоже что и села, и не принадлежатъ къ чисто-административному дѣленію уѣздовъ. Напримѣръ, въ переписной Каширской книгѣ 7154 года, сказано: «Да въ Ростовскомъ же стану погосты, на которыхъ погостѣхъ стоитъ бобыльскіе дворы: погостъ Нечасевскій, а на погостѣ церковь Покровъ Пресвятыя Богородицы, да бобыльскихъ дворовъ два» и проч.¹⁸⁶

Въ Новгородскихъ административныхъ актахъ встрѣчаются *рядки* или *ряды*. Такъ назывались поселенія, имѣющія городское устройство, но не имѣвшія уѣзда и приписанныя судомъ и данью къ городамъ. Они въ административномъ значеніи имѣли одинаковое значеніе съ селами. Такъ объ этомъ свидѣтельствуетъ писцовая Новгородская книга 7091 года, въ ней, при составленіи итога Бѣжецкой пятины, сказано: «И всего въ половинѣ въ Бѣжецкой пятинѣ помѣстныхъ, и вотчинныхъ, и монастырскихъ въ живущемъ, опричь Государевой Дворцовой волости 28 сель, да 17 селець, да рядокъ, да 425 деревень съ полудеревнею, на 21 починокъ».¹⁸⁷ Здѣсь говорится о Вышневолоцкомъ рядкѣ, который въ писцовой книгѣ описанъ такъ. «Вышневолоцкій рядокъ на рѣкѣ на Лытнѣ, въ Никольскомъ погостѣ церковь Никола Чюдотворецъ, деревяная, а въ церкви все церковное строеніе рядовичь посадскихъ людей. Пашни церковныя, межъ посадскіе пашни, по полосамъ въ разныхъ мѣстахъ, въ полѣ по 7 чети, а въ дву потомужъ. Да на Никольской же землѣ лавки по берегу, по рѣкѣ по Лытнѣ (лав.) Тимошки Проскурицына, (лав.) Ивакии Горбатаго и проч... На Вышнемъ же Волочкѣ поконецъ по саду онбаръ Ямчужный, да у онбара дворъ Ямчужнаго мастера. На Вышнемъ же Волочкѣ дворы таслыхъ рядовичь посадскихъ людей. Отъ зеленога онбару на Новгородской сторонѣ, по рѣкѣ, по Лытнѣ, по берегу: (Дв.) Ованья Степанова, да съ нимъ же во дворъ Меншикъ Александровъ, по берегу поперекъ пол-семи сажени, а вдиину по улицѣ 8 сажени, подлѣ его двора огородъ вдиину 12 сажень, а поперекъ 6

¹⁸⁵ Арх. Вост. Деп. № 659.

¹⁸⁶ Арх. Вост. Деп. № 323.

¹⁸⁷ Тамъ же № 665.

сажень, оброку 4 алтыны (Дв.) Иванко Степановъ сапожникъ по берегу поперекъ полулицъ пол-шесты сажени, а вдливу 11 сажень и проч. (такимъ образомъ описано 45 дворовъ). Пашни ридовскіе посадскіе, въ разныхъ полосахъ 24 чети, да перелогомъ и льсомъ поросло 40 чети въ полѣ, а въ дву потомужь, сѣна 1156 коненъ; а обжа въ живущемъ двѣ, а въ пустѣ четыре; а оброку по 5 алтынъ по двѣ денги съ двора опрять пошлинъ».

Раздѣленіе земель для раскладки податей и повинностей.

Всѣ земли Московскаго Государства городскія и не городскія приведенныя въ извѣстность, т.-е. описанныя и измѣренныя, при описаніи ихъ для сбора податей и раскладки повинностей и службъ, раздѣлялись во 1-хъ, на *сохи и чети*; во 2-хъ, на *выти и обжа*, и въ 3-хъ, *кости*.

Сохою называлась въ административномъ языкѣ Московскаго Государства самая большая условная единица земли, признаваемая главною мѣрою при раскладкѣ податей и повинностей. Учрежденіе этой мѣры относится къ первымъ вѣкамъ Московскаго великаго княженія: въ первый разъ она упоминается въ жалованной грамотѣ Троицкому Сергіеву монастырю данной В. К. Дмитріемъ Ивановичемъ Донскимъ, гдѣ сказано: «Ино ненадобѣ дань ни посоха некоторая пошлина». ¹⁸⁸ По здѣсь *о посохъ*, т.-е. *службъ съ сохи*, говорится не какъ о пововеденіи, но какъ о пошлинѣ, т.-е. что уже шло издавна. Чисто ли это было Московское учрежденіе мы не знаемъ навѣрное: впрочемъ можно почти безошибочно предполагать, что если были гдѣ введены сохи внѣ Московскихъ владѣній, то сохи сии отноудь не походили на Московскія; ибо въ никонской лѣтописи ясно говорится, что В. К. Іоаннъ III по завоеваніи Твери велѣлъ измѣрить тамошнія земли по *Московски со* *сохи*, слѣдовательно Московская соха имѣла свою мѣру не одинаковую съ мѣрами другихъ княженій, которыя хотя бы и назывались сохами: это удовлетворительно доказываетъ отношеніе Новгородскихъ сохъ къ Московскимъ, которыя относились одиѣ къ другимъ въ пропорціи 10: 1 ¹⁸⁹ даже при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ.

¹⁸⁸ А. Ар. Ф. Т. I, № 7.

¹⁸⁹ Писц. Новгород. книга 7090 года Ар. Вот. Деп. № 658. «И всего въ костькомъ погостѣ въ живущемъ 9 обжа съ полу-обжею, а впустѣ 117 обжа; а

Соха, какъ чисто финансовая мѣра, означала только общую единицу платежную для сбора податей и раскладки повинностей, а по всему Государству по сему не могла быть постоянна одинакою геометрическою мѣрою земли: но измѣнялась по соображенію правительства со временемъ или государственными нуждами, съ мѣстностію, т.-е. съ отношеніемъ земли къ народнымъ промысламъ, съ качествомъ земли и наконецъ съ отношеніями поземельнаго владѣнія къ Государству. Всѣ сии разностороннія отношенія такъ разнообразили нашу древнюю сошную мѣру, что на первый разъ изслѣдователь, просматривая древніе памятники Московской администраціи, отчаивается составить стройное цѣлое изъ разнорѣчивыхъ показаній объ этомъ запутанномъ предметѣ. И точно не привявши въ соображеніе помянутыхъ выше отношеній нельзя уяснить и привести въ порядокъ сбивчивыя и разнорѣчивыя понятія о древней сошной мѣрѣ въ Московскомъ Государствѣ. А по сему для большей определенности и ясности предмета я нахожу нужнымъ фактически уяснить измѣненіе сошной мѣры по каждому отношенію порознь. 1-е. Соха измѣнялась смотря по времени или соображаясь съ нуждами Государства. Вотъ на это факты. Въ Новгородской данной В. Князю Василью Васильевичу на черный боръ по Новгородскимъ волостямъ, писанной около 1437 года сказано: «Въ соху два коня да третья припряжь, да тианъ коженнической за соху, неволь за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пещцы за соху, лодья за двѣ сохи; прѣнь за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовьи на томъ взяти за пол-сохи».¹⁹⁰ Здѣсь Московскій Великій Князь, договариваясь съ Новгородцами въ сборѣ податей, по взаимному условію опредѣляетъ мѣру сохи. Очевидно, что еслибы соха имѣла постоянную определенную мѣру, то не за чѣмъ бы было опредѣлять ее въ договорной грамотѣ, ибо Московскіе администраторы въ это время не въ первый разъ встрѣчались съ Новгородцами, и слѣдовательно хорошо должны были знать Новгородскія сохи, и не имѣлибы нужды условливаться объ ихъ мѣрѣ. Далѣе по завоеваніи Новгорода В. К. Иваномъ Васильевичемъ III мы видимъ неоднократную переѣмъ въ измѣреніи

сошного письма въ живущемъ 3 сошки съ полу-третью сошки, а внутрѣ 39 сошекъ; а Московскихъ сохъ въ живущемъ треть сохи безъ полутрети сошки; а внутрѣ 4 сохи безъ получети сохи и четь сошки.»

¹⁹⁰ А. А. Э. Т. I, № 32.

Новгородскихъ сохъ. Такъ въ писцовой Новгородской книгѣ 1500 года въ соху помѣстной земли было положено 21 обжа, а въ обжу три коробьи или шесть четвертей, слѣдовательно въ соху 126 четвертей; въ этой же книгѣ на соху монастырской земли приходилось три обжи, или 18 четвертей.¹⁹¹ А въ писцовой Новгородской книгѣ 1539 года на соху положено три обжи, а на обжу четыре коробьи или 8 четвертей, слѣдовательно на соху 24 четверти.¹⁹² Эта же мѣра оставалась и по писцовой книгѣ 1545 года;¹⁹³ но въ писцовыхъ книгахъ 1582 и 1583 годовъ въ Новгородскую соху положено уже 30 четвертей или три обжи по десяти четвертей въ каждой.¹⁹⁴ Притомъ самыя выраженія употребляемыя писцовыми книгами при опредѣленіи мѣры сохи, ясно указываютъ, что это опредѣленіе не было одинаковымъ и постояннымъ, но измѣнялось по соображенію администраторовъ; такъ въ писцовой книгѣ Оболенской пятины 1583 года сказано: «А по приговору бояръ Князя Ѳедора Михайловича Трубецкаго съ товарищи, да думныхъ дворянъ и дьяковъ Андрея Щелкалова да Аѳонася Демьянова съ товарищи, писали пашни на обжу по 10 чети;¹⁹⁵ слѣдовательно можно было писать и больше и меньше, какъ приговаряютъ бояре. И это непостоянство въ измѣреніи сохъ, смотря по времени, является не въ однихъ Новгородскихъ земляхъ, но и въ другихъ владѣніяхъ Московскаго Государства; такъ въ раздаточной Тверской книгѣ 1580 года въ Дворцовыхъ волостяхъ на соху доброй земли было положено 800 четвертей;¹⁹⁶ а въ книгѣ сошного письма хранящейся въ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ, и относящейся къ первой половинѣ XVI вѣка, въ дворцовыхъ волостяхъ въ соху доброй земли положено 1300 четвертей;¹⁹⁷ или въ этой же книгѣ, въ черныхъ волостяхъ на соху доброй земли полагается 600 чети; а въ писцовой книгѣ по городу Твери 1588, четыреста чети;¹⁹⁸ въ рѣ-

¹⁹¹ Арх. Мин. Иностр. дѣлъ № 4.

¹⁹² Тамъ же № 5.

¹⁹³ Тамъ же № 6.

¹⁹⁴ Арх. Вотч. Деп. №№ 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669.

¹⁹⁵ Тамъ же № 666.

¹⁹⁶ Тамъ же № 16, 056.

¹⁹⁷ № 1043.

¹⁹⁸ Арх. Вотч. Депар. № 1.

ныхъ волостяхъ на соху доброй земли принимается пятьсотъ четвертей. На неодинаковость мѣры сохъ по времени прямо указываетъ одна царская грамота Тверскому намѣстнику, писанная въ 1589 году, гдѣ сказано: «а та вотчина Воскресенская написана въ сошномъ писемѣ *тяжело* сто семдесятъ четыре чети; а до писца до Ондрея Клубукова платили онѣ съ тое свое отчины всякіе наши подати съ двунадцати чети, и отъ того Ондреика письма и отъ всякихъ проѣзжихъ людей, и достальные крестьянники разбрелися розно и стало пусто.»¹⁹⁹ Всѣ сіи факты прямо свидѣтельствуютъ, что Московское правительство увеличивало и уменьшало мѣру сохъ, соображаясь съ нуждами Государства, оно не измѣняло номинальнаго количества податей, опредѣленнаго для податной единицы или сохи, но увеличивало ихъ или уменьшало увеличеніемъ или уменьшеніемъ числа самыхъ единицъ при помощи сокращенія или расширенія сохъ въ ихъ объемѣ. Московскіе Государи не безосновательно считали эту мѣру настолько рѣзкою и ощутительною для народа какъ номинальное увеличеніе или уменьшеніе самыхъ податей, ибо ее прикрывали частые переходы крестьянъ не прикреплённыхъ къ землѣ.

2-е. Соха имѣла не одинаковую мѣру смотря по мѣстности или по отношенію земли къ народнымъ промысламъ. Въ краяхъ болѣе земледѣльческихъ, гдѣ доходы жителей преимущественно получались съ земли, гдѣ земледѣльство составляло главный промыселъ жителей, Московское правительство расширало объемъ сохъ, тогда какъ въ то же время сокращало его въ странахъ ремесленныхъ или торговыхъ, гдѣ промыслы были въ меньшей зависимости отъ пространства земли, и даже иногда въ такомъ случаѣ не полагало никакаго различія между сохами доброй, средней и худой земли. Такъ, напримѣръ, въ однихъ и тѣхъ же годахъ Московская соха въ Тверскомъ уѣздѣ полагалась для доброй земли въ 800 четвертей, для средней въ 1000 четвертей, и для худой въ 1200 четвертей;²⁰⁰ тогда какъ въ Новгородской области безъ всякаго отношенія къ качеству она полагалась въ 300 четвертей для всѣхъ земель.²⁰¹ Въ иныхъ мѣстахъ для опредѣленія сохъ даже вовсе не обращалось вниманія на четвертную нашу, и соха опредѣлялась

¹⁹⁹ А. А. Э. Т. I, 343.

²⁰⁰ Арх. Вотч. Деп. № 16, 056.

²⁰¹ Тамъ же № 659.

дворами; такъ въ грамотѣ 1646 года сказано: «Чердынскій уѣздъ расписать по писцовымъ книгамъ въ выти и въ сошное письмо противъ указу дворами, по 392 двора въ соху, а не противъ четвертные пашни.» И вообще въ городахъ, посадахъ, слободахъ и рядкахъ, такъ какъ собственно ремесленныхъ, а не земледѣльческихъ поселеніяхъ четвертная пашня вовсе не принималась въ расчетъ при росписаніи сохъ, и всё размыты производились по дворамъ и промысламъ.

3-е. Сохи соразмѣрялись съ качествомъ земли. Въ этомъ отношеніи земли обыкновенно дѣлились на добрыя, среднія и худыя; здѣсь достоинство земли оцѣнивалось получаемыми съ нея доходами, и неравенство доходовъ необходимо должно было произвести неравенство платежныхъ единицъ относительно ихъ объема. Московское правительство, желая соблюсти сколько можно болѣе единства въ сборѣ податей и въ то же время уравнять плательщиковъ, необходимо должно было прибѣгнуть къ системѣ удобренія земель неравныхъ по своему качеству, и для этого положило для себя правиломъ дѣлать падачу на сохи въ среднихъ земляхъ на четвертую долю противъ добрыхъ, а въ худыхъ на цѣлую половину; а посему если въ соху доброй земли полагалось 800 четвертей, то въ средней тысяча, а въ худой тысяча 1200 четвертей; или ежели въ соху доброй земли полагалось 600 четвертей, то средней 750, а худой 900 четвертей; впрочемъ это правило не вездѣ наблюдалось въ одинаковой мѣрѣ; напримѣръ по свидѣтельству рукописи о сошномъ письмѣ, хранящейся въ библіотекѣ А. Д. Черткова, а также и въ книгѣ сошной мѣры, принадлежащей Архиву Иностранныхъ Дѣлъ, для удобренія средней земли противъ доброй назначалась шестая доля, а для худой третья, т.-е. на 600 четв. доброй земли полагалось средней земли 700 четвертей, а худой восемьсотъ.

4-е. Соха соразмѣрялась съ отношеніями поземельнаго владѣнія къ Государству. Уставная Бѣлозерская грамота 1488 года говорить: «на Рождество Христово намѣстникомъ нашимъ дадутъ кормъ со всѣхъ сохъ, со княжихъ, и съ боярскихъ, и съ монастырскихъ, и съ черныхъ, и съ грамотчиковъ и со всѣхъ безоубны съ сохи за полоть мяса два алтына, за десятеро хлѣбовъ

десять денегъ, за бочку овса десять денегъ, за возъ сѣна два алтына». ²⁰¹ Эта грамота, равно какъ и многія другія прямо показываютъ, что Московское правительство постоянно держалось одного правила, чтобы не разнообразить сборной податной единицы; по этому правилу все землевладельцы Московскаго Государства номинально должны были платить одинакую подать, не смотря ни на какое различіе правъ, сопряженное съ тѣмъ или другимъ владѣніемъ; такъ какъ видимъ въ грамотѣ и княжескія и боярскія и монастырскія и черныя и грамотничьи сохи должны были давать намѣстникамъ поровну по два алтына за полоть и проч. и таковое равенство сбора встрѣчается не только въ намѣстничьихъ доходахъ, но и во всехъ податяхъ и службахъ. А посему, чтобы не уничтожить правъ принадлежащихъ тому или другому поземельному владѣнію, и въ то же время не измѣнить правилу однородія въ сборѣ податей и раскладкѣ повинностей, Московское правительство необходимо должно было прибѣгнуть ко введенію различной мѣры платежныхъ единицъ, т.-е. для каждаго разряда поземельныхъ владѣній назначить особый объемъ сохи; такъ чтобы все землевладельцы, номинально платя одинаковую подать, на самомъ дѣлѣ платили ее одни противъ другихъ больше или меньше, смотря по правамъ предоставленнымъ тому или другому владѣнію. Поземельныхъ владѣній, какъ мы уже видѣли, было пять разрядовъ: земли черныя, вотчинныя, монастырскія, дворцовыя и помѣстныя, почти столько же разрядовъ мы находимъ и въ измѣреніи сохъ: сохи черныя, сохи монастырскія, сохи помѣстныя и вотчинныя, сохи дворцовыя и сохи тарханныя или грамотничьи. Первое мѣсто по тяжести податей и службъ занимали черныя земли, какъ непосредственная собственность общины и потомъ Государства; а посему и черныя сохи были мелче всехъ другихъ сохъ, ихъ максимумъ было 600, а минимумъ 400 четвертей для доброй земли. Второе мѣсто по мелкости сохъ занимаютъ монастырскія и владычныя земли, не превышавшія въ своей мѣрѣ 600 четвертей для доброй земли; слѣдовательно и по тяжести податей онѣ были ближайшими къ чернымъ землямъ; а посему неудивительно, что правительство въ древности до самаго Царя Ивана Васильевича IV нисколько не вмѣшивалось въ переходы земель изъ вотчиннаго владѣнія въ монастырское или епископское. Государство

здѣсь не терило, а приобретало, потому что съ монастырскихъ сохъ, какъ ближайшихъ по мѣрѣ земли къ чернымъ сохамъ, въ казну поступало болѣе доходовъ нежели съ вотчинныхъ земель. Да и самъ Иванъ Васильевичъ IV, нѣсколько сократившій переходъ земель изъ вотчинныхъ владѣній въ монастырскія, причиною такого сокращенія выставилъ только пользу службы; въ его дополнительной статьѣ къ Судебнику, изданной въ 1572 году, прямо сказано: «чтобъ въ службѣ убытка не было, и земли изъ службы не выходила».²⁰⁵⁾ Здѣсь, какъ мы видимъ, нѣтъ и помину объ убыли въ податяхъ отъ распространенія монастырскихъ владѣній, о чемъ бы, конечно, не упустили упомянуть законодатель, ежели бы казна скольконибудь терпѣла отъ передачи вотчинныхъ земель монастырямъ; объ уважкѣ же службы отъ растраты вотчинныхъ земель мы имѣемъ ясное свидѣтельство, относящееся почти къ этому же времени; въ 1550 году Царь нашелся въ необходимости раздать служилымъ людямъ 118,000 четвертей земли въ одинъ разъ.²⁰⁶⁾ Слѣдовательно, служба въ это время имѣла большую нужду въ земляхъ; а посему, чтобы не прибѣгать къ новой большой раздачѣ земель служилымъ людямъ, естественно было ограничить растрату вотчинъ, уже состоящихъ во владѣннн служилаго класса людей. Эта мѣра для Царя Ивана Васильевича тѣмъ была необходимѣе, что при переходѣ вотчинныхъ земель въ монастырскія онъ по тогдашнему своему положенію терпѣлъ двойную потерю: съ одной стороны ему приходилось вознаграждать потерю вотчинныхъ земель своими собственными, ибо помѣстья преимущественно назначались изъ дворцовыхъ земель, а съ другой стороны—переходомъ вотчинныхъ земель въ монастырскія усиливалась земщина, которую ему хотѣлось стѣснить. Здѣсь нельзя оставить безъ замѣчанія, что мѣра монастырскихъ и владычныхъ сохъ,—ближайшая къ мѣрѣ сохъ черныхъ, была стариннымъ учрежденіемъ въ Московскомъ государствѣ, ибо еще въ писцовой книгѣ 1506 года было уже различіе между помѣстными и монастырскими сохами; тогда на соху помѣстной земли, въ Повгородскомъ краѣ, полагалось 126 четвертей земли, а на соху монастырской земли только 18 четвертей.²⁰⁷⁾

Значительнѣйшею льготною передѣ черными и монастырскими

²⁰⁵⁾ Арх. Ист. т. 1 № 154.

²⁰⁶⁾ А. А. т. 1 № 225.

²⁰⁷⁾ Арх. Иностр. Дѣль. № 4.

землями пользовались земли вотчинныя и помѣстныя. Ихъ сохи на цѣлую треть были крупнѣе высшей мѣры черныхъ и монастырскихъ земель, ихъ минимумъ равнялся 800 четвертей доброй земли на соху, а средней земли 1000 четвертямъ, худой же 120¹ четвертей земли: причиною столь значительной привилегіи очевидно была служба вотчинниковъ и помѣщиковъ, которую они должны были нести съ своихъ земель. Кроме того, относительно вотчинныхъ владѣній нельзя упускать изъ виду и того, что они составляли частную собственность своихъ владѣльцовъ, и принадлежали Государству только по территоріи. То же, нѣкоторымъ образомъ, можно отнести и къ помѣстнымъ владѣніямъ, ибо они, образовавшись изъ дворцовыхъ земель, въ сущности своей, составляли собственность Государя, а не Государства.

Самый льготный классъ земель составляли подклетныя или дворцовыя земли. По свидѣтельству книги о мѣрѣ сошнаго и четвертнаго письма, принадлежащей Архиву Иностранныхъ Дѣлъ, на соху доброй земли въ дворцовыхъ владѣніяхъ полагалось 1300 четвертей.²⁰⁸ Слѣдовательно, дворцовыя земли платили болѣе нежели вдвое податей менѣе черныхъ земель; причина таковой льготы при сборѣ государственныхъ податей заключалась въ сильныхъ поборахъ съ сихъ сохъ въ пользу Государя непосредственно, чему мы уже видѣли ясное доказательство въ Тверской платежной книгѣ 1588 года, приведенной выше.

О тарханскихъ или грамотничьихъ сохахъ мы не можемъ сказать ничего опредѣлительнаго, ибо здѣсь не было общей мѣры, и все зависѣло отъ грамоты, данной частному владѣльцу. Сохи увеличивались и уменьшались рѣшительно отъ произвола Государя, который могъ или освобождать отъ извѣстныхъ податей, или растягивать сохы, чтобы платежъ былъ болѣе или менѣе легокъ для владѣльца, имѣющаго грамоту. Такъ, на примѣръ, льготною грамотою 1548 года вотчины и помѣстья пугача ключника Дурова на четыре года были освобождены отъ всѣхъ податей и повинностей;²⁰⁹ или въ царской грамотѣ въ Соль-Вычегодскую 1589 года велѣно вотчины Коряжемскаго монастыря отписать въ особыя сохи отъ посадскихъ и волостныхъ земель: «въ прошломъ 96 году послана къ тебѣ наша грамота, а велѣно тебѣ по той нашей грамотѣ ихъ мо-

²⁰⁸ № 1043.

²⁰⁹ А. А. Э. т. 1 № 218.

настырскую вотчину отъ посадскихъ людей и Окологородныя и Пачеозерскія волости отъ крестьянъ деревни и починки отписать о прочь». ²¹⁰.

Относительно посадскихъ, слободскихъ и рядскихъ земель сохи измѣрялись не четвертями, а дворами. Здѣсь такъ же какъ и въ волостныхъ или уѣздныхъ земляхъ не было одинаковой и постоянной мѣры; такъ, напримѣръ, по свидѣтельству царской грамоты 1589 года, въ Соли Вычегодской, на посадѣ, положено было по 62 двора и полтрети двора въ соху ²¹¹; а по грамотѣ 1646 года, на Чердыни кладено въ соху по 392 двора ²¹²; или по Крастининской таблицѣ сошнаго письма, на соху лучшихъ торговыхъ людей полагалось по 40 дворовъ, среднихъ людей по 80 дворовъ, молодшихъ по 160 дворовъ, слободскихъ по 320 дворовъ, бобыльскихъ по 960 дворовъ. По сошной же выписи 1574 года, въ Муромѣ на посадѣ въ соху было положено по 147 дворовъ молодшихъ людей ²¹³). При раскладкѣ въ сошное письмо посадскихъ, слободскихъ и рядскихъ земель, принимались различныя отношенія, но очевидно, неодинаковыя съ отношеніями волостныхъ или уѣздныхъ земель, ибо по самому свойству сихъ земель къ нимъ нельзя было приложить нѣкоторыхъ отношеній, которыя прилагались къ уѣзднымъ землямъ; и во 1-хъ, здѣсь нужно было принимать въ расчетъ качество земли, ибо доходы городской поземельной собственности условливались не плодородіемъ или бесплодіемъ земли; во 2-хъ, здѣсь также не имѣло мѣста отношеніе земли къ промышленности жителей, ибо во всѣхъ городскихъ земляхъ промышленность всего менѣе связана съ землею; и въ 3-хъ, наконецъ, отношенія поземельнаго владѣнія къ Государству въ городскихъ земляхъ не имѣло никакого значенія, ибо въ раскладку или только черныя, или тяглыя городскія земли; всѣ же другіе виды поземельной собственности, извѣстные въ городахъ подъ именемъ бѣлыхъ или петяглыхъ земель, не причислялись къ городскимъ сохамъ, и не шли въ мірской разрубъ. Этому свидѣтельствомъ служатъ всѣ дошедшія до насъ древнія писцовыя и переписныя книги и сошныя выписи. Итакъ, изъ отношеній, принимавшихся въ расчетъ, при раскладкѣ въ сохи

²¹⁰ А. А. Э. т. I № 343.

²¹¹ Тамъ же.

²¹² А. А. Э. т. IV № 6.

²¹³ Ак. Юрид. № 229.

волостныхъ или уѣздныхъ земель, въ посадскихъ или слободскихъ земляхъ шло только отношеніе ко времени или нуждамъ Государства, что и свидѣтельствуесть приведенная выше царская грамота 1589 года, гдѣ прямо сказано: «А у Соли на посадь, по вашему письму, живущихъ черныхъ 334 двора, а людей въ нихъ тожь; а сошного письма пять сохъ съ третью и съ пол-пол-пол-третью сохъ, а кладено въ соху по шестидесяти по два двора и пол-пол-трети двора». Здѣсь изъ словъ: *а кладено въ соху по шестидесяти по два двора и пол-пол-трети двора*; непосредственно вытекаетъ заключеніе, что можно было класть въ соху и больше и меньше дворовъ, и что число ихъ рѣшительно зависѣло отъ соображеній правительства, и не было опредѣленнымъ и одинаковымъ. Кромѣ отношенія къ нуждамъ правительства, при раскладкѣ городскихъ поземельныхъ владѣній въ сохи, принималось въ расчетъ различіе капиталовъ, что при раскладкѣ волостныхъ земель было опущено изъ виду; по этому различію городскія поземельныя владѣнія дѣлились на сохи лучшихъ торговыхъ людей, коихъ въ соху полагалось по 40 дворовъ; на сохи среднихъ людей, которыхъ число дворовъ увеличивалось вдвое противъ первыхъ; на сохи молодыхъ людей, коихъ число было вчетверо больше противъ лучшихъ людей; и на сохи бобыльскія, коихъ 24 двора равнялись одному двору лучшихъ людей. При такомъ порядкѣ, хотя податная единица была одинакова для всѣхъ сохъ, но далеко не одинаково лежала на плательщикахъ, ибо доля подати, лежавшая на одномъ лучшемъ дворѣ, раздѣлялась между 24 дворами бобыльскими. Столь рѣзкое различіе между уѣздными сохами и городскими имѣло основаніемъ своимъ различіе капиталовъ, доставлявшихъ доходы: въ уѣздахъ основнымъ капиталомъ была земля, въ городахъ же промыселъ; земля, по сущности своей, не могла допускать сильнаго различія въ цѣнности; и потому уѣздныя сохи, въ отношеніи къ качеству земли, не могли увеличиваться или уменьшаться больше какъ на половину; промыселъ же, какъ плодъ и поприще способностей человѣка, разнообразился въ огромныхъ размѣрахъ; ибо и гость, торговавшій съ Ганзою и Константинополемъ и Персією, былъ также промышленникъ, какъ и бобыль, выносившій на рынокъ лапти, ситетенныя иль накуниѣ. Это-то столь сильное различіе между городскими промыслами, не допускаемое въ земледѣліи, было причиною что городскіе жители постоянно старались отстранять сельчанъ и деревенщиковъ отъ участія въ городскихъ промыслахъ; подати номинально были болѣе или менѣе одинаковы

для всѣхъ податныхъ классовъ, но раскладка въ сохи представляла огромную разницу, отъ которой и городскимъ жителямъ приходилось терять большіе убытки въ случаѣ допущенія къ ихъ промысламъ не горожанъ; къ тому же правительство у негорожанина имѣло въ виду одинъ только капиталъ, — землю, а посему у сего послѣдняго всякій промыселъ, сверхъ земледѣлія, не шелъ въ окладъ, и слѣдовательно, для него было много выгоды нежели для горожанина,

Показавши различныя виды сохъ, теперь слѣдуетъ перечислить дробы, на которыя дѣлились сохи. Дробы сіи были утверждены самимъ правительствомъ и постоянно оставались неизмѣнными; здѣсь основаніемъ служило дѣленіе сохи на два и на три; и поэтому было два разряда дробей, половинныя и третныя: къ первымъ принадлежали полсохи $\frac{1}{2}$, четь сохи $\frac{1}{4}$, пол-чети $\frac{1}{3}$, пол-пол-чети $\frac{1}{10}$, пол-пол-пол-чети $\frac{1}{32}$; ко вторымъ треть сохи $\frac{1}{3}$, пол-трети $\frac{1}{6}$, пол-пол-трети $\frac{1}{12}$ и пол-пол-пол-трети $\frac{1}{24}$. Это опредѣленіе дробей правительствомъ было необходимо, потому что частныя поземельныя владѣнія не всегда составляли полныя сохи; а посему при раскладкѣ податей и службъ необходимо было знать какая доля податной единицы падаетъ на дробь платежной единицы; безъ опредѣленія же самыхъ дробей въ расчетъ нельзя было избѣгать запутанностей и произвола сборщиковъ, и опсечиковъ; что все устранялось введеніемъ постоянныхъ и неизмѣнныхъ правилъ дробленія.

Общая условная единица мѣры сохъ была четь или четверть. Вѣроятно для принятія таковой общей мѣры основаніемъ служило прямое значеніе сохи, которое первоначально могло быть отнесено къ однимъ пахотнымъ землямъ, и только уже въ послѣдствіи получило переносное значеніе мѣры поземельнаго капитала и даже промысловъ, да и тутъ въ соху или въ негородскихъ владѣніяхъ одні только пахотныя земли, сѣнокосы же, лѣса и другія уголья принимались только не болѣе какъ придача къ пахотнымъ землямъ и имѣли свою мѣру: сѣнокосы въ кошны, а лѣса въ версты и десятины; а посему всего естественнѣе было измѣрять негородскія сохи мѣрою посѣва, т. е. четвертями, или пространствомъ земли засѣваемымъ четвертью хлѣба, пространство сіе по обще принятому правилу въ администраціи Московскаго государства равнялось половинѣ десятины, о чемъ ясно сказано въ книгѣ сошнаго письма, принадлежащей Императорскому Обществу Исторіи и Древно-

стей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ: на десятину земли ржи сѣется двѣ чети. А что здѣсь говорится именно о тѣхъ четахъ, на которыя дѣлилась соха, тому доказательствомъ служатъ многія мѣста писцовыхъ книгъ, гдѣ прямо писано, что сохи измѣрялись по сѣвомъ. Такъ въ писцовой книгѣ Деревской пятины 1583 года сказано: «И всего въ 11 деревняхъ Духова монастыря пашни живущіе $19\frac{1}{2}$ обжа, ржи сѣютъ 195 чети, а въ пустѣ $78\frac{1}{2}$ обжа, а четвертныя пашни впустѣ 785 чети.» Или тамъ же: «(Дер.) Погорѣлое стоитъ на двое (в) Меньшичъко Григорьевъ, (в) Ильйка Ортемьевъ; а живутъ на полуобжѣ, ржи сѣютъ пять четвертей въ полѣ, а въ дву потомуужъ, сѣна косятъ 15 копенъ» ²¹⁴. Что же касается до отношенія четверти къ Новгородской обжѣ, то уже извѣстно, что въ писцовыхъ книгахъ этого времени на обжу полагалось десять четвертей. И такъ четверть не была собственно геометрическою мѣрою земли, но только примѣрнымъ исчисленіемъ поземельнаго дохода, геометрически же земля измѣрялась въ десятины, по 80 сажень длиннику и по 40 сажень поперечнику, или по 60 длиннику и 60 поперечнику; впрочемъ эта мѣра не была опредѣленною: такъ въ рукописи сошнаго письма, принадлежащей А. Д. Черткову, на десятину положено длиннику 80 сажень, а поперечнику 30 сажень. Но какъ бы то ни было древніе официальные документы прямо говорятъ, что земля измѣрялась десятинами, въ четверти же раскладывалась только для податныхъ сборовъ. Такъ въ грамотѣ 1580 года сказано: «а земли дати въ Хлыновъ подъ городомъ пустошь Семеновскую да Ямскую, пашни перелогомъ десять четвертей въ полѣ, а въ дву потомуужъ; да къ той пустоши пожня въ Пероновскомъ лугу сѣна ставится 70 копенъ. И выбѣ тѣхъ пустошей досмотрили и измѣрили въ десятины и всякіе уголья смѣтно» ²¹⁵. Или еще яснѣе въ Царской грамотѣ Поводѣвичьему монастырю на Черемшанской островъ 1696 года: «а велѣно ему Ивану съ сторонними людьми тою землю измѣрити въ десятины и положить въ четверти» ²¹⁶.

При раскладкѣ земли въ чети въ нашихъ старинныхъ официальныхъ документахъ обыкновенно употребляется выраженіе: *столько-то чети въ полѣ, а въ дву потомуужъ*. Это выраженіе указы-

²¹⁴ Арх. Вотч. Деп. 667.

²¹⁵ А. А. Э. т. I. № 305.

²¹⁶ Библиотек. Погод. Сборн. № 279.

ваетъ на трехпольное хозяйство нашихъ предковъ, какъ ясно свидѣтельствуесть Царская грамота 1512 года, гдѣ сказано: «И тыбы ѣхалъ на Ергольское да на ямскомъ дворѣ хоромы вѣдѣть подѣлати, да и земли бы сиѣ отмѣрилъ къ яму ямщикомъ на пашню, и пашень на сѣно и ямскимъ конемъ на выпускъ, чья земля пшуди, которая пришла вкругъ яму, во всѣхъ трехъ полѣхъ по десяти десятинъ въ полѣ да на 60 копѣнъ сѣна»²¹⁷. По сему выраженіе, напримѣръ, *пять чети въ полѣ, а въ дву потомуужь*, надобно принимать такъ, что во всѣхъ трехъ поляхъ 15 четвертей, какъ у насъ и принято въ межевыхъ законахъ, чтобы, значущуюся въ старинныхъ писцовыхъ книгахъ каждую четь въ полѣ а въ дву потомуужь считать за полторы десятины или за три четверти. Слѣдовательно и въ сохахъ вездѣ число чети надобно принимать втрое, напримѣръ: если въ сохѣ сказано 1200 четвертей, то значить что здѣсь указывается только на одно поле, и по сему тутъ должно подразумѣвать, *а въ дву потомуужь*, т. е. что въ сохѣ во всѣхъ трехъ поляхъ было 3600 четвертей, а отнюдь не четыреста четвертей въ одномъ полѣ, и 1200 четвертей во всѣхъ трехъ поляхъ. Для примѣра я разберу показаніе раздаточной Тверской книги 1580 г. Въ этой книгѣ на соху положено по 1200 четвертей худой земли, а соха раздѣлена на 75 вытей, на выть же кладено по 16 чети въ полѣ, а въ дву потомуужь; слѣдовательно на соху приходилось прямо 1200 чети въ полѣ а въ дву потомуужь, т. е. во всѣхъ трехъ поляхъ 3600 четвертей.²¹⁸

Четверти также какъ и сохи имѣли свои дроби, они были слѣдующія: 1) осмина, т. е. $\frac{1}{2}$ четверти; 2) полуосмина $\frac{1}{4}$; 3) четверикъ $\frac{1}{8}$; 4) полчетверика $\frac{1}{16}$; 5) пол-пол-четверика $\frac{1}{32}$; 6) пол-пол-пол-четверика $\frac{1}{64}$ и наконецъ малый четверикъ $\frac{1}{128}$; эти дроби половинныя, которыхъ первоначальнымъ основаніемъ было раздѣленіе дѣлаго на два; потомъ слѣдовали дроби третныя въ такомъ порядкѣ: 1) третникъ $\frac{1}{3}$; 2) пол-третника $\frac{1}{6}$; 3) пол-пол-третника $\frac{1}{12}$; 4) пол-пол-пол-третника $\frac{1}{24}$ и 5) малый третникъ $\frac{1}{48}$; третники еще раздѣлялись на третники четвертныя и третники осминные.

Въ Новгородскихъ актахъ встрѣчается еще мѣра сохи короблями. Эта мѣра была одинакова съ десятинною, т. е. въ каждомъ

²¹⁷ А. А. Э. т. I. № 156.

²¹⁸ Арх. Вот. Дел. № 16,056.

коробь было по двѣ четверти, какъ это свидѣтельствуеъ слѣдующее мѣсто одной писцовой Новгородской книги 1580 года, гдѣ сказано: «И всего за Ондреемъ Обуховымъ пашни паханые помѣщичковы и крестьянскіе десять коробей, а четвертные пашни двадцать чети, да перелогомъ пашни 62 коробы съ полукоробьею, да льсомъ поросло 40 коробей, и обоего перелогомъ и льсомъ поросло 102 коробы съ полукоробьею, а четвертные пашни 205 четвертей».²¹⁹

Мелкія платежныя единицы, на которыя непосредственно распивалась и пахотная земля съ угодьями, и по которымъ раскладывался платежъ податей.

Мелкими платежными единицами назывались въ Московскихъ владѣніяхъ *выти*, а въ Новгородскихъ *обжи*. Выти подобно сохамъ не имѣли одинаковой мѣры, но измѣнялись иногда вмѣстѣ съ мѣрою сохъ, а иногда отдѣльно. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ сохъ выти и обжи измѣнялись: 1-е. По отношенію ко времени или нуждамъ Государства: напримѣръ, въ писцовой Новгородской книгѣ 1583 г. сказано: «А по приговору бояръ князя Федора Михайловича Трубецкаго съ товарищи писали пашни на обжу по десяти чети».²²⁰ Слѣдовательно можно было писать больше и меньше. Или въ приврочной книгѣ Московскаго уѣзда, 1571 года на соху Монастырской средней земли положено 35 вытей и по 20 четвертей въ выти;²²¹ тогда какъ по Крестининской таблицѣ въ такихъ же монастырскихъ земляхъ на соху назначено по 75 вытей, а на выть по 10 четвертей. 2-е. По отношенію къ качеству земли, выти на добрую землю сокращались, а на среднюю и худую расширялись: такъ по Крестининской таблицѣ въ помѣстныхъ земляхъ на выть доброй земли положено 12 четвертей, на выть средней земли 14 четвертей, и на выть худой земли 16 четвертей; или иначе на соху доброй земли 67 вытей безъ трети, на соху средней земли 71 выть съ полу безъ пол-пол-четверти выти и съ четверикомъ пашни, на соху худой земли 75 вытей. 3-е. По отношенію позе-

²¹⁹ Арх. Вол. Гер. № 658.

²²⁰ Тамъ же. № 666.

²²¹ Тамъ же № 2.

мельнаго владѣнія къ Государству; такъ въ рукописи о сошномъ письмѣ, принадлежащей А. Д. Черткову, на соху доброй земли въ помѣстныхъ владѣнiяхъ положено 67 вытей; на соху таковой же земли въ черныхъ волостяхъ 42 выти безъ трети; въ монастырскихъ же земляхъ на соху 50 вытей; или въ Тверской раздаточной книгѣ 1580 года въ дворцовыхъ земляхъ на выть кладено: доброй земли 16 четвертей, или 8 десятинъ; средней земли 18 четвертей или 9 десятинъ; худой земли 20 четвертей или 10 десятинъ; слѣдовательно, на соху въ добрыхъ земляхъ (которая тамъ положена въ 800 чети) 50 вытей; въ среднихъ земляхъ (въ 1000 четвертей соха) 55 вытей съ дробями; въ худыхъ земляхъ (по 1200 чети соха) 60 вытей.²²² Кромѣ того, смотря по владѣнiю, иногда даже не полагалось различiя въ вытяхъ въ отношенiи къ качеству земли: такъ въ Крестининской таблицѣ сошнаго письма въ монастырскихъ земляхъ на выть положено по десяти четвертей и въ добрыхъ и въ среднихъ и въ худыхъ земляхъ. Такимъ образомъ приведенные примѣры показываютъ, что выти измѣнялись вмѣстѣ съ сохами; но изъ нихъ же видно, что измѣненiе вытей производилось не по одинаковымъ правиламъ съ сохами: такъ, на примѣръ, въ помѣстныхъ владѣнiяхъ на соху средней земли и противъ доброй земли дѣлалась наддача четверть сохи, а въ худой землѣ половина сохи; въ вытяхъ же по тѣмъ же владѣнiямъ, на выть средней земли противъ доброй, наддавалась одна шестая доля выти, а въ худой землѣ третья доля выти; или въ дворцовыхъ земляхъ, по свидѣтельству Тверской раздаточной книги 1580 года, гдѣ увеличенiе сохъ или наддача дѣлалась на четвертую долю и на половину; увеличенiе же или наддача вытей шла на восьмую долю въ средней землѣ и на четвертую въ худой. Теперь рождается вопросъ: что было причиною неодинаковости правилъ въ сокращенiи и расширенiи сохъ и вытей? Древнiе официальные документы, сколько мнѣ извѣстно, не даютъ прямаго отвѣта на этотъ вопросъ; впрочемъ, нѣкоторымъ образомъ можно заключать, что различiе въ правилахъ основывалось на двухъ различныхъ взглядахъ на предметъ. При распределенiи сохъ, Московское правительство все свое вниманiе обращало только на землю, какъ на капиталъ, съ котораго должно было получать доходы. Слѣдовательно, при такомъ взглядѣ, естественно главною цѣлю въ распределенiи сохъ было

возможное уравненіе платежныхъ единицъ смотря по получаемымъ съ нихъ доходамъ; тутъ вся забота состояла въ томъ, чтобы платежъ съ сохъ былъ одинаковъ. При распрѣдѣленіи же вытей у Правительства были въ виду не одинъ поземельный капиталъ, но и плательщики, черезъ посредство которыхъ получался доходъ съ капитала. Ежели бы плательщики, т. е. крестьяне, имѣли одинаковое состояніе, и каждый жилъ на цѣлой выти, то, конечно, Правительству лучше бы всего держаться при распрѣдѣленіи вытей того же порядка, котораго оно держалось при распрѣдѣленіи сохъ; но по состоянію плательщики были далеко не одинаковы между собою: иной жилъ на цѣлой выти, даже на двухъ и на трехъ вытяхъ, другой же только на полвыти, или четверти выти, и даже на двѣнадцатой долѣ выти. А посему правила, прилагавшіяся къ сохамъ, были неудобоприложимы къ вытямъ: такъ, напримѣръ, еслибы количество вытей на соху положить постоянно одинаковымъ для земель хорошаго, средняго и худаго качества, то выть земли худаго качества растянулась бы такъ обширно, что малосемейному и бѣдному крестьянину не подъ силу бы было совладѣть не только съ 12-ю, но даже съ 20-ю долею выти, а это повело бы къ излишнему дробленію вытей отяготительному въ администраціи; и наоборотъ въ краяхъ, гдѣ земледѣльцы богаты и въ силахъ обрабатывать большее пространство земли, слишкомъ мелкія выти естественно должны были сдѣлаться не нужнымъ дробленіемъ платежныхъ единицъ, несоотвѣтственнымъ съ наличными силами плательщиковъ. Все это поставило Московскую администрацію въ необходимость принять другія правила при распрѣдѣленіи вытей, а не тѣ, которыя были приняты при распрѣдѣленіи сохъ, и именно соразмѣрять величину вытей сколько можно ближе съ силами земледѣльцевъ. А отъ этого и произошло, что иногда въ земляхъ разныхъ по качеству выти были одинаковы, иногда же въ земляхъ, одинаковыхъ по раскладкѣ въ сохи, выти являлись не одинаковыми. Фактовъ на это можно представить не одну сотню, изъ которыхъ даже видно, что иногда при раскладкѣ вытей значеніе сохъ вовсе упускалось изъ виду. Это именно дѣлалось такъ: пахотная земля, принадлежащая извѣстному селу или деревнѣ, писалась особою статью общимъ числомъ сколько приходилось на цѣлую деревню или село; выти же считались отдѣльно своимъ чередомъ черезъ сложеніе дробей, записанныхъ за крестьянами, даже не справляясь, придется ли число дробей вытныхъ на число четвертей пашни. Вотъ одинъ изъ многочислѣннѣйшихъ образчиковъ

таковаго счета: въ писцовыхъ книгахъ Старицкаго уѣзда вотчинамъ Троицкаго Сергіева монастыря, писанныхъ въ 1594 году, сказано: <Въ Иворовской волости село Станишино, а въ немъ церкви Ильи Пророкъ... А въ селѣ крестьянскихъ дворовъ (Д) Савка Леоновъ на чети выти, (Д) Иванко Ниловъ на чети, (Д) Гришка Михайловъ на чети, (Д) Оксенко Оналъинъ на чети, (Д) Исачко Григорьевъ на полувыти, (Д) Филка Григорьевъ на полувыти, (Д) Иванко Герасимовъ на чети, (Д) Иванко Ивановъ начети, (Д) Иванко Кузминъ на полувыти, (Д) Казминъ Савельевъ на полувыти, (Д) Куземка Григорьевъ на чети, (Д) Гришка Нестеровъ на чети, (Д) Ортемко Іевлевъ на полувыти, (Д) Селуянко Кузминъ на полувыти, (Д) Михалко Ондревъ на полувыти, (Д) Графимко Іевлевъ на чети, (Д) Тимошка Семеновъ на чети, (Д) Ивашко Давыдовъ на чети, (Д) Томилко Пономаревъ на чети; пашни крестьянскіе середніе земли пятьдесятъ чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна пятьдесятъ три копны, лѣсу роци елику и березнику въ бревно 15 десятинъ да лѣсу пороснягу 9 десятищъ съ полу-десятиною; въ живущемъ шесть вытей съ полу-вытью. Тогожъ села деревни: (Дерев.) Шлеково а Шевцово Станишино тожъ; а въ ней крестьянъ: (Д) Тимошко Митрофановъ на чети, (Д) Иванко Ивановъ на чети, (Д) Первушка Ивановъ на чети, (Д) пусть Тренки Григорьевеа жилъ на выти, (Д) пусть Ширяйка Сидорова жилъ на чети, (Д) пусть Латышовской жилъ на чети; пашни паханые средніе земли восемь чети, да перелогомъ двѣ чети съ осминою, да лѣсомъ поросло шесть чети въ полѣ а въ дву потомужъ, сѣна 17 копенъ, лѣсу пашенного три десятины; въ живущемъ выть безъ чети, а въ пустьъ полторы выти. (Дерев.) Чупрово, а въ ней крестьянъ: (Д) Гаврилко Алексѣевъ на чети, (Д) Петрушка Семеновъ на чети; пашни паханые средніе земли восемь чети, да перелогомъ 12 чети, да лѣсомъ поросло 16 чети въ полѣ а въ дву потомужъ, сѣна 15 копенъ; въ живущемъ полувыти. (Дерев.) Оалѣево, а въ ней крестьянъ: (Д) Тихонко Ивановъ на полчети, (Д) Некраско Ортемовъ на полчети, (Д) Осташко Васильевъ на полувыти, (Д) Васка Павловъ на чети, (Д) Панька Іевлевъ на чети, (Д) Серга Елизаровъ на чети, (Д) Гришка Филицовъ на чети пашни. Паханые средніе земли тридцать двѣ чети, да перелогомъ девять чети, да лѣсомъ поросло пашни семь десятищъ съ полудесятиною, сѣна 55 копенъ; въ живущемъ двѣ выти безъ чети. (Дерев.) Кошелево, а въ ней крестьянъ: (Д) Иванко Захаровъ на трети, (Д) Митька Григорьевъ на трети, (Д) Иванко Степановъ на трети, (Д) Богдашко Ивановъ на

трети, (Д) Сидорко Ивановъ на трети, (Д) Федотко Климовъ на трети; пашни паханые середніе земли 31 четь съ осминою, да перелогомъ 12 чети съ осминою въ полѣ а въ дву потомужъ, лѣсу пашенного семь десятинь съ полудесятиною, сѣна 60 копенъ; въ живущемъ двѣ выти.» Здѣсь видно прямо, что при раскладкѣ и счетѣ вытей принимали въ соображеніе только одни вытныя дробы, числящіяся за крестьянами; о количествѣ же земли, приходящейся на вытную дробь или на выть, раскладчики и не думали; ибо въ одномъ и томъ же году, въ одномъ и томъ же уѣздѣ, въ однихъ и тѣхъ же монастырскихъ вотчинахъ, и совершенно въ одинаковыхъ земляхъ по ихъ качеству, изъ четырехъ деревень ни въ одной не приходится по одинаковому количеству четвертей на выть: такъ въ Шевцовѣ 8 четвертей середніе земли приходятся на три четверти выти; а въ Чупровѣ то же количество четвертей на полвыти; или въ Фалѣевѣ 32 четверти пашни на одну выть и три четверти выти, въ Кошелевѣ же 31 четь съ осминою на двѣ выти. А еще разительнѣе несходство въ самомъ селѣ Станишинѣ, гдѣ пятьдесятъ чети пашни приходится на шесть вытей съ полувытью. Все это показываетъ, что раскладчики заботились только о счетѣ вытей, чтобы знать, съ кого сколько требовать въ общую податную единицу; крестьяне же воздѣлывали землю сколько кому по силамъ, остальное же обращалось въ перелогъ или поростало лѣсомъ. Впрочемъ таковой порядокъ могъ быть только въ частныхъ владѣніяхъ, т. е. въ вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ, гдѣ все зависѣло отъ произвольныхъ взаимныхъ условій землевладѣльца и крестьянина; въ черныхъ же и дворцовыхъ земляхъ этого не допускалось. Тамъ правительство напередъ опредѣляло мѣру вытей и ихъ отношеніе къ сохамъ, разумѣется, имѣя въ виду состояніе плательщиковъ, слѣдовательно держась неодинаковаго разчета въ сохахъ и вытяхъ, и даже при одинаковомъ качествѣ земли, иногда разнообразя мѣру выти. Такъ, напримѣръ, въ Тверской писцовой книгѣ 1580 года письма и мѣры Григорья Ивановича Свѣчина, въ Кушалинской волости кладено на выть доброй земли восемь десятинь, средней девять десятинь и худой десять десятинь, въ прочихъ же волостяхъ Тверскаго и Никулинскаго уѣзда въ той же книгѣ кладено на выть доброй земли шесть десятинь, средней семь и худой восемь, по всѣмъ дворцовымъ владѣніямъ; причѣмъ смотря по угодымъ росписано даже поскольку на выть сѣнокоса и лѣсу: напримѣръ, въ волости Воловичахъ дано на выть сѣна по сороку копенъ и по три конны волоковыхъ, лѣсу по три десятины. Или

въ волости Суднѣ сѣна положено на выть по десяти конень, лѣсу дровяного по двѣ десятины. Или въ волости Шесткѣ дано на выть сѣна по четыре конны, а лѣсу по двѣ десятины. Въ Кушанинской же волости сѣна крестьянамъ дано на выть по тридцати конень, лѣсу по двѣ десятины безъ чети. Даже въ помѣстныхъ и вотчинныхъ земляхъ не всегда донусбался произволъ владѣльцевъ при раскладкѣ вытей; такъ въ Новгородскихъ писцовыхъ книгахъ 1582, 83 и 84 годовъ мы находимъ общую мѣру обжи по десяти четвертей для всѣхъ земель и черныхъ и вотчинныхъ и дворцовыхъ и помѣстныхъ; также въ приведенной выше Тверской книгѣ, въ Кушанинской волости мѣра выти по 8 десятинь въ хорошей, по девяти въ средней и по десяти въ худой назначена не для однихъ дворцовыхъ земель, но и для монастырскихъ и помѣстныхъ.

Выти имѣли одинаковыи дробн сѣ сохами, т. е. дѣлились на два и на три. Это дѣленіе было слѣдующее: на два выти дѣлились на полвыти, четь выти, полчети выти, пол-пол-чети выти и пол-пол-пол-чети выти; на три-треть выти, пол-трети выти пол-пол-трети выти и пол-пол-пол-трети выти. Правила такового дѣленія были утверждены Правительствомъ и постоянно оставались неизмѣнными.

Какъ сохи, такъ и выти съ ихъ дробями еще имѣли одно общее названіе кости. *Кость* въ административномъ языкѣ Московскаго Государства означала разрядъ категоріи одинаковыхъ единицъ относительно сбора податей и отправления повинностей, которыя несли всѣ повинности и платили подати по общему разводу цѣлой кости. Такъ въ Царской грамотѣ данной Тольскому монастырю въ 1582 году сказано: «Что деи писана ихъ (Тольскаго монастыря) вотчина Спасскаго монастыря съ вотчиною въ одной кости; что деи Архимандритъ (Спасскій) Феодосій ихъ крестьянъ имая въ тюрьму металл, и ималъ всякіе подати на ихъ крестьянъ вдвое насильствомъ, и отъ его деи насильства запустило ихъ монастырскіе вотчины десять деревень, кои деревни были списаны съ Спасскою вотчиною въ одной кости. И мы ихъ пожаловали, по ихъ челобитью велѣли имъ дать росписную грамоту, и всякіе наши подати съ нихъ имать порознь». ²²³ Или въ подобной же грамотѣ данной въ 1589 году. «И велѣтибъ тѣ ихъ (Коряжем-

скаго монастыря) дворы и полянки и пажни отъ Соли отъ посаду опроче отнисати, и паши бѣ оброчныя и данныя денги съ тѣхъ ихъ дворовъ и съ поженъ и съ полянокъ платити самимъ опрично посадскихъ людей: а съ Усольцы ден съ посадскими людьми въ однихъ сохахъ быти нельзя; потому что они накладываютъ на ихъ посадскіе дворы всякія паши подати не по ихъ промысламъ и по угодьямъ». ²²⁴ Или еще яснѣе въ грамотѣ 1646 года: «велико Чердынцемъ уѣзднымъ крестьяномъ выборнымъ людямъ, Чердынской уѣздъ для платежу денежныхъ доходовъ росписать по писцовымъ книгамъ въ выти и въ сошное писмо порознь, по костямъ, кому съ кѣмъ ближе въ платежѣ быть» (226) при росписаніи земель на кости съ одной стороны обращалось вниманіе на качество сохъ, а съ другой на состояніе и промыслы плательщиковъ; по сему сохи равныя по платежу податей зачислялись въ одну кость, и имѣли общіе между собою разruby и розметы, и наоборотъ сохи не подходящія подъ общій уровень писались отдѣльно особою костью съ тѣми которые съ ними одинаковы; отъ чего и произошло обычное въ древнихъ нашихъ официальныхъ актахъ выраженіе. «Быть имъ въ однихъ сохахъ съ такими-то», или: «съ такими-то въ однихъ сохахъ быть немочно», на примѣръ въ приведенной выше Царской грамотѣ 1589 года сказано: «А съ Усольцы ден съ посадскими людьми въ однихъ сохахъ быти нельзя», т. е. монастырскимъ дворамъ. Очевидно что монастырскіе дворы не могли быть въ одной кости съ черными дворами; ибо черныя и монастырскія сохи были только близки другъ къ другу, но отнюдь не одинаковы по платежу податей. Это различіе костей въ отношеніи къ качеству сохъ. Теперь рассмотримъ кости въ отношеніи къ промысламъ плательщиковъ. Въ отношеніи къ промысламъ плательщики состоящіе даже въ одной сохѣ, т. е. живущіе на одинакихъ земляхъ на черныхъ, или на вотчинныхъ или на другихъ какихъ, не могли верстаться между собою въ податяхъ и повинностяхъ, если ихъ промыслы были не одинаковы; на примѣръ земледѣлецъ не могъ идти въ разметъ съ рыболовомъ или ремесленникомъ, точно также разruby посадскихъ людей не сходились съ разрубамъ селчанъ и деревенщиковъ. И по сему люди принадлежащіе къ извѣстной сохѣ, но по своимъ промысламъ не подходящіе подъ общій уровень другихъ участни-

²²⁴ Тамъ же № 343.

ковъ той же сохи, писались особою статьею, которая называлась костью, и получала отдѣльную сотную, или выписъ изъ общихъ писцовыхъ книгъ уѣзда, гдѣ прописывались всѣ дворы и земли причисляемые къ кости, и назначались подати и службы сообразныя съ промыслами пайщиковъ кости, по которой сотной они и верставались между собою. Напримѣръ въ сотной 1557 года данной на волость Барокъ, сказано: «Лѣта 7065 февраль 10 день, по Цареву и В. К. Ивана Васильевича всеа Русіи приказу, дана сотная съ Пашехонскихъ книгъ письма Ѳедора Ивановича Чулкова да дьякона Ѳедора Фатяинова; въ Бѣлозерскомъ уѣздѣ волость Ивановъ-Борокъ, деревня сельцо Бережное на Шекснѣ, (Д) Захарка Малышкинъ, (Д) Спирка Матвѣевъ, (Д) Окишко Ивановъ, (Д) Ѳедко Овонинъ, (Д) Ивашко Погожей, пашни восемь десятинъ въ полѣ, а въ дву полѣхъ потомужъ, сѣна тридцать копень, да на Ившинѣ наволокъ у рѣчки у Каменки тридцать копень, выть. Дерев. Косино Филиповъ починокъ, на рѣкѣ на Косинкѣ, (Д) Якимко Грдинъ, пашни полторы десятины въ полѣ а въ дву полѣхъ потомужъ, сѣна двадцать копень, полчетверти выти. Дерев. Бонема..... И всѣхъ деревень въ волости Иванова Борку 19, да деревень пустыхъ и пустошей 8, а дворовъ сорокъ, а людей въ нихъ 41 человекъ, да 13 дворовъ пустыхъ, пашни 77 десятинъ съ полудесятиною, перелогу 41 десятина въ полѣ, а въ дву полѣхъ потомужъ, сѣна 506 копень; а лѣсу черного большого бору и болота въ длину на четыре версты, а поперекъ на три версты..... а вытей десеть безъ трети выти и пол-пол-чети выти, и пол-пол-полтрети выти, да пустыхъ выть съ четью выти, а сошныя пашни полтрети сохи..... И съ тое волости Иванова Борку ямскихъ денегъ имъ не платити, и посошныя службы съ нихъ не нарядати, и города имъ не дѣлати; а за ямскіе денги и за посошную службу и за городовое дѣло, бити имъ Царевъ и Великіи Князи ѣзъ Порожской подъ деревнею подъ Олферовской.... А съ того Порожскаго ѣзу давати было имъ Царю и Великіи Князю оброку, съ году, на годъ по писцовымъ книгамъ, восемь осетровъ, двадцать нить стерлядей..... А приказщикова доходу съ тое волости, въ годъ на три праздники корму два рубля». (227). Здѣсь рыболовы отдѣлены по платежу податей отъ своихъ сосѣдей земледѣльцевъ, писанныхъ по общимъ писцовымъ книгамъ уѣзда въ однихъ сохахъ, но немогшихъ съ ними верстаться по своимъ промысламъ; и по сему рыболовамъ дана отдѣльная сотная, по которой бы они составляли особую кость, и верстались между со-

бою въ податяхъ, при разкладкѣ податей и повинностей принимались въ расчетъ не одни промыслы но даже состояніе плательщиковъ; а посему богатые и зажиточные члены известной сохи составляли особую кость, средніе особую, бѣдныя также особую; отъ чего бѣдныя въ случаѣ притѣсненія со стороны богатыхъ, которые желали-бы съ ними равняться въ податяхъ, обыкновенно говорили: «намъ де съ ними въ одной кости быть тяжело, не по животомъ и промысломъ». Въ слѣдствіе такового разпорядка жители обыкновенно дѣлились на лучшихъ, среднихъ и младшихъ, и каждый изъ этихъ классовъ составлялъ особую кость, и при раскладкѣ податей для каждой кости правительство назначало особую мѣру, которая обыкновенно означалась количествомъ дворовъ на соху, принималась плательщиками въ соображеніе при верстаньи между собою. Для образца такового порядка я здѣсь выпишу изъ одной платежной книги Рязанскаго уѣзда писанной въ 7103 году: «Городъ Николы Зарайскаго, посадъ, а на посадъ въ острогѣ и за острогомъ тяглыхъ дворовъ лучшихъ людей пять дворовъ, а людей въ нихъ 8 человекъ; да среднихъ людей 25 дворовъ, а людей въ нихъ 36 человекъ; да младшихъ и убогихъ людей 131 дворъ, а людей въ нихъ 164 человекъ; и всего тяглыхъ дворовъ лучшихъ, среднихъ и младшихъ и убогихъ людей 161 дворъ, а людей въ нихъ 208 человекъ; да 24 двора бобыльскихъ, а людей въ нихъ 26 человекъ бобылей; да 13 дворовъ пустыхъ, да 12 мѣстъ дворовыхъ. А свошнаго письма въ живущемъ соха съ третью и пол-полчети сохи, а въ пустѣ четверть сохи; а въ соху положено лучшихъ людей по 80 дворовъ, а среднихъ людей по 100 дворовъ, а младшихъ и убогихъ людей по 120 дворовъ. А впредь имъ въ Государевыхъ Царевыхъ и В. Князя Бориса Ѳеодоровича всея Русіи податяхъ верстанися самимъ по животомъ и по промысломъ; а бобыльскіе дворы въ сошное письмо не положены». ²²⁸ Здѣсь по назначенію правительства лучшіе люди платили каждый дворъ восемьдесятую долю податной единицы, средніе сотую и младшіе или бѣдныя двадцатую; и этими долями каждая кость версталась сама со-

²²⁸ Книги платежныя Рязанскія письма и мѣры Василья Яковлевича Волынскаго да Ивана Абопасьевича Ващюкина, да подьячаго втораго Ильина да Олексія Молохова лѣта 7103, 7104 и 7105 году.

бою уже безъ вмѣшательства со стороны правительства, какъ сказано въ актѣ: «а въ Государевыхъ податяхъ верстатися самимъ по животомъ и по промысловъ».

Жители, ихъ права и обязанности.

Въ Москвѣ равно какъ и въ другихъ городахъ Руси жители раздѣлялись прежде всего на земцовъ и княжчанъ, или на земщину и княжую дружину; первые носили названіе своего города или племени, Москвитяне, Любчане, Сѣверяне и проч., а вторые назывались по имени князи, Изяславля дружина, Мстиславля Ярославля. Различіе между земцами и княжею дружиною очень ясно выражено у Нестора велѣдъ за описаніемъ Литвинской битвы Ярослава съ Мстиславомъ: «Мстиславъ же о свѣтъ за утро видѣвъ лежачіе сѣчени отъ своихъ Сѣверь, и Варягы Ярославль, и рече: «кто сему не радъ? се лежитъ Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла». ²²⁹. Здѣсь Мстиславъ хотя и называетъ Сѣверянь своими, но не признаетъ ихъ за одно съ дружиною, которая для него дороже Сѣверянской земщины. Таковое же различіе земщины отъ княжчины находимъ и въ Московскихъ официальныхъ документахъ. Такъ въ договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича Донскаго съ К. Владиміромъ Андреевичемъ писанной въ 1388 году сказано:

«А коли ти будетъ послати на рать своихъ воеводъ, а твоихъ боярь кто иметь жили въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженъи, тѣмъ поѣхаги съ моимъ воеводою, а моимъ потому же съ твоимъ воеводою. А Московская рать кто ходилъ съ воеводами, тѣ и поѣча съ воеводами, а намъ ихъ не приѣмати». ²³⁰. Дмитрій Донской прямо говоритъ, что Московская рать т. е. земская совѣмъ не то, что дружина княжая, что она ходитъ своихъ воеводами и князя не имѣютъ права вступаться въ нее («а намъ ихъ не приѣмати»), хотя она дѣйствуетъ за одно съ князьями и участвуетъ въ ихъ походахъ. То же подтверждаетъ во многихъ мѣстахъ Никоновская лѣтопись. Такъ подъ 1304 годомъ въ ней сказано, что К. Иванъ Даниловичъ узнавши о походѣ Тверичъ къ Передславлю: «укрѣни всѣхъ своихъ боярь и переславцовъ и къ Москвѣ

²²⁹ Нест. по Лавр. сп., стр. 64.

²³⁰ Соб. Г. Г. и Д. Т. I, № 33.

посла совокупя рать»; или при описаніи самой битвы съ Тверичами. «И выиде противу К. Иванъ Даниловичъ Московскій съ нимъ же Переславская рать единомысленно бѣ и крѣико стояще, къ тому же приспѣла и Моск. рать» (Ник. III. 102); или говоря о битвѣ К. Святослава Брянскаго съ татарами въ 1310 г.: «Брянцы выдаша князя Святослава Глѣбовича Брянскаго, и стяги пометаша и сами побѣгоша, Князь же Святославъ точію съ своимъ дворомъ много биеся съ татари, послѣди убиенъ бысть въ полку» (III. 106). Я здѣсь поставилъ рядомъ свидѣтельство Нестора съ свидѣтельствомъ Московской договорной грамоты конца XIV вѣка собственно для доказательства, что Московская земщина имѣла одинаковое значеніе съ земщиною другихъ городовъ Руси, что различіе между земщиною и княжею дружиною не было какимъ-либо Московскимъ нововведеніемъ, но искони принадлежало всѣмъ городамъ Руси и начало свое ведетъ отъ призванія въ Новгородъ Рюрика съ его дружиною.

Земцами или земщиною назывались племенные и исконные жители города и его области; къ княжеской же дружинѣ принадлежали пришельцы сопровождавшіе Князя и съ нимъ вмѣстѣ принятые городовъ. Пришельцы сіи первоначально преимущественно состояли изъ Варяговъ соплеменныхъ Рюрику, съ которыми онъ пришелъ въ Новгородъ и которые нѣсколько времени пополнялись новыми дружинами изъ Скандинавіи; но потомъ Князья стали принимать въ свои дружины всѣхъ охотниковъ безъ различія къ какому бы народу и племени они ни принадлежали; причѣмъ вмѣстѣ съ чужеземцами начали поступать въ княжескія дружины по разнымъ расчетамъ и жители городовъ занятыхъ князьями. Когда потомки Александра Невскаго утвердились въ Москвѣ, то княжія дружины уже преимущественно состояли изъ городскихъ земцовъ, находившихъ болѣе выгодъ служить какому-либо князю чѣмъ зависѣть отъ городскихъ общинъ; въ это время къ предприимчивому и ласковому князю толпами собирались дружинники со всѣхъ краевъ изъ Руси, изъ Германіи и даже изъ Орды; такъ напримѣръ къ В. К. Ивану Даниловичу Калитѣ изъ Орды пріѣхалъ Мурза Четь, изъ Германіи Ондрей Кобыла, изъ предѣловъ богатый и стариннаго рода земскій бояринъ Родіонъ Песторовичъ, который привелъ съ собою княжатъ и дѣтей боярскихъ и своего двора до тысячи семисотъ человекъ.

Дружинники жили въ городѣ только до тѣхъ поръ пока жилъ тамъ князь; съ удаленіемъ же или съ смертію князя удалялись

и его дружинники, и или приставали къ его наследникамъ, или искали другихъ князей. Такъ по смерти В. К. Андрея Александровича по свидѣтельству Никоновской лѣтописи: «бояре его, съ ними же Акинѣй бояринъ его, поживотъ его отъѣхаша во Тверь къ В. К. Михаилу Ярославовичу Тверскому», (Ник. Т. III, стр. 101.

Показавши различіе между земщиною и княжею дружиною теперь слѣдуетъ объяснить отношеніе ихъ другъ къ другу. Рюрикъ первый Русскій Князь, пришедшій изъ Скандинавіи въ Новгородъ, нашелъ уже тамъ сильную и богатую городскую общину, которая вела обширную торговлю съ востокомъ и западомъ и далеко распространила свои владѣнія въ сѣверо-западныхъ краяхъ нынѣшней Руси; община эта пригласила Рюрика только для введенія порядка и разбора ссоръ между родами ее составлявшими, *иже бы володѣль нами и судилъ по праву или радилъ по ряду*, какъ говорить намъ древнѣйшій лѣтописецъ Несторъ²³¹. Преемники Рюрика постепенно распространявшіе свои владѣнія почти то же находили и въ другихъ городахъ Руси, которые имъ удавалось занимать по Днѣпру, по Западной Двинѣ, по Окѣ и по ихъ притокамъ; городскія общины, сильныя противъ немногочисленныхъ дружинъ княжескихъ, но болѣе мирныя чѣмъ воинственныя, почти вездѣ безъ сопротивленія принимали князей²³², но не какъ

²³¹ Лавр. си. Нест., стр. 8. Подробно объяснено въ моей статьѣ о городахъ на Руси, помѣщен. въ журн. Министер. Народ. Просв. 1848 года, № 2.

²³² Такъ безъ сопротивленія заняты были Кіевъ сперва Аскольдомъ и Диромъ, потомъ Олегомъ; такимъ же образомъ заняты Любечъ, Смоленскъ, Черниговъ и Переяславль. О Смоленскѣ и Любечѣ лѣтописецъ говоритъ слѣдующимъ образомъ: «онъ пріиде къ Смоленску съ Кривичи и пріа градъ и посади мужъ свой. Оттуда поиде внизъ, и вся Любечъ, и посади мужъ свой». (Лавр. стр. 10). О Переяславлѣ же и Черниговѣ онъ даже не упоминаетъ, какимъ образомъ они были заняты, и только уже въ договорѣ Олега съ греками называетъ ихъ вассальными отъ Олега. Но всѣ сіи города не были ничтожными деревушками, о ихъ богатствѣ и торговлѣ знали уже въ Константинополѣ, какъ свидѣтельствуешь Императоръ Константинъ Багрянородный; слѣдовательно такыя города могли быть заняты или послѣ сильнаго боя, или по взаимному договору, но не какъ побѣжденные, а на условіяхъ равныхъ съ равными, какъ и можно заключить изъ договора Олега съ греками, гдѣ онъ равняетъ Русскіе города съ своею дружиною и требуетъ съ грековъ дани какъ для дружины, такъ и для городовъ, т. е. для земщины. Или еще яснѣе видно это въ договорѣ Игоря, гдѣ послы говорятъ о себѣ: «Послани отъ Игоря великаго князя Русскаго, и отъ велика князя,

побѣжденные побѣдителей, а какъ равные равныхъ; община уступала князю часть своей земли, * которою онъ могъ владѣть и надѣлать своихъ дружинниковъ, въ продолженіи всего того времени пока былъ княземъ города и его области, кромѣ того по взаимному согласію она давала ему опредѣленную дань и нѣкоторые доходы; князь же съ своей стороны принималъ на себя судъ и управу внутреннюю, и защиту общины отъ внѣшнихъ непріятелей, но не вмѣшиваясь самовластно въ распорядки общественниковъ²³³. Даже самая защита общины отъ внѣшнихъ непріятелей принадлежала собственно не одному князю и его дружинѣ, въ ней участвовала вся община и для сего имѣла свое городское войско и своихъ предводителей, и въ этомъ отношеніи хотя она дѣйствовала за одно съ княземъ, но только тогда, когда княжія распоряженія были согласны съ волею народа, въ противномъ же случаѣ община оставляла князя, или требовала чтобы онъ дѣйствовалъ по ея желанію²³⁴.

и отъ всѣхъ людей Русскія земля». (Лавр. стр. 20). Здѣсь договоръ прямо говоритъ, что вмѣстѣ съ Княжими посланниками были и посланники отъ народа, отъ Земщины, чего конечно нельзя бы было допустить еслибы народъ былъ побѣжденъ и не добровольно принялъ князя на взаимныхъ условіяхъ равнаго съ равнымъ.

* Объ этой уступкѣ говоритъ В. К. Иванъ Васильевичъ Новгородцамъ въ 1478 году. «И о волостяхъ и о селахъ, чтобъ наша вотчина В. Новгородъ дала намъ волости и села, понеже намъ В. Княземъ Государство свое держати на своей вотчинѣ В. Н. безъ те назвѣ». (Томъ 5, стр. 67).

²³³ О княжескихъ земляхъ часто говорятъ наши дѣтописцы; такъ на примѣръ при осадѣ Святослава Ольговича въ Новгородѣ Сѣверскомъ Мстиславъ Изясловичъ съ своими союзниками послалъ грабить села Игоревы и Святослави. (Ипат. стр.) а еще болѣе встрѣчается упоминаніе о такихъ селахъ въ официальныхъ грамотахъ Московскихъ князей. Или по свидѣтельству Нестора Великой княгини Ольги былъ уступленъ Вышгородъ: «Бѣбо Вышгородъ градъ Возниа». (Лавр. стр. 23).

²³⁴ Такъ на примѣръ когда В. К. Изяславъ Мстиславичъ условялся съ своими союзниками о походѣ на К. Юрія Владимировича Долгорукаго, настойчиво началъ приглашать Кіевлянъ къ этому походу; то они прямо объявили ему: «Княже! ты ся на насъ не гнѣвай, не можемъ на Володимирѣ плечи руки взяти; огня же Ольговичъ, хотя и съ дѣтми». (Ипат. стр.) или прежде при Изяславѣ Ярославичѣ народъ потребовалъ чтобы В. Князь вторично вооружился на Половцевъ; и когда Изяславъ отказался исполнить требованія народа; то Кіевъ объявилъ своимъ Княземъ Всеслава. А Москва оказывала свое неудовольствіе даже Іоанну III во время войны съ Ахматомъ; а Іоаннъ IV даже нашелся въ необходимости созвать соборъ во время войны съ Баторіемъ.

Права земщины очень долго сохраняли свою силу; и князья даже въ переговорахъ и расчетахъ между собою или передъ судомъ ханскимъ во время татарщины признавали голосъ земщины за одно съ голосомъ князей. Такъ въ 1296 году на съѣздѣ во Владимірѣ Переяславцы вмѣстѣ съ Тверскимъ и Московскимъ князьями стояли противъ князей Владимірскаго, Ростовскаго и Ярославскаго (Ник. Т. III. стр. 94), или Новгородцы неоднократно отправляли своихъ пословъ въ Орду, когда туда съѣзжались Русскіе князья.

Таковыя отношенія общины къ Князю условливали ея отношенія къ княжеской дружинѣ. Дружинникамъ, поселеннымъ между общинниками, предстояли двѣ задачи,—или сдѣлаться привилегированнымъ классомъ народа, или слиться съ общинниками. Въ первомъ они никогда не могли успѣть, ибо вся сила ихъ и все вліяніе заключалось въ силѣ и вліяніи князя, которому они служили; князь конечно былъ на ихъ сторонѣ, ему выгодно было поддерживать преданныхъ и вполнѣ зависящихъ отъ него дружинниковъ а, не общину, которая была сильна и самостоятельна; но онъ пѣкоторымъ образомъ самъ зависѣлъ отъ общины, которая могла сказать ему: ты намъ не надобенъ, мы съищемъ другаго князя ²³⁵. Итакъ привилегированность дружинниковъ никогда не могла осуществиться какъ законъ, хотя иногда и осуществлялась на время какъ фактъ ²³⁶. А посему дружинникамъ оставалось слиться съ общиною; но и это было не такъ легко, какъ кажется съ перваго взгляда; лучшимъ свидѣтельствомъ сему служить дружина князей московскихъ, которой при всѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ едва въ триста лѣтъ удалось успѣть въ этомъ. Здѣсь представлялись важныя препятствія.

Родословные и богатые общинники не охотно сближались съ чужеродными и часто иноземными дружинниками, которыхъ терпѣли только по необходимости. Приобрѣтать поземельную соб-

²³⁵ Подобныя выраженія не разъ употребляли Новгородцы, Кіевляне, Галичане, Ростовцы, Полочане и Владимірцы, Нижегородцы, другіе; но не Москвичи.

²³⁶ Такъ напримѣръ въ Кіевѣ при Всеволодѣ Ярославичѣ и Святославѣ Изяславичѣ, во Владимірѣ при Андрѣ Боголюбскомъ; но съ смертію сихъ князей дружинники падали, подвергались мщению оскорбленной земщины, которая грабала ихъ имѣнія, а самихъ вагоняла.

ственность для дружинника было довольно трудно, ибо община не уступала ему ничего, а роды преимущественно старались удерживать свою землю за собою, чему служить доказательствомъ разныя узаконенія о правѣ выкупа родовыхъ вотчинъ родичами; дружинникъ могъ владѣть только землею данною отъ князя, или пользоваться доходами отъ поручаемой ему должности,—кормленіемъ, которое скорѣе отдавало отъ него земщину, а не располагало къ нему. Сами князья для своихъ выгодъ конечно старались о соединеніи общины съ дружиною, но не иначе какъ когда земцы или общинники записывались въ дружинники²³⁷; переходъ друженниковъ, въ земщину явно противорѣчилъ княжескимъ выгодамъ, и князья, не имѣя права удерживать при себѣ свободныхъ дружинниковъ рѣшительно всегда старались по крайней мѣрѣ ограничивать эту свободу допущеніемъ перехода къ другимъ князьямъ, а не къ общинникамъ или земцамъ, чему служить доказательствомъ всѣ договорныя грамоты Московскихъ князей, въ которыхъ постоянно повторяется одно и то же выраженіе: «а боярамъ и слугамъ межѣ насъ вольнымъ воля».

Такимъ образомъ для соединенія дружины съ земщиною оставалось одно только средство,—переходъ земцевъ въ дружину; а это естественно не могло сдѣлаться скоро, ибо земщина должна была дорожить своею самостоятельностью, и князь не могъ представить столько выгоды, чтобы вся земщина, отступаясь отъ своихъ правъ и безусловно перешла въ его службу; частные случаи таковыхъ переходовъ могли быть нерѣдки по неудовольствіямъ народичей или по другимъ расчетамъ; но они мало имѣли вліянія на цѣлую земщину, и дѣйствіе ихъ такъ было слабо и медленно, что ни въ одномъ княжествѣ Руси, кромѣ Москвы, не совершилось полнаго поглощенія земщины дружиною, и даже въ нѣкоторыхъ произошло противное, дружина перешла на сторону земщины, и тѣмъ погубила своихъ князей, а вмѣстѣ съ князьями и самостоятельность княженій; такъ это было въ Нижнемъ

²³⁷ Такъ В. К. Иванъ Васильевичъ защищалъ Новгородскихъ бояръ перешедшихъ въ его службу, его посланники прямо говорили Новгородскимъ боярамъ и народу «о боярехъ Новгородскихъ, и о дѣтѣхъ боярскихъ которые служатъ В. Князю, чтобъ имъ не метити на которую хитростію». (Тат. кн. 5, стр. 70).

Новгородѣ, * Смоленскѣ, ** въ Твери, Рязани и въ некоторыхъ другихъ княженіяхъ, которыя все покорились Москвѣ или Литвѣ²³⁸.

Для поглощенія земщины княжескою дружиною, кромѣ продолжительности времени, необходимыми условіями были: 1) богатство князя и постоянный успѣхъ въ предпріятіяхъ, отъ чего быстро увеличивалась дружина, ибо къ богатому, ласковому и счастливому князю болѣе собиралось охотниковъ служить; 2) постоянное удерживаніе власти въ одномъ княжескомъ домѣ, и особенно переходъ власти отъ отца къ сыну, а не отъ брата къ брату; ибо такимъ образомъ земщина постепенно сживалась и съ князьями и съ ихъ дружинниками, которые росли на ея глазахъ, и мало-по-малу рождались съ нею. Оба сіи условія очень удачно соединились въ домѣ Даніила Александровича, родоначальника Московскихъ великихъ князей: самъ Даніиль успѣлъ соединить съ Москвою сильное Переяславское княжество, причемъ получилъ огромныя богатства, собранныя тамошнимъ княжескимъ родомъ; сынъ его Юрій покорилъ Коломну и Можайскъ, которыя доставили ему много земель для раздачи дружинникамъ въ помѣстья, а второй сынъ Даніиловъ Іоаннъ Калита такъ уже былъ богатъ сокровищами собранными отцомъ и братомъ и полученными въ добычу изъ разграбленной Твери, что могъ покупать не только села, но и цѣлые города, которые раздавалъ въ помѣстное и вотчинное владѣніе своимъ дружинникамъ; къ нему стекались на службу не только изъ всѣхъ краевъ Руси, но изъ другихъ земель. Преемники Калиты также постоянно увеличивали свои богатства, и тѣмъ болѣе и болѣе привлекали къ себѣ дружинниковъ, такъ что нечувствительно ихъ дружина если не превзошла,

* Въ той же лѣтописи подъ годомъ 1301 К. Борисъ Константиновичъ Нижегородскій проситъ своихъ бояръ чтобы они защитили его отъ Московскаго князя, но тѣ сложили съ земщиною Нижегородскою измѣнили ему и передали городъ и князя В. К. Василію Дмитріевичу Московскому. Причемъ Московскіе бояре начали дѣло съ земщиною и вступивъ въ городъ собрали народъ колокозничьямъ звономъ на площадь (ibidem, стр. 240—41).

** О завоеваніи Смоленска Никои. лѣтописъ говоритъ подъ 1404 годомъ. «Князю Юрью Святославовичу Смоленскому еще на Москвѣ сущу, а измѣнницы его Смоленскіи бояре, вражду злу сотворивша послаша гайно къ Витовту глаголюще: скоро прииди подъ Смоленскъ». (Ник. IV, стр. 309.)

²³⁸ Соб. Г. Г. и Д. № 23.

то по крайней мѣрѣ уравнилась съ земщиною какъ въ числѣ, такъ и въ богатствѣ владѣній. Домъ Данила Александровича не менѣе былъ счастливъ въ непосредственномъ вліяніи на земщину. Въ немъ въ первые сто лѣтъ не было междоусобныхъ войнъ дядей съ племянниками; * Москва постоянно переходила сперва отъ старшихъ бездѣтныхъ братьевъ къ младшимъ—отъ Юрія къ Іоанну, отъ Симеона къ другому Іоанну, а потомъ отъ отцовъ къ старшимъ сыновьямъ. Московская земщина въ продолженіи всего этого времени не имѣла ни одного случая, гдѣ бы могла принять роль посредника между своими князьями, или гдѣ бы встрѣтилась съ новою княжескою дружиною. Она въ это время участвовала во всѣхъ военныхъ походахъ своихъ князей, и послѣ каждой войны болѣе и болѣе привязывалась къ нимъ, ибо всѣ войны оканчивались счастливо, и съ одной—стороны обогащали земщину участіемъ въ добычѣ, а съ другой—льстили ея самолюбію; она гордилась видя какъ князья старѣйшихъ земщинъ сгибались передъ ея князьями, и какъ знаменитѣйшіе города Руси постепенно другъ за другомъ становились въ разрядъ Московскихъ областей. Все это такъ привязывало Московскую земщину къ дому Данила, что Москва считала этотъ домъ для себя роднымъ, и готова была пожертвовать всѣмъ для его благоденствія, что и доказывала во многихъ случаяхъ. Такъ десятилѣтній Дмитрій Ивановичъ Донскій въ 1363 году изгналъ Дмитрія Константиновича Суздальскаго изъ Владимира, смирилъ Ростовскаго князя Константина, выгналъ изъ княженій князей Галицкаго и Стародубскаго единственно стараніями Московскихъ бояръ, которые рады были случаю торжествовать надъ князьями другихъ городовъ. (Тат. IV, 198). Но эта любовь и привязанность Московской земщины къ своему княжескому дому далеко еще не была безусловною покорностію и совершеннымъ отступничествомъ отъ своей самостоятельности. Княжая дружина и Московская земщина хотя дружно и ревностно служили однимъ и тѣмъ же князьямъ, но еще не составляли одного нераздѣльнаго цѣлаго: каждая имѣла свои частные интересы, и

* Въ продолженіе первыхъ ста лѣтъ лѣтписи только одинъ разъ замѣтили несогласіе между Московскими князьями: въ 1305 году при Юрьѣ Даниловичѣ. Но и тутъ дѣло не доходило до войны, младшіе братья Юрьевы только отѣхали въ Тверь къ его сопернику Михаилу, и вѣроятно жили тамъ недолго, ибо въ 1314 году одного изъ нихъ Аванасія мы уже видимъ участникомъ въ Юрьевомъ походѣ въ Новгородъ (Иск. III, стр. 104 и 109).

представители земщины земскіе бояре еще долго отличались отъ бояръ дружинниковъ, и наши лѣтописи перѣдко отличали ихъ даже особымъ именемъ *вельможь*. Такъ у Татищева подъ годомъ 1351 этимъ именемъ представители Муромской земщины отличены отъ бояръ княжескихъ. У него сказано: «Князь Юрій Ярославичъ Муромскій обнови градъ и постави дворъ свой во градѣ; также и бояре его, вельможи и купцы и черные люди поставиша дворы своя» (IV. 171); или въ Никоновской лѣтописи также отличены земскіе бояре отъ княжихъ подъ тѣмъ же годомъ: «Митрополитъ Феогностъ посовѣтовавъ съ сыномъ своимъ съ В. Кн. Семеномъ Ивановичемъ и съ бояры и съ вельможи и послаша послы своя въ Царьградъ» (Ник. III, стр. 201); или подъ 1353 годомъ: «Рязанцы взяша Лопасню, вельможи и намѣстника В. Князя измаше». (Тат. IV, 177). По этому Московскіе князья постоянно должны были вести себя съ большою осторожностію, и постепенно и незамѣтно уничтожать различіе между дружиною и земщиною и мало-по-малу ограничивать тѣ права земцовъ, которыя были не согласны съ великокняжескою властію. Такъ еще Симеонъ Иоанновичъ Гордый старался ограничить право перехода земскихъ бояръ отъ одного князя къ другому. Въ его договорной грамотѣ съ братьями, писанной въ 1341 году, сказано: «А что Алексѣй Петровичъ вшелъ въ карому къ великому князю, намъ князю Ивану и князю Андрею къ собѣ его не примати, ни его дѣтій и не надѣяться ныего къ собѣ до Алексѣева живота, волень въ немъ В. Князь и въ его женѣ и въ его дѣтехъ»²³⁹. Но эта попытка, какъ несвоевременная и неудачная, была оставлена, и до самаго В. К. Ивана Васильевича III мы уже болѣе не встрѣчаемъ подобныхъ ограниченій, ибо князья болѣе находили выгоду въ свободномъ переходѣ бояръ особенно земскихъ. Людей же нужныхъ и полезныхъ они умѣли перезывать къ себѣ опять, хотя бы даже они оставили Московскую службу вслѣдствіе какихъ-либо неудовольствій. Такъ напр. В. К. Іоаннъ Иоанновичъ въ 1358 году перезвалъ къ себѣ двухъ Московскихъ бояриновъ изъ Рязани, которые десять лѣтъ тому назадъ оставили Москву по случаю насильственной смерти Московскаго тысяцкаго Алексѣя Петровича²⁴⁰. Къ числу важныхъ ограниченій, которыя Московскіе князья вво-

²³⁹ Собр. Г. Г. и Д. Т. I, № 23.

²⁴⁰ Татищ. Т. IV, стр. 185.

дили постепенно для стѣсненія земщины, безъ сомнѣнiя принадлежить уничтоженiе должности Московскаго тысяцкаго, который представлялъ главу земщины, и нѣкоторымъ образомъ пренятствоваль полному развитiю великокняжеской власти. Важность и большое значенiе должности земскаго тысяцкаго доказываютъ два случая записанные въ нашихъ лѣтописяхъ. Въ 1348 году, узнавши о насильственной смерти Московскаго тысяцкаго Алексѣя Петровича, народъ возмутился, сравниваль смерть его съ смертiю В. К. Андрея Боголюбскаго, многiе же изъ бояръ бѣжали въ Рязань съ женами и дѣтьми²⁴¹. А въ 1374 году, когда по смерти послѣдняго Московскаго тысяцкаго Василья Вельяминова В. К. Дмитрiй Иоанновичъ уничтожилъ званiе Московскаго тысяцкаго, то сынъ Василiевъ самовольно назывался тысяцкимъ и бѣжалъ въ Тверь, откуда съ согласiя тамошняго князя отправился въ Орду вѣроятно съ жалобою на Дмитрiя²⁴². Но подобныя жалобы уже потеряли свое значенiе: ханы болѣе не имѣли прежняго могущества и ничего не могли сдѣлать сильному Московскому князю, и мятежный самозванецъ тысяцкiй былъ посланъ и привезенъ въ Москву, гдѣ его публично казнили на Кучковѣ полѣ; причемъ Московская земщина заплатила обильными слезами своему неблагоприятному заступнику. Что со смертiю Василья Вельяминова уничтожена должность собственно Московскаго земскаго тысяцкаго и что бѣжавшiй въ Тверь сынъ его, Иванъ, добивался и стоялъ только за это земское тысяцтво, а не за другое какде, это ясно свидѣтельствуеть распоряженiе самого Дмитрiя Иоанновича, который сперва далъ должность великокняжескаго тысяцкаго второму Васильеву сыну Николаю²⁴³, а потомъ и меньшому его брату Тимоѣю, о которыхъ обоихъ упоминается въ нашихъ лѣтописяхъ подъ 1380 годомъ, гдѣ они названы именно великокняжескими тысяцкими, а не московскими, какъ назывался ихъ отецъ²⁴⁴. Вскорѣ по

²⁴¹ «Убиенъ бысть, яко же К. В. Андрей Боголюбскiй отъ Кучковичевъ, и бысть мятежь великiя на Москвѣ убивства того ради; тояжь зимы по послѣднемъ пути большiе бояре Московскiе отбѣхаша на Рязань съ женами и съ дѣтьми». (Никон. лѣт. Т. IV,

²⁴² Татищ. Т. IV, стр. 232.

²⁴³ Въ 1380 году передъ войною съ Мамаемъ: «Въ малѣ же бысть тихость отсюду и Великому Князю бывицу на пиру у Микулы Васильевича тысяцкаго съ братомъ своимъ княземъ Володимеромъ Андреевичемъ, и со всѣми тогда пришедшими шлзп и посовды, и се пакы придоша вѣсти». (Тат. Т. IV, стр. 268).

²⁴⁴ При описанiи битвы съ Мамаемъ въ 1380 году сказано: «Князь бо Глѣбъ,

уничтоженіи должности земскаго тысяцкаго уничтожено и званіе отдѣльныхъ земскихъ воеводъ, и земская рать передана подъ начальство княжескихъ боярѣ. Еще при В. К. Дмитріѣ Іоанновичѣ Донскомъ Московская городская рать имѣла своихъ воеводъ. Такъ въ 1380 году на битву съ Мамаемъ ее велъ сынъ покойнаго тысяцкаго Тимошей Васильевичъ²⁴⁵. Или въ договорной грамотѣ Донскаго съ Кн. Владимиромъ Андреевичемъ, писанной въ 1388 году, сказано: «а Московская рать, кто ходилъ съ воеводами, тѣ и пощѣча съ воеводами, а намъ ихъ не примати»²⁴⁶. Но съ Василья Дмитріевича во всѣхъ уже договорныхъ грамотахъ повторяется одинаковое выраженіе: «а Московская рать ходитъ съ моимъ воеводою,» (т.-е. великокняжескимъ)²⁴⁷. Впрочемъ съ отмѣною отдѣльныхъ полузависящихъ отъ Князя земскихъ воеводъ не уничтожилось существованіе отдѣльной земской или городской рати не причастной къ великокняжескому двору или дружинѣ. Мы ее встрѣчаемъ еще въ полной силѣ при В. К. Иванѣ Васильевичѣ III-мъ²⁴⁸, а слѣды ея оставались до позднѣйшаго времени въ такъ называемой службѣ съ *городомъ*, которая постоянно является во всѣхъ разрядныхъ книгахъ вплоть до преобразования Русскаго войска, сдѣланнаго Петромъ Великимъ. Но тѣмъ не менѣе уничтоженіемъ должности земскаго тысяцкаго и отмѣною городскихъ воеводъ сдѣланъ былъ сильный ударъ земщинѣ: лучшія и богатѣйшія земскія фамиліи, не находя болѣе въ земской службѣ должностей имѣющихъ важное значеніе, волей-неволей должны были переходить въ великокняжескую дружину,

Брянскіи и тысяцкіи Великаго Князя Тимоѣи Васильевича храбрии и сильнии зѣло крѣще быющеи и не дающе Татаромъ одолѣвати». (Татищевъ. Томъ IV, стр. 280).

²⁴⁵ Тамъ же, стр. 273.

²⁴⁶ Соб. Г. Г. и Д. Т. I, № 33.

²⁴⁷ Тамъ же № 35. Догов. грам. В. К. Василья Дмитріевича съ К. Владимиромъ Андреевичемъ, 1389 года, № 45. Догов. Гр. В. К. Василья Васильевича съ Кн. Васильемъ Ярославичемъ Боровскимъ 1433 года, № 78. Догов. Гр. его же и съ нимъ же 1451 года № 84; его же съ нимъ же въ 1456 году.

²⁴⁸ Такъ, напримѣръ, у Татищева подъ 1468 годомъ сказано: «Юня 4, изъ Новгорода Нижнего застава Вел. Князл, Князь Фѣдоръ Хрипуновъ съ Москвичи подоша на Волгу». (Кн. V, стр. 5). Или подъ 1470 годомъ: «По велкомъ дни на другой недѣлѣ послать В. Князь на Казанскія мѣста рать въ судѣхъ, воеводу Константина Беззубцева Александровича, а съ нимъ многіе».

дабы вовсе не лишиться вѣсу и уваженія въ народѣ и у Князя. Послѣдствія такого порядка дѣлъ лучше всего высказались при преемникѣ Василья Дмитріевича, сынѣ его Васильѣ Васильевичѣ, во время продолжительныхъ и упорныхъ войнъ его съ своимъ дядею Юріемъ Дмитріевичемъ и его сыновьями. Москва такъ крѣпко держалась за своего молодого Князя, что ни малолѣтство его, ни превратности военнаго счастья—ничто не могло отдѣлить Москвичей отъ Василія. Москва нѣсколько разъ переходила то къ Юрію, то къ его сыновьямъ; но немосковскіе Князья ни разу не могли удержаться въ ней, Москвичи толпами шли къ своему Великому Князю, то въ Коломну, то на Бѣлоозеро, то въ Тверь, они почти только своими собственными средствами всегда успѣвали возвращать къ себѣ своего прирожденнаго Государя. Конечно такого дружнаго дѣйствія княжеской дружины и Городской земщины нельзя бы было ожидать, ежели бы дальновидный Василій Дмитріевичъ не успѣлъ воспользоваться любовью народа къ своему дому и не соединилъ интересовъ лучшихъ земскихъ фамилій съ интересами собственной дружины и слѣдовательно съ своими и своихъ потомковъ. Преемники Василія, вѣроятно руководимые своими дружинниками, которые видѣли въ томъ свою пользу, продолжали идти по проложеннымъ слѣдамъ, и до того привязали къ себѣ Московскую земщину, что безъ всякаго опасенія могли дать ей одинакое значеніе съ дружиною, и до того возвысить ее передъ другими земщинами, что служить по Московскому списку для всѣхъ дружинниковъ другихъ князей и для земщинъ иныхъ городовъ считалось уже привилегією и высшимъ почетомъ. Московскіе Князья, принимая къ себѣ въ службу другихъ князей, ихъ дружинниковъ и бояръ изъ иныхъ городовъ, уже записывали ихъ по Московскому списку, а не по своему двору, какъ бывало прежде. Такимъ образомъ, не уничтожая Московской земщины, Московскіе государи безъ шума и безъ споровъ сдѣлали ее вѣрнѣйшимъ и надежнѣйшимъ орудіемъ для распространенія своей власти и для покоренія земщинъ другихъ городовъ Руси, которыя, правду сказать, видя умѣнье Московскихъ князей жить въ согласіи съ своею земщиною, за небольшими исключеніями почти не оказывали сильнаго сопротивленія; такъ что Московскому князю стоило только захватить или выгнать какого князя изъ его владѣній, и тамошняя земщина спѣшила присоединиться къ Москвѣ.

Ближайшимъ слѣдствіемъ такого порядка дѣлъ было то, что земщина и Княжая дружина нечувствительно очутились при

одинаковыхъ правахъ, и только нѣкоторая разница осталась въ томъ отношеніи—принадлежалъ ли кто къ Московской или къ иногородной земщинѣ. А посему важнѣйшій вопросъ при изслѣдованіи различія правъ разныхъ жителей Московскаго государства состоитъ не въ показаніи, кто принадлежалъ къ дружинѣ или земщинѣ, но въ томъ, какъ раздѣлялись всѣ жители по классамъ или сословіямъ въ отношеніи ихъ обязанностей къ Государю и Государству. Въ этомъ отношеніи всѣ жители Московскаго Государства раздѣлялись на два общіе разряда, на *служилыхъ* и *не служилыхъ людей*. Служилые постоянно состояли на службѣ, и по первому требованію должны были являться туда, куда укажетъ Государь, безъ различія, была ли назначаемая служба гражданская, или военная, или придворная; неслужилые же занимались различными промыслами, и смотря по промысламъ и капиталамъ платили государственныя подати и отправляли разные повинности; они также иногда требовались въ военную и гражданскую службу; но это всегда бывало только на извѣстные и опредѣленные случаи, и большею частію по выборамъ, производимымъ самими неслужилыми людьми между собою.

Быть служилымъ или неслужилымъ зависѣло отъ собственнаго произвола каждаго; каждый житель Московскаго государства, пока не причислился къ какому-либо извѣстному классу, обыкновенно назывался *вольнымъ Государевымъ человекомъ*²⁴⁹. Но такъ какъ Государство таковымъ вольнымъ людямъ не давало никакихъ правъ, кромѣ права личной безопасности, то естественно каждый стремился для обезпеченія своего существованія причислиться къ какому-либо классу, и обыкновенно поступалъ въ тотъ классъ, въ который его принимали, т.-е. или дѣлался земледѣльцомъ, или какимъ-либо промышленникомъ, или служилымъ человекомъ, или поступалъ въ кабалу къ частному лицу; и смотря по тому принималъ на себя тѣ или другія обязанности въ отношеніи къ Государству, и вмѣстѣ съ тѣмъ уже свободно пользовался правами, принадлежащими тому или другому классу. Разумѣется крѣпостные люди не могли имѣть такого выбора, они составляли собственность своихъ владѣльцевъ.

Самыми старшими классами служилыхъ людей въ Московскомъ государствѣ, по свидѣтельству древнихъ официальныхъ гра-

мочь, были бояре, слуги, ордынцы и дѣти. Объ нихъ въ первый разъ упоминается въ договорной грамотѣ Симеона Иоанновича Гордаго съ братьями, писанной въ 1341 году; потомъ со времени В. К. Василья Васильевича между служилыми людьми являются боярскіе дѣти, о которыхъ въ первый разъ упоминаетъ договорная грамота В. К. Василья Васильевича съ К. Васильемъ Ярославичемъ, писанная въ 1433 году. И наконецъ съ Царя Ивана Васильевича начинаютъ упоминаться въ разныхъ официальныхъ актахъ дворяне какъ представители перваго класса служилыхъ людей, и далѣе, стрельцы, казаки, затинщики, воротники, плотники, пушкары, кузнецы и другіе.

Всѣ служилые люди принимались правительствомъ въ двоякомъ отношеніи: съ одной стороны оно смотрѣло на нихъ какъ на жителей известной области или уѣзда и вслѣдствіе этого признавала въ нихъ известныя права и обязанности наравнѣ съ прочими жителями той же области; а съ другой стороны оно видѣло въ нихъ только людей обязанныхъ известною службою и съ определенными правами службы.

(Объ обязанностяхъ и правахъ службы мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ; теперь же займемся общимъ обзоромъ правъ и обязанностей принадлежащихъ служилымъ людямъ какъ жителямъ известной области или уѣзда.)

Въ этомъ отношеніи служилые люди принимались въ счетъ жителей уѣзда не по службѣ своей, а по владѣніямъ и землямъ имъ принадлежащимъ, по которымъ они и состояли судомъ и управою въ вѣдомствѣ начальниковъ уѣзда, и тянули въ дань и другія повинности вмѣстѣ съ неслужилыми земскими людьми. Вотъ на это свидѣтельство духовной грамоты К. Владимира Андреевича, писанной въ 1410 году: «А боярамъ и слугамъ судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живетъ³⁵⁰. Службу же свою они несли не по отношенію къ мѣсту жительства, но по особымъ условіямъ сдѣланнымъ съ тѣмъ или другимъ княземъ, за которымъ и должны были идти по первому требованію; впрочемъ въ случаѣ нападенія непріятелей на тотъ уѣздъ гдѣ находились владѣнія служилыхъ людей, они должны были защищать его наравнѣ съ прочими жителями, хотя бы этотъ уѣздъ принадлежалъ и не тому

князю, которому они служатъ. Такъ договорная грамота В. К. Василья Дмитриевича съ Кн. Андреемъ и Петромъ Дмитриевичами говорить: «А боярамъ в слугамъ межи насъ вольнымъ воля. А хто которому князю служить, гдѣ бы ни былъ, полѣсти ему съ тѣмъ княземъ, которому служить; а городская осада, гдѣ кто живеть тому туто и съести»²⁵¹. Таковое двойное отношеніе служилыхъ людей и по службѣ и по имѣнію получило свое начало въ правѣ ихъ свободнаго перехода отъ одного князя къ другому. Князья, имѣя свои расчеты въ дозволеніи свободнаго перехода, въ это же время должны были обезпечить неприкосновенность территоріи своихъ княжений, дабы не поставить ее въ зависимость отъ произвола частныхъ лицъ. А посему въ народномъ Русскомъ правѣ составилось общее правило, постоянно и неизмѣнно имѣвшее свою силу во всѣхъ договорныхъ грамотахъ между князьями, состоящее въ томъ, что *переходъ служебнаго лица отъ одного князя къ другому не простирается на недвижимую собственность переходившаго, и съ тѣмъ, вмѣстѣ хозяинъ недвижимой собственности не лишается на нее своихъ правъ, несмотря на то, что перешелъ въ службу къ другому князю*. Это общее правило наблюдалось отъ древнѣйшихъ временъ вплоть до совершеннаго прекращенія удѣловъ. Для удостовѣренія я представлю здѣсь свидѣтельство двухъ договорныхъ грамотъ, принадлежащихъ къ двумъ крайнимъ точкамъ Московскаго удѣльнаго періода. В. К. Симеонъ Иоановичъ Гордый въ своей договорной грамотѣ съ братьями, писанной въ 1341 году, говорить: «А по животѣ кто изъ бояръ и слугъ иметь служити у нашихъ княгинь и удѣтей . . . не любя не держати, ни посягати безъ исправы, но блюсти какъ и своихъ»²⁵². Почти то же повторяеть и одинъ изъ послѣднихъ удѣльныхъ князей Владимиръ Андреевичъ, почти уже лишенный владѣтельныхъ правъ Царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Онъ въ своей записи, писанной въ 1554 году, говорить: «А которые бояре и дьяки и дѣти боярскіе и слуги сына твоего учуть жити въ моей княжѣ Володимировѣ отчинѣ, на своихъ отчинныхъ замзяхъ и на купляхъ; и мнѣ ихъ блюсти какъ и своихъ людей»²⁵³. Въ этихъ двухъ актахъ указанія, на двойное отношеніе служилыхъ людей по службѣ и владѣніямъ, выражены не совсѣмъ полно; по

²⁵¹ Ibid. № 37.

²⁵² Собр. Гос. Гр. и Дог. Т. I. № 23.

²⁵³ Тамъ же № 169.

они здѣсь приведены только для опредѣленія границъ времени, когда дѣйствовало право перехода служилыхъ людей съ сохраненіемъ правъ на недвижимыя имѣнія, оставшіяся во владѣніяхъ государя, отъ котораго хозяинъ переходилъ въ службу другаго князя. Полное же и ясное выраженіе права перехода и двойкаго отношенія служилыхъ людей по службѣ и по владѣніямъ можно видѣть въ любой договорной грамотѣ, относящейся къ среднимъ Московскаго удѣльнаго періода. Для примѣра я здѣсь представляю свидѣтельство договорной грамоты В. К. Василья Васильевича съ Княземъ Михаиломъ Андреевичемъ Можайскимъ, писанной въ 1448 году. Въ этой грамотѣ ясно и опредѣленно сказано: «А кто иметь жити твоихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и слугъ въ моей вотчинѣ въ великомъ княженіи: и мнѣ ихъ блюсти какъ и своихъ. А кто иметь жити моихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и слугъ въ твоей вотчинѣ и тебѣ ихъ блюсти какъ и своихъ. А кто которому князю служить, гдѣ бы ни жилъ, тому съ тѣмъ и ѣхати, которому служить. А городная осада гдѣ кто живетъ, тому туто и съести, опрочѣ бояръ введенныхъ и путниковъ. А бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля».²⁵⁴ Такимъ образомъ двойкое отношеніе служилыхъ людей по службѣ и по владѣніямъ имѣло своимъ основаніемъ чисто политическое начало, образовавшееся и развившееся въ продолженіе Московскаго удѣльнаго періода; но оно пережило удѣльный періодъ и продолжало существовать и во время единовластія Московскихъ Государей до самаго Петра Великаго; только изъ политическаго начала оно преобразилось въ общее административное правило,— *не смѣшивать условій службы съ условіями владѣнія*. А посему при царѣ Иванѣ Васильевичѣ, при его сынѣ Феодорѣ, даже при Михаилѣ Феодоровичѣ и въ первые годы царствованія Петра Великаго, мы не рѣдко встрѣчаемъ въ грамотахъ, что люди, по разрядамъ службы состоящіе по Переяславлю, Бѣлуозеру, Москвѣ, или другому какому городу, судомъ и управою и разными повинностями по мѣсту жительства и по имѣніямъ тянутъ къ Дмитрову, Владимиру, Коломнѣ или другимъ городамъ. Даже въ самомъ управленіи отношенія по службѣ были въ разныхъ вѣдомствахъ съ отношеніями по владѣніямъ; всѣ расчеты по службѣ находились въ вѣдомствѣ разряднаго приказа, который вель чередъ службы

по разряднымъ книгамъ; расчеты же по владѣнію состояли въ вѣдѣніи помѣстнаго приказа или которой либо четверти, которыя вели свои счеты по писцовымъ, окладнымъ и смѣтнымъ книгамъ тѣхъ городовъ, въ уѣздѣ которыхъ находились недвижимыя имѣнія служилыхъ людей. Иногда правительство дѣлало попытки ограничивать и даже не допускать права владѣнія недвижимымъ имѣніемъ, ежели приобретатель не состоялъ на службѣ по тому городу, къ которому было приписано имѣніе. Такъ въ соборномъ приговорѣ 1551 года сказано: «И впредь въ Твери и въ Микулинѣ, на Бѣлѣозерѣ, и на Рязани, и въ Оболенску иногородцомъ вотчинъ и купель не продавати»³⁵⁵. Но эти попытки не имѣли всеобщаго успѣха и не распространялись на всѣ земли Московскаго Государства, и отношенія по службѣ оставались по прежнему отдѣльными отъ отношеній по владѣніямъ или мѣсту жительства.

Первымъ классомъ служилыхъ людей были бояре. Этимъ именемъ въ нашихъ древнихъ официальныхъ памятникахъ первоначально означалось вообще все высшее первенствующее сословіе служилыхъ людей въ государствѣ, а не чинъ или должность, данная тому или другому лицу. Боярами назывались вообще всѣ знаменитѣйшія и богатѣйшія фамиліи безъ различія—состояли ли онѣ въ службѣ дружинной или земской. Поэтому боярство было собственно родовымъ исконнымъ достоинствомъ извѣстныхъ фамилій и родовъ безъ всякаго отношенія къ степенямъ служебной іерархіи; каждый представитель боярскаго рода безъ различія, старшій или младшій, былъ уже бояриномъ, какъ скоро поступалъ въ службу. Такъ на примѣръ въ договорной грамотѣ В. К. Василія Дмитріевича съ К. Владимиромъ Андреевичемъ, писанной въ 1389 году, сказано: «А коли ми послати своихъ воеводъ изъ которыхъ городовъ, и твои бояре поѣдутъ съ твоимъ воеводою»³⁵⁶. Здѣсь прямо и ясно названо боярами цѣлое служилое сословіе, которому назначался особый княжескій воевода. Или у Татищева подъ годомъ 1369 сказано: «Олгердъ дойде рѣки Тростны и тамо изби сторожевой полкъ В. Князя Дмитрія Ивановича, заставу Московскую и князи и воеводъ и бояръ всѣхъ поби». Или тамъ же подъ 1372 годомъ: «Князь Михайло Александровичъ Тверскій пойде ратию

³⁵⁵ Ак. Ар. Эк. Т. I. № 227.

³⁵⁶ Собр. Г. Гр. и Д. т. I. № 35.

къ Дмитрову и взя съ града окупъ, а посады, власти и села позже, а бояръ и людей изымавъ привесть во градъ Тверь» (стр. 224. томъ IV.) Еще раньше подобное свидѣтельство встрѣчаемъ въ Никоновской лѣтописи, гдѣ подъ 1370 годомъ сказано: «А Князь Великій Дмитрей Юанновичъ Московскій по всемъ градамъ бояре и черные люди привесть къ цѣлованью не давати съ В. Князю Михайлу Александровичу Тверскому»²⁵⁷. Лѣтописецъ прямо противопоставляетъ сословіе бояръ сословію черныхъ людей, и съ тѣмъ вмѣстѣ указываетъ на городскихъ или земскихъ бояръ не принадлежавшихъ къ княжеской дружинѣ, о которыхъ еще яснѣе свидѣтельствуется уставная Двинская грамота В. К. Василья Дмитриевича, данная въ 1398 году, въ ней сказано: «Пожаловалъ есмь бояръ своихъ Двинскихъ, также сотскаго, и всехъ своихъ черныхъ людей Двинскіе земли. Коли кого пожалую своихъ бояръ, пошлю намѣстникомъ къ нимъ въ Двинскую землю, или кого пожалую намѣстничествомъ изъ Двинскихъ бояръ, и мой намѣстницы ходятъ по сей моей грамотѣ Великаго Князя»²⁵⁸.

Происхожденіе бояръ относится къ глубочайшей древности и было общимъ у всехъ славянскихъ народовъ. Собственно въ Россіи боярство появилось и развилось какъ необходимое слѣдствіе родового и общиннаго быта нашихъ предковъ. Все древніе Русскіе города первоначально были общинами, составленными изъ нѣсколькихъ родовъ. Въ этихъ общинахъ каждый родъ имѣлъ своихъ старшинъ, первенствующихъ представителей въ семействахъ своихъ родоначальниковъ; и изъ этихъ представителей родовъ первоначально составились земскіе или городовые бояре,²⁵⁹ которые въ нашихъ лѣтописяхъ въ древнѣйшія времена назывались *нарочитыми лучшими мужами державшими землю*²⁶⁰. Съ принятіемъ въ нашихъ городахъ Варяго-Русскихъ князей въ одну категорію съ земскими боярами стали знаменитѣйшіе княжіе дружинники, называвшіеся прежде мужами княжескими.²⁶¹ Названіе это скоро впрочемъ

²⁵⁷ Ник. лѣт. т. IV, стр. 28.

²⁵⁸ Ак. Ар. Эл. т. I, № 13.

²⁵⁹ Моя статья о городахъ помѣщенная въ Журналѣ Минист. Нар. Просв. 1848 г. № 2 объясняетъ этотъ предметъ во всей подробности.

²⁶⁰ Лавр. лѣт. стр. 24.

²⁶¹ Ibid. стр. 9, 10, 13 и 19.

перешло въ названіе бояръ. Такъ уже въ Игоревомъ договорѣ съ Греками, вмѣсто *мужей* употреблено *бояре*, гдѣ послы Русскіе говорятъ Грекамъ: «И великій князь нашъ Игорь и бояре его, и людьє вси русѣи послаша ны» ²⁶². Въ послѣдствіи времени бояре дружинники пополнялись новыми пришельцами изъ разныхъ странъ, которые поступали въ ряды княжихъ бояръ или по знаменитости своего происхожденія и по известной славѣ въ бояхъ и совѣтѣ, или по особеннымъ заслугамъ, оказаннымъ Князю. Въ Московскомъ государствѣ бояре искони составляли главныхъ и всегда готовыхъ защитниковъ страны, они обыкновенно были и первыми воинами и главными совѣтниками князей и въ то же время надежными и вѣрными исполнителями княжескихъ приказаній въ дѣлахъ суда и расправы ²⁶³. Войско Московскихъ великихъ князей рѣшительно состояло изъ однихъ бояръ, которые вмѣстѣ съ собою приводили на службу и своихъ людей, съ своимъ оружіемъ и запасами: каждый бояринъ выводилъ съ собою вооруженныхъ людей, смотря по своимъ владѣніямъ и по помѣстнымъ землямъ, даннымъ отъ Князя. Вѣдъ военной службы бояре отправляли высшія придворныя должности: конюшихъ, ловчихъ, ключниковъ и другихъ; знаменитѣйшіе изъ бояръ засѣдали въ княжескомъ совѣтѣ, ²⁶⁴ а другіе управляли разными городами и областями подъ именемъ воеводъ и намѣстниковъ: въ эти должности иногда назначались и земскіе бояре, какъ мы уже видѣли въ вышеприведенной Двинской уставной грамотѣ 1398

²⁶² Ibid. стр. 20.

²⁶³ Собр. Г. Г. и Д. т. I. № 36 и 44.

²⁶⁴ Князья во всѣхъ своихъ дѣлахъ постоянно держали совѣтъ съ боярами. На это наши лѣтописи представляютъ множество свидѣтельствъ: Такъ по лѣтописамъ приводимымъ у Татищева значится подъ 1368 годомъ: «Князь же Великій разумѣ яко недобрѣ бояре его о Князѣ Михаилѣ совѣтоваша: (стр. 212) или подъ 1366 годомъ: Князь же Великій Дмитрій Ивановичъ совѣтоваше со Княземъ Владимиромъ Андреевичемъ и со всеми своими старѣйшими бояры ежебы ставити градъ Москву каменный» (стр. 206); или подъ годомъ 1378: «той же (Митай) по совѣту В. Князя Дмитрія Ивановича и бояръ его остави архимандритію выде во дворѣ митрополичь» (стр. 245); или подъ 1389 годомъ: В. К. Дмитрій Ивановичъ въ завѣщаніи къ дѣтямъ говоритъ: «Бояръ же своихъ любите, честь имъ достойную воздавайте противу дѣла коеюждо; безъ ихъ думы ничто же творите»: (стр. 350.) Или еще раньше В. Князь Симеонъ Ивановичъ Гордый въ своей духовной грамотѣ, писанной въ 1353 году, говоритъ своимъ братьямъ: «а слушадыбы есте отна нашего владыки Олексеѣя, такожде старыхъ бояръ кто хотеть отцу нашему и намъ добра». (Собр. Г. Г. и Д. т. I. № 24.)

года. Иные изъ боярѣ посылались въ области для надзора за княжескими доходами съ какихъ-либо извѣстныхъ статей, и тогда они вообще назывались *путниками* или *боярами путными*,²⁶⁵ и въ частности по статьямъ доходовъ они носили названіе боярина *конюшого пути*, или *ключника съ путемъ*, или *ловчого съ путемъ* и подоб. Наконецъ еще князь иногда посылать боярѣ для суда и расправы въ частныхъ дѣлахъ по жалобамъ в челобитьямъ частныхъ лицъ или обществъ мимо намѣстниковъ и волостелей, и тогда они обыкновенно назывались *боярами или судьями введенными*²⁶⁶.

Бояре въ отношеніи къ службѣ пользовались большими правами: 1. Они какъ люди совершенно свободные могли безпрепятственно перемѣнять службу и переходить отъ одного князя къ другому, что, какъ мы уже видѣли, подтверждалось всѣми договорными грамотами князей другъ съ другомъ; изъ иныхъ грамотъ даже видно, что князья обязывались не держать нелюбья на таковыхъ отъѣзжиковъ. Такъ въ договорной грамотѣ В. К. Дмитрія Ивановича съ К. Владимиромъ Андреевичемъ 1362 года сказано: «А кто будетъ боярѣ и слугѣ къ тобѣ брату моему молодшему отъ мене отъѣхалъ до сего докончанья, или по семъ докончанья къ тобѣ пріѣдетъ, на тѣхъ ми нелюбья недержати». Но съ постепеннымъ ослабленіемъ удѣловъ право перехода боярѣ стало мало по малу стѣсняться. Такъ въ дух. грам. В. Ки. Ивана Васильевича, писанной въ 1504 году, бояре, оставлявшіе москов. службу, уже лишались своихъ поземельныхъ владѣній: «А бояромъ и дѣтямъ боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ куплями не отъѣхать отъ моего сына Василя; а кто отъѣдетъ и земли ихъ сыну моему». (Соб. Г. Г. и Д. т. I. № 144). Потомъ для ограниченія вольныхъ переходовъ боярѣ изъ одной службы въ другую Моск. государи постановили правиломъ понижать въ разрядахъ таковыхъ боярѣ и не давать имъ щету въ мѣстничествѣ съ своими сверстниками. «Князь Юрій Васильевичъ Лыцковъ съ братомъ своимъ съ Княземъ Оудреемъ отъѣзжали отъ васъ государей въ удѣлъ ко Князю Андрею Ивановичу Старицкому; и по вашему государеву уложенью кто отъ васъ государей отъѣзжалъ въ удѣль, и тѣмъ, государь, въ своемъ роду

²⁶⁵ Собр. Г. Гр. и Д. т. I. №№ 33, 35, 47 и др.

²⁶⁶ Ibid. № 45. Жал. Гр. Коостром. Намѣстнику 1499 года. (Ак. Ист. т. I. № 110.)

цету въ государи не давали, кому они въ версту». Дѣло Пильменова съ княземъ Дыковымъ 1602 года (Руск. Ист. Сбор. 1838 г. т. II, стр. 286).²⁶⁷ 2. Боярскіе роды имѣли полное право считаться другъ съ другомъ степенями службы по старшинству, что называлось мѣстничествомъ. Это право такъ было священно и такимъ пользовалось уваженіемъ, что ни польза государственной службы, ни воля государя здѣсь не имѣли никакой силы: бояринъ, считавшій себя обиженнымъ въ назначеніи какой-либо службы, до тѣхъ поръ не принималъ сего назначенія, пока государь не удовлетворялъ его судомъ съ тѣмъ, кто ему былъ предпочтень, а въ случаѣ неудовлетворенія, вовсе отказывался отъ назначенія или даже оставлялъ службу и государь здѣсь не могъ употребить никакого принужденія. Этимъ важнымъ правомъ бояре пользовались во всей силѣ даже при Царѣ Иванѣ Васильевичѣ, который всегда терпѣливо выслушивалъ мѣстническіе споры и рѣшалъ ихъ, не отступая отъ правилъ освященныхъ обычаемъ. Съ какого именно времени началось мѣстничество между Русскими боярами, мы указать не можемъ; но что оно въ Московскомъ государствѣ было уже при первыхъ князьяхъ, на это есть довольно ясный намекъ въ Ростовской летописи: тамъ подъ 1332 годомъ сказано, что, когда по приглашенію Велик. Князя Ивана Даниловича пришелъ въ Москву служить одинъ изъ Кіевскихъ вельможъ «Родіонъ Несторовичъ и съ нимъ княжата и дѣти боярскія и двора его до 1700. Князь же Великій пріять его съ радостію, и даде ему боярство на Москвѣ, и остави ему надо всѣми большинствомъ.... Въ тѣже поры бысть на Москвѣ бояринъ Акинѣй Гавриловичъ, и не восхотѣ быти подъ Родіономъ въ меньшихъ и отбѣжа въ Тверь и съ нимъ дѣти и внуцы его».²⁶⁸

Бояре, какъ сословіе въ Московскомъ великомъ княженіи, оставались очень долго, несмотря на то, что по службѣ уже составилось при Московскомъ дворѣ особое достоинство бояръ и окольниковъ. Ибо еще въ 1341 году въ договорной грамотѣ Симеона Іоанновича съ братьями бояре и окольникіе упоминаются какъ сановники, а не какъ сословіе. «А тутю были.... Петръ, архимандритъ Московскій, Филимонъ, архимандритъ Переяславскій, Василій.... тысяцскій Михайло Александровичъ.... Васильевичъ, Василій Окачевичъ, Опатъ, окольникъ.... Иванъ Михайловичъ». (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I.).

²⁶⁷ Собр. Г. Г. и Д. т. I. № 27.

²⁶⁸ Ист. Г. Рос. т. IV. примѣч. 324.

Между тѣмъ какъ изъ сословія бояръ образовались дворяне, бояре же начали быть извѣстными только какъ первые сановники въ государствѣ не прежде 1566 года, ибо только въ приговорной грамотѣ Іоанна Васильевича IV, 1566 года, по случаю войны съ Литвою, въ первый разъ упоминается о дворянахъ, какъ о сословіи, замѣнившемъ сословіе бояръ. Гдѣ такимъ образомъ, перечисливъ чиновниковъ двора, упоминается о дворянахъ: «А Государя своего Царя и Великаго Князя бояре, и мы Государя своего и Великаго Князя околицкіе; а мы Государя своего казначей, язь печатникъ; а у бояръ въ судѣ язь Борисъ Ивановичъ Сукинъ; мы Государя своего дѣки, межн себѣ говорили есмѣ о литовскомъ дѣлѣ. А мы Государя своего дворяне 1-я статья: язь князь Иванъ князь Андреевъ сынъ Шуйскаго, язь князь Михайло, князь Юрьевъ сынъ Оболенскаго и другіе, и потомъ даде другія сословія». (Собр. Гос. гр. № 192).

Но съ сего времени бояре, какъ сословіе, а не санъ, не упоминаются въ грамотахъ, и, кажется, сословіе бояръ обратилось въ дворянъ, между тѣмъ какъ служебные князья остались по прежнему высшимъ сословіемъ. Такъ въ грамотѣ 1608 года сказано: «А здѣсе у насъ въ Галичѣ, князи и дворяне, и дѣти боярскіе, Галичане посадскіе люди и Галицкихъ пригородовъ и черныхъ волостей крестьяне, хотимъ всѣ за одно за православную крестьянскую вѣру помереть». (Ак. Ар. Эк. Т. II, № 91).

Бояре, какъ княжескіе, такъ и городовые или племенные, имѣли свои вотчины, родовыя и покушныя, съ которыхъ платили разныя въ казну повинности, и помѣстья, которыя имъ давались отъ князей въ кормленье и съ которыхъ должны были нести свою службу; въ кормленье имъ давались иногда цѣлыя области, съ которыхъ они имѣли право собирать въ свою пользу всѣ подати. Грамота Великаго Князя Василья Ивановича 1516 года: «Изъ Ярославцевъ пожаловалъ слугу своего, князя Василья Ивановича судомъ и данью, а дань емлетъ князь Василей на себя съ тѣхъ сель и деревень (Ярославскаго уѣзда) съ году на годъ по сохомъ потому жъ какъ язь коли вемо взять дань на себя съ своихъ городовъ съ Боровска и Можайска, по колку сохъ». (Грам. Троицк. мон. № 15. Библ. Стров.).

Во время удѣльнаго періода помѣстья или кормленья отбирались въ казну княжескую, по переходѣ владѣльца въ другую службу, съ вотчинъ же онъ получалъ доходъ и оставался постоян-

нымъ ихъ хозяиномъ, хотя и переменялъ службу, только въ такомъ случаѣ онъ не могъ перечислить вотчины въ другой удѣлъ, она постоянно всеми казенными сборами тянула къ тому князю, въ владѣнιάхъ котораго находилась. О кормленьяхъ или помѣстьяхъ, вотъ какъ говоритъ грамота Донскаго 1362 года: «А который бояринъ поѣздетъ изъ кормленья отъ тобѣ ли ко мнѣ, отъ мене ли къ тобѣ, а службы не отслуживъ, тому дати кормленье по неправѣ, а люба служба отслужити ему». (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I, № 27).

Бояре, какъ и князья, имѣли свои родовыя вотчины очень давно, такъ что нерѣдко у нихъ покупали вотчины владѣтельные князья; такъ это видно изъ духовныхъ грамотъ Іоанна Даниловича Калиты въ 1328 году и Симеона Іоанновича въ 1358 году, въ первой говорится такъ: «а селце на Масѣ, что купилъ у *Аоиней*, то даю сыну моему Ивану, а что есмь купилъ село Варварьское и Мѣсовьское у *Юрьева*, то даю сыну моему Андрею». Во второй: «село Семеновское Володимерское волости, что есмь купилъ у воеводы у Ивана, село на Костромѣ Александровское, село въ Дмитровѣ, что есмь купилъ у Ивана у Дрюцкаго, и Заберегъ, что есмь купилъ у Семена у Новосильскаго». (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I, №№ 22—24).

Изъ послѣдней грамоты видно, что многіе бояре имѣли вотчины не въ одномъ уѣздѣ и не въ одномъ удѣлѣ, такъ у Дрюцкаго были вотчины и въ Костромѣ и въ Дмитровѣ; а также и бояре покупали у князей; такъ въ грамотѣ договорной Василья Васильевича съ Васильемъ Ярославичемъ Боровскимъ 1451 года сказано: «А отступилъ ти ся своѣй вотчины Бѣжецкаго верха, опричь тѣхъ селъ, што есмь продалъ своимъ бояромъ, князю Семену Ивановичу Оболенскому, Гостиково и зъ деревнями, да Федору Михайловичу село *Микитиньское*». (Собр. Гос. гр. Т. I).

Бояре съ своихъ родовыхъ и купленныхъ вотчинъ платили въ казну великокняжескую. Дух. гр. Василья Васильевича 1462 года говоритъ: «А кому буду давалъ своимъ княземъ и бояромъ и дѣтемъ боярскимъ, свои села въ жалованье, или хотя и въ куплю кому дамъ, ино тѣ мои села моимъ дѣтемъ, во чьемъ удѣлѣ будетъ, ино тѣ тому и естъ». (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I). Или въ

грамотѣ 1410 года: «А бояромъ и слугомъ судамъ и данью потянути по удѣламъ, гдѣ кто живеть. (Собр. Гос. гр. и дог. Т. 1).¹

Бояре сперва имѣли полное право мѣнять службу и переходить отъ одного князя къ другому, лишаясь только помѣстьевъ, но оставаясь владѣльцами вотчинъ. Такъ многіе грамоты прямо говорятъ: «бояромъ и слугамъ нашимъ вольнымъ воля»².

Но въ послѣдствіи сіе право прекратилось и оставляющій службу одного князя лишался уже и вотчинъ, которые находились въ удѣлѣ того князя: такъ въ Дух. гр. Ивана Васильевича 1504 года: «Бояромъ и дѣтемъ боярскимъ Ярославскимъ съ своими вотчинами и съ кушлями не отъѣхать отъ моего сына Василія, а кто отъѣдетъ и земли ихъ сыну моему». Потомъ для огражденія таковыхъ вольныхъ переходовъ изъ одной службы въ другую, Москов. Вел. Князья постановили правиломъ понижать въ разрядахъ таковыхъ бояръ, и не давать имъ щету въ мѣстничествѣ съ своими сверстниками, что было большимъ ударомъ для боярскаго честолюбія. Вотъ на это указаніе изъ дѣлъ по мѣстничеству. «Князь Юрій Васильевичъ Лыковъ съ братомъ своимъ съ княземъ Андреемъ отъѣзжали отъ васъ Государей въ удѣлъ къ Князю Андрею Ивановичу Старицкому, и по Вашему Государеву уложению, кто отъ васъ Государей отъѣзжалъ въ удѣлъ, и тѣмъ Государь въ своемъ роду щету вы Государи не давали, кому она въ версту». Дѣло съ Князя Лыкова 1602 года. (Руск. Истор. Сборникъ 1838 г. Т. II, стр. 286).

¹ Дог. Гр. Дон. съ Влад. Андр. 1389 года. А хто живеть твоихъ бояръ въ нашихъ удѣлахъ и въ отчий въ велико-княжскіи и тѣхъ ны блюсти какъ и своихъ, а дань взяти какъ и на своихъ, а хто живеть нашихъ бояръ въ твоей отчий и въ удѣлахъ, а тѣхъ тобѣ блюсти какъ своихъ, а дань взяти какъ и на своихъ (С. Г. Г. и Д. т. 1, № 55).

² Догов. Гр. Донскаго съ Мих. Андр. Тверскимъ 1368 г. Догов. Гр. Вас. Вас. съ Мих. Андр. Можайскимъ 1448 г. Догов. Гр. Дон. съ Влад. Андр. 1389 г. (Соб. Г. Г. и д. т. I. № 35). Догов. Гр. Вас. Дмитр. съ Ряз. Княземъ Оел. Олг. 1402 г. С. Г. Г. т. I. № 36. Или въ Догов. Грамотѣ Васил. Дмитр. съ Мих. Алек. Тверскимъ 1398 г. «А бояромъ и слугамъ мѣжи насъ вольнымъ воля: а дома имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати; а данью и судомъ потянути имъ по землѣ и по водѣ. (Ак. Ар. Эк. Т. 1. № 14).

Была еще классъ бояръ путныхъ и введенныхъ; какое ихъ отличие отъ другихъ бояръ, и что значать бояры путные и введенные, историческіе памятники на это не представляютъ никакихъ свидѣтельствъ. Вотъ все, что говорится объ нихъ въ древнихъ грамотахъ: «А коли намъ взяти на своихъ боярехъ на путныхъ и тобѣ взяти на своихъ боярехъ на десяти». (Дог. гр. Вас. Дм. съ Влад. Андр. 1389 г.). «А городская осада, гдѣ кто живеть, тому тута и сѣсти, оприче путныхъ бояръ». (Дог. гр. Вас. Дмитр. съ братьями 1405 года). (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I). «А городная осада, гдѣ кто живеть, тому тута и сѣсти, опричь бояръ введенныхъ и путниковъ». (Дог. гр. Вас. Яросл. Боровск. съ Вас. Вас. 1433 года). Введенные и путные бояре не значили ли тѣхъ, которые получали путь или вводились во владѣніе для кормленья и по смыслу грамотъ, кажется, они ¹ были еще бояре большіе. Договор. гр. Донскаго съ Владимиромъ Андреевичемъ 1388 года: «А коли ми взяти дань на своихъ боярѣхъ на большихъ и на путныхъ, тогда ти взяти на своихъ также по кормленью и по путемъ». (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I, № 33).

Въ послѣдствіи времени слово бояринъ стало означать собственно старшаго сановника при дворѣ государевомъ, а не первое сословіе служебныхъ людей, для означенія же сословія стали употреблять названіе боярскихъ дѣтей; ² впрочемъ утвердительно

¹ Жалов. Гр. Костромскому намѣстнику 1499 года. «Отъ Великаго Князя Ивана Васильев. всеа Руси боярину нашему введеному Костромскому намѣстнику, нану Ивану Судимонту Кондратьевичу. Здѣся миѣ былъ челомъ Яковъ Захарьевичъ, что вамъ обѣма на Костромѣ сытымъ быти не съ чего: и язъ здѣсе Князь Вел. Якова пожаловалъ городомъ Володимеромъ, а тебя есми пожаловалъ продавъ другую половину Костромы съ правдою». (Ак. Ист. Т. 1, № 110).

² «Бѣ въ той мысли (объ освобожденіи *Темнаго*) тогда съ ними Князь Иванъ Васильевичъ Стрига, да Иванъ Осчера съ братомъ Бобромъ, да Юшка Драница и иные многіе дѣти боярскіе двора Вел. Князя». 1446 года. Татищ. IV, стр. 369). Въ дополненіи къ Судебнику 1350 года сказано: «въ полкахъ быти князатамъ и дѣтемъ боярскимъ съ воеводами безъ мѣсты, и въ томъ отечеству ихъ униженія нѣтъ; которые будутъ впередъ въ боярехъ или въ воеводахъ, и они считаются, по своему отечеству. (Ист. А. Т. 1, № 154, стр. 251). Вотъ свидѣтельство объ этомъ изъ временъ Іоанна IV до 1566 г. «Что напередъ сего жаловали есмя бояръ своихъ и князей и дѣтей боярскихъ, города и волости давали имъ въ кормленья». Устав. Грам. Переяславскимъ рыболовамъ 155 года (Ак. Ар. Эк. Т. 1, № 242).

сказать объ этомъ наши древніе памятники не дозволяютъ, можетъ-быть боярскими дѣтьми назывались младшія боярскія фамиліи; (Никон. лѣт. Т. V, стр. 110—112) употребленіе имени боярскихъ дѣтей въ этомъ значеніи продолжалось до Іоанна Васильевича IV, при которомъ, и именно съ 1566 года, названіе боярскихъ дѣтей для означенія перваго служебнаго сословія, было замѣнено названіемъ дворянъ, боярскіе же дѣти стали означать низшій классъ служащихъ людей. Боярскіе дѣти, какъ первое сословіе служебныхъ людей или какъ означеніе младшихъ боярскихъ фамилій, въ первый разъ встрѣчаются въ грамотѣ договорной Василья Ярослав. Боровск. съ Вас. Васильев. 1433 года, гдѣ сказано: «А которые госнода не бояре и дѣти боярскіе служатъ тобѣ Великому Князю или твоей братье, а живутъ въ моемъ удѣлѣ, и тѣ госнодине ходятъ съ тобою съ Великимъ Княземъ и съ вашими воеводами» (Собр. Гос. гр. Т. I, № 45) и продолжается въ этомъ значеніи даже при Іоаннѣ Васильевичѣ IV, при которомъ въ дополненіи къ Судебнику 7064 года въ первый разъ упоминается о боярскихъ дѣтяхъ, какъ служебномъ классѣ, низшемъ дворянъ. Статья 11-я: «А свѣдаеть бояринъ или дякъ и всякой приказной человекъ или дворянинъ и всякій сынъ боярской, что въ обыску люди ихъ лгали и имъ сказати правду Государю, и въ томъ ему отъ Государя онамы нѣтъ, а дѣло сыскавъ въ правду вершити». (Ак. Ист. Т. I, стр. 256, и далѣе хорошо на стр. 263). (Собр. Гос. гр. и дог. Т. I, № 184¹.)

А съ 1566 года когда уже Царь Іоаннъ Васильевичъ всѣхъ служащихъ людей раздѣлитъ на разряды и статьи, и дать военной службѣ лучшей порядокъ и устройство; первое мѣсто въ служебномъ сословіи заняли дворяне, а вслѣдъ за ними боярскіе дѣти, которые такимъ образомъ уже перестали представлять въ своемъ имени высшее служебное сословіе, а только вторую его степень, какъ это видно изъ приговорной грамоты духовныхъ особъ,

¹ Еще въ 1563 году въ дух. завѣщаніи Митрополита Макарія не упоминается о дворянахъ, и вмѣсто ихъ боярскіе дѣти, которые уже не означали сыновей бояръ, а особое сословіе; вотъ слова грамоты: «Боголюбивымъ же боярамъ и мн. земь и съ ихъ женами и съ дѣтьми, оставляю миръ и благословеніе и прощеніе. Дѣтемъ же боярскимъ и дякомъ и гостемъ, съ ихъ женами и съ дѣтьми, и съ прочимъ христоролюбивымъ воинствомъ оставляю миръ и благословеніе и прощеніе». (Ак. Ист. Т. I, № 172).

бояръ, окольныхъ, дьяковъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ гостей и кушцевъ объ отказѣ Польскимъ посламъ въ перемирьѣ 1566 года, гдѣ сословія участвовавшія въ приговорѣ написаны въ такомъ порядкѣ: 1) А мы Государя своего богомольцы Архіепископы и Епископы (поименно кто былъ). 2) А мы Государя своего бояре (также поименно) а мы Государя своего окольныхъ (поименно) А мы Государя своего дьяки (поименно). (Син сановники подавали одно мнѣніе). 3) А мы Государя своего дворяне 1) статья, (гдѣ помѣщцы и многіе князья и подавали одно мнѣніе). 4) А мы дворяне и дѣти боярскіе другіе статья (тутъ уже иѣтъ князей). 5) А мы Городецкіе помѣщики. 6) А мы Лутцкіе помѣщики. 7) А мы Государя своего дьяки и приказные люди. 8) А мы гости и кушцы и Смольяне. (Собр. Гос. Гр. и Дог. т. I, № 192). До сего же времени названіемъ дворянъ кажется означались только низшіе придворные служители, или вообще тотъ классъ людей, который съ сего времени сталъ называться боярскими дѣтьми. Вотъ слова грамоты: «А на Орлецѣ дворяномъ хоженаго бѣлка; а желѣзнаго четыре бѣлки, только человека скують, а не будетъ по немъ поруки, а болѣ того дворянину не взяти ничего». (Уставная Двин. грамота 1398 года). «А дворяномъ нашимъ какъ пошло, погонѣ имати отъ князя по пяти кунъ, а отъ тивуна по двѣ куны. А дворяномъ нашимъ у кушцовъ повоза не имати, разиѣ ратныя вѣсти». (Договор. грам. Повгородская съ Иван. Васил. 1471 года). «А кто кого позоветъ въ селѣ позовкою или дворяниномъ, ино дать срокъ на сто веретъ двѣ недѣли». (Судная Новгород. грам. 1471 г.). «А намѣстницы мои Бѣжецкіе и ихъ тиуни не всылають дворянъ своихъ къ нимъ ни почто». ² (Жал. гр. Иван. Вас. 1494 г.) (Ак. Ар.

¹ И въ этой грамотѣ особенно подтверждаетъ наше мнѣніе то, что многія лица въ предшествовавшихъ грамотахъ гдѣ не было этого раздѣленія, назывались боярскими дѣтьми, а въ этой грамотѣ названы дворянами. Такъ въ грамотѣ 1563 года Юрма Ивановичъ сынъ Третьяковъ, Князь Романъ князь Васильевъ сынъ Охлабичъ, Михайло Васильевъ сынъ Годуновъ писались боярскими дѣтьми, а въ грамотѣ 1566 года, написаны дворянами.

² «А намѣстницы мои городецкіе и ихъ тиуни не всылають дворянъ своихъ въ то село Присѣиково». (Жал. гр. Дмитр. Юрьев. Углиц. 1440 г. Ак. Ар. Эп. т. I, № 37). Нельзя ли заключить изъ слѣдующей грамоты о различіи между прежними боярскими дѣтьми и дворянами. «А кто мой князь Михайловъ Андреевичи бояре пойдуть на Удомскую слободку, или князи или воеводы или дѣти боярскіе, или мои дворянъ люди. Жал. гр. Бѣзозерск. Ки. Мих. Андр. 1460 г. (Ак. Ар. Эп. т. I, № 63). А о боярскихъ дѣтяхъ вотъ какъ: «Мои бояре и дѣти

Эк. т. I, №№ 13, 91, 92, 131). И такъ изъ сословія древнихъ бояръ существовавшихъ до Василья Васильевича, и ихъ преемниковъ боярскихъ дѣтей при Іоаниѣ IV образовалось дворянское сословіе; дворяне переменною названіемъ ни мало не измѣнили своихъ правъ и обязанностей, они также какъ и древніе бояре пользовались свободою службы, вотчиннымъ и помѣстнымъ правомъ и правомъ имѣть рабовъ или холопей, имъ также какъ и боярамъ древнимъ былъ открытъ доступъ ко всѣмъ важнѣйшимъ должностямъ въ Государствѣ они состояли по прежнему изъ княжескихъ и древнихъ боярскихъ родовъ.¹ Но они получили большее устройство, ихъ раздѣляли на статьи смотря по состоянію и по службѣ лучшую среднюю и худшую, сообразно съ сими статьями они стали получать помѣстья, и сообразно съ помѣстьями и статьями являться на службу въ извѣстномъ вооруженіи и съ положеннымъ числомъ вооруженныхъ слугъ. Служба дворянъ была не одна военная, но придворная и гражданская. Такъ они бывали стряпчими, стольниками, рындами, постельничими и другими придворными чиновниками, потомъ воеводами или намѣстниками въ городахъ, городничими,²

боярскіе въ тѣхъ селѣхъ не ставятся (гр. Ив. Вас. 14 66 г. Ак. Ар. т. I, № 82). А вотъ о боярскихъ дѣтахъ послѣ 1566 года: «А для Государева Царя и В. К. Федора Ивановича всеа Русіи дѣла и на разсылку взяти имъ, у воеводъ, дѣтей боярскихъ 20 человекъ по списку». Царск. наказъ о заготовленіи матеріаловъ для строенія Смоленской крѣпости 1595 года (Ак. Ар. Эк. т. I, № 363). Наказъ Астрах. воеводамъ, 1591 года. «Будетъ ли то каменное дѣло впередъ, прочно а приставилъ бы у того дѣла, у мастеровъ, дѣтей боярскихъ своего полку, мимо ихъ, кому вѣрять; а подмастерья де и каменщики, и известные мастера, тою известію города дѣлати не имаются». (Ак. Ист. т. I, № 230). Или тамъ же даѣе. «Чтобы тѣ запасы отвезти на Терку на слѣхъ, и назадъ бы съ порожними суды, дѣти боярскіе и стрѣльцы, которые тѣ запасы на Терку повезутъ, вернулись къ нимъ въ Астрахань».

¹ Иванъ Вас. IV, въ 1572 году учредилъ даже чинъ думнаго дворянина, т. е. допустилъ лучшихъ дворянъ засѣдать въ Царской думѣ. Такъ значится въ послужныхъ спискахъ старинныхъ чиновниковъ въ Россіи 7080 года сказано: «Дворянинъ въ думѣ Романъ Васильевичъ Олферьевъ». (Древняя Россійская Вѣстовка, т. XX, стр. 52).

² Дѣло Князя Лыкова съ Княземъ Дмитр. Мих. Пожарскимъ 1609 года. «Иные Государь Пожарскіе Князв, бывали во многихъ годѣхъ въ городѣхъ городовые прикащики, иные въ объѣзжихъ головахъ меньши всѣхъ меньшихъ головъ, а иные Государь Пожарскіе Князи бывали въ Ямскихъ стройщикахъ». (Ист. Сбор. т. II, стр. 288). Дѣло Вельяминова съ Княземъ Вяземскимъ 1631 года. И въ Полоцкѣ головы стрѣлцкіе были: «Василій Огаревъ, да Микита Сорочіевъ, да

губными старостами, тиунами. ¹ Съ Юанна Васильевича III служба дворянъ или какъ тогда еще называли боярскихъ дѣтей получила болѣе опредѣленности и порядка, для нее были заведены разрядныя книги.

Дворянство состояло изъ прежнихъ удѣльныхъ князей изъ старинныхъ знаменитыхъ племенныхъ родовъ, или изъ знатныхъ чужестранцевъ, поступившихъ на службу Московскихъ Государей, всегда твердо помнило свое происхожденіе, и рѣзко отличалось отъ прочихъ классовъ общества благородствомъ и древностію своихъ родовъ, и для этого всегда вело въ своихъ семействахъ длинныя родословныя росписи, къ которымъ также причислялись записи о службѣ предковъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи образовались родословныя и разрядныя книги. Въ примѣръ заботливости дворянскихъ родовъ о сохраненіи своего родословія можно представить нѣсколько родословій изъ дѣлъ по мѣстничеству. Таковы: 1) родословіе Князей Вяземскихъ, еще въ 1631 году подаванное во время споровъ по мѣстничеству съ Вельяминовыми, въ которомъ Вяземскіе производили свой родъ отъ Мопномахова сына Метислава. 2) Родословіе Вельяминовыхъ въ этомъ же спорѣ и въ тоже время: въ которомъ пишется: Пришелъ изъ Большия Орды къ Вели. Князю Ивану Даниловичу Калитѣ Князь Четъ, а въ крещеніи имя ему Захарей, и у Захаря сынъ Олександръ, а у Олександра сынъ Димитрій Зерно, а у Димитрія Зерна дѣти: Иванъ да Костянтинъ, да Дмитрей; и отъ Ивана пошли Сабуровы да Годуновы, а Дмитріевъ сынъ Зерново Ондрей глазъ, а у Ондрея сынъ Вельяминъ, а у Вельямина было 4 сына, и отъ того пошли Вельяминовы.

Иванъ Васильевъ сынъ Вельяминовъ, да у казаковъ головы были Игнатей Григорьевъ сынъ Вельяминовъ, да Ратой Ивановъ сынъ Голенищевъ. Да на Великихъ Лукахъ осадной воевода былъ Данила Лихачевъ, а съ нимъ былъ въ Губныхъ старостахъ Ондрей Вельяминовъ». (Рус. Ист. Сбор. т. V, стр. 40). Дѣло Зюзипа съ Нагвмъ 1504 года. «А въ кою пору отецъ мой Федоръ Михайловичъ былъ у Государя бояринъ, а Михайло Шетневъ въ тѣ поры былъ у тюремъ пивунъ». (Рус. Ист. Сбор. т. V, стр. 5).

¹ Цар. гр. въ Казань 1593 г. «Сына боярскаго выбравъ добра, который отъ службы неотбылъ, приказали ему ту слободу вѣдать, и надъ новокрещеныя беречи того накрѣпко, чтобъ они христіанскую вѣру держали крѣпко, въ церкви ходили и въ домѣхъ у себя образы держали и на себѣ кресты носили, и поповъ въ дома свои призывали, и отцевъ духовныхъ себѣ имѣли». (Ак. Ар. т. I, № 358).

Вторымъ служебнымъ классомъ были собственно такъ называемые *слуги*. Они раздѣлялись на два разряда на *вольныхъ* и на *состоящихъ подъ дворскимъ*. Первые составляли высшій классъ, и назывались въ древности дворянами¹, они могли свободно переходить отъ одного Князя къ другому, что продолжалось кажется до Юяна IV, при которомъ названіе слугъ въ этомъ смыслѣ уже болѣе въ старинныхъ актахъ не встрѣчается; не были ли они при новомъ преобразованіи служебнаго сословія переименованы въ боярскихъ дѣтей, когда прежнихъ боярскихъ дѣтей называли дворянами? Въ послѣдній разъ о вольныхъ слугахъ упоминается въ Догов. грамотѣ Василія Іоанновича съ братомъ его Юрьемъ Ивановичемъ 1531 года; вотъ слова грамоты: «а бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ промежъ насъ вольнымъ воля». (Собр. Гос. Гр. и Дого. Т. I, № 160). Слуги, какъ и бояре, имѣли свои вотчины, или получали помѣстья отъ Князей. Такъ объ этомъ говорятъ многія грамоты. Такъ въ Дого. Гр. Ряз. Кн. Федора Васил. съ Моск. Кн. Ив. Васил. 1496 года сказано: «А хто имѣтъ жити твоихъ бояръ и дѣтей боярскихъ и слугъ въ моеи отчинѣ, и мѣ ихъ блюсти какъ и своихъ; а отчинѣ мѣ у нихъ и купленныхъ земель не отнимати (№ 128)». Тѣ же выраженія употреблены въ грамотахъ 1484 года: «А бояромъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля; а дома имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ невступати. А

¹ На это довольно ясный намекъ даютъ Новгородскія грамоты, особенно древнѣйшія, напр. въ договорной грамотѣ Новгорода съ Вел. Кн. Михаиломъ Ярославич. Тверскимъ 1265 года сказано: «А въ Вежицахъ Княже тобѣ, ни твоеи Княгини ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ дворьяномъ селя не держати, ни купити, ни даромъ примати». (Собр. Гос. Гр. и Дого. Т. I, № 1). Тоже сказано во 2 дог. грамоте того же года, потомъ въ гр. 1307 г. съ Мих. Яросл. Твер. Тогда какъ въ грамотѣ 1305 года съ Михаиломъ Яросл. Тверскимъ сказано вмѣсто дворьянъ слуги «А въ Вежицѣхъ тобѣ Княже ни твоеи Княгини, ни твоимъ бояромъ, ни твоимъ слугамъ селя ни держати, ни купити, ни даромъ примати. Тоже сказано въ грам. 1308 г. 1327, 1375. (Собр. Гос. Гр. и Дого. Т. I, № 7, 9., 15 и 16). Жалован. отчинная грам. Вел. Кн. Вас. Иван. 1615 г. «Государь всея Русіи пожаловалъ есми слугу своего моего Дмитрея Ивановича сына Мирославича, въ Мельни въ Радомскомъ стану, своимъ Вел. Князя селомъ Сковороденскомъ съ деревнями». (Ак. Арх. Эк. Т. I, № 160). Или вотъ еще въ Исторіи Русской Татищева, Т. IV, стр. 37: «Мнози убо Новгородцы отъ желѣзныхъ свнѣтъ избіени быша. Мнози бояре и слуги Князей Рускихъ падоша». Подъ годомъ 1268 «о дворьянѣхъ ни слова. Очевидно, что слуги замѣняли дворьянъ. Или тамъ же далѣе подъ годомъ 1281 «До вдеже вынудутъ отъ насъ изъ Копорья всеъ бояре твои и слуги твои». (стр. 67).

судомъ и данью потянуть по землѣ и по водѣ. А которыхъ бояръ и слугъ села, а имуть жити въ вашей отчинѣ, взяти на нихъ дань и судъ какъ и на своихъ. (Собр. Гос. Гр. Т. I, № 120). Точно тѣ же выраженія слово въ слово въ грам. 1462 г. № 88 и 89. 1451 г. № 76, 77).

Слуги, какъ и бояре, принадлежали преимущественно къ войску; вотъ слова грамоты 1362 года Договори. Донскаго съ Влад. Андр.: «А коли ти будетъ всѣти со мною на конь, а кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ, гдѣ кто ни живеть, тѣмъ быти подъ твоимъ старомъ». (Собр. Гос. Гр. Т. I, № 27). Слуги также какъ и бояре платили дань: вотъ свидѣтельство той же грамоты. «А коли ми будетъ брате младшій, и дань взяти на своихъ боярехъ въ Вел. Княженіи, а кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ въ Вел. Княженіи. ми дань взяти какъ и на своихъ». Отличіе слугъ вольныхъ отъ тѣхъ, которые находились подъ дворскимъ, очень ясно выражено въ духовной гр. Влад. Андревича 1410 года. «А бояромъ и слугамъ кто будетъ не подъ дворскимъ, вольнымъ воля. А судомъ и данью потянути по удѣломъ, гдѣ кто живеть. А кто будетъ подъ дворскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себе не принимаютъ, ни отъ сотниковъ; а кто тѣхъ выйдетъ изъ удѣловъ дѣтей моихъ и княгини моеи, нитъ земли лишеть, а земли ихъ сыну моему чей будетъ удѣлъ. (Собр. Г. Т. I, № 40).

Слуги состоящіе подъ дворскимъ, кажется, уже болѣе не состояли въ служебномъ классѣ, и удерживали свое имя только по первоначальному происхожденію; многія древнія грамоты ясно говорятъ, чтобы таковыхъ слугъ не принимать въ службу, напр. вотъ догов. грам. Донскаго съ Влад. Андр. 1388 года: «А которые слуги къ дворскому, а черные люди къ становщику, тѣхъ въ службу не примати, а блюсти ихъ съ одного, а земель ихъ не купити». Или еще прежде въ грамотѣ тѣхъ же Князей 1362 года: «А которые слуги потягли къ дворскому а черные люди къ сотникомъ, тѣхъ ны въ службу не примати, но блюсти ихъ съ одного». Неизвѣстно были ли они первоначально свободнаго происхожденія, изъ людей добровольно поступившихъ на службу, и потому, выслуживши себѣ земли, оставившихъ службу съ тѣмъ, чтобы поступить въ классъ неслужилыхъ постоянныхъ жителей какого-либо уѣзда, или первоначально они происходили изъ купленныхъ рабовъ княжескихъ, получившихъ свободу по духовнымъ грамотамъ своихъ владѣтелей, на что точно есть нѣкоторые намеки

въ древнихъ актахъ этого рода. Такъ въ дух. гр. Симсона Иоанновича 1353 года сказано: «А что моихъ людей дѣловыхъ, или кого буди прикупилъ, или кто ми ся будетъ въ винѣ достать, всѣмъ тѣмъ людямъ далъ есмь волю, куды имъ любо». Или дух. гр. Иоанна Иоан. 1356 г.: «Хто будетъ моихъ людей купленныхъ, грамотныхъ полныхъ, далъ есмь имъ свободу, куда имъ любо». Или дух. гр. Дон. 1371 г.: «А что моихъ людей купленныхъ, а тымъ далъ есмь свободу». Или дух. гр. Вас. Дмит. 1406 г.: «Хто моихъ холоповъ купленныхъ, или што есть у Федора у Свибла отоималъ тѣхъ всѣхъ пуцаю на свободу и съ женами и съ дѣтьми, не надобны моему сыну и моеи княгини». Или егоже въ 3 Дух. 1424 года: «А дастъ моя княгини дочеремъ моимъ изъ моихъ холоповъ по пяти семей, а опроче того вси холопи мои на свободу съ женами и съ дѣтьми. (Собр. Гос. Гр. и Доп. Т. I, № 24, 25, 30, 39, 42). А можетъ быть слуги подь дворскимъ были того и другаго присхожденія, ясныхъ указаній наши грамоты на это не представляютъ. Но какъ бы то ни было слуги подь дворскимъ были въ одинакихъ правахъ и обязанностяхъ съ неслужилыми жителями уѣздовъ, и такъ же какъ они платили дань, съ тою только разницею, что они все таки составляли особый классъ, и въ отличіе отъ прочихъ неслужилыхъ управлялись и судились дворскими, а не сотниками и старостами. «А которые слуги потягали къ дворскому, а черные люди къ сотникамъ, тыхъ ны въ службу не примати, но блюсти ны ихъ съ одного, такоже и численыхъ людей. (Дог. Гр. Дон. съ Владим. Андр. 1362 года). Грамота прямо говорить, что слуги подь дворскимъ, подобно численнымъ людямъ, составляли постоянныхъ жителей уѣзда, и даже не могли переходить въ другой уѣздъ, или къ другому Князю, удѣльные Князья должны были ихъ какъ казенныхъ людей блюсти съ одного. Впрочемъ слуги подь дворскимъ продолжались до позднѣйшихъ временъ, объ нихъ упоминается даже въ Судебникѣ Иоанна IV. 62 § Судебника говоритъ: «А бояромъ и дѣтемъ боярскимъ судити за которыми кормленія съ судомъ съ боярскимъ; а на судъ у нихъ и у ихъ тѣновъ быти, гдѣ дворской дворскому да старостѣ и другимъ людямъ цѣловальникомъ.... А гдѣ дворскаго цѣть, и прежь сего не бывалъ, ино быти въ судъ у намѣстниковъ и у ихъ тѣновъ, старостѣ да цѣловальникомъ». (Истор. Акт. Т. I, стр. 236). Изъ сего видно, что въ послѣдствіи слуги подь дворскимъ совершенно слились въ своихъ правахъ и обязанностяхъ съ земскими

людьми и только отличались управленіемъ дворскихъ, и нельзя ли заключить, что таковыя люди очень умножились и они составили главное население нашихъ селъ и деревень, ибо Судебникъ о людяхъ подъ дворскимиъ говоритъ какъ о родѣ, а безъ дворскаго — какъ объ частномъ исключеніи изъ рода: «А итъ дворскаго итъ и прежде не бывашъ». Или по крайней мѣрѣ не считались ли они выше тѣхъ жителей, которые завязали не отъ дворскихъ.

Такимъ образомъ въ древнемъ Московскомъ Государствѣ, пока еще оно не поглотило въ себѣ различныхъ княжествъ Сѣверовосточной Россіи, служебный классъ составляли *служебные князи, бояре и слуги*: изъ бояръ въ послѣдствіи въ срединѣ этого времени образовались *боярскія дѣти*, а изъ слугъ можетъ быть *дворяне*. Сии три разряда служебныхъ людей во время удѣловъ пользовались совершенной свободою службы у какого Князя хотять, что подтверждалось по тогдашнему Русскому народному праву всѣми договорами владѣтельныхъ Князей. Но по уничтоженіи удѣловъ, когда Москва при Іоаннѣ Васильевичѣ IV сдѣлалась царствомъ, раздѣленіе служебнаго класса измѣнилось: бояре и слуги, какъ сословіе, исчезли. Все раздѣленіе служебнаго класса получило слѣдующіе разряды: 1) *дворянъ*, которые раздѣлялись на статьи и замѣняли древнихъ бояръ и среднихъ боярскихъ дѣтей; 2) *Боярскихъ дѣтей*, которые кажется замѣнили прежнихъ слугъ вольныхъ или дворянъ, вообще составили 2 классъ служебныхъ людей какъ по правамъ, такъ и по имуществамъ. Можно ли было переходить изъ боярскихъ дѣтей въ дворяне неизвѣстно; по крайней мѣрѣ какъ дворяне, такъ и боярскіе дѣти за службу повышались изъ низшихъ статей въ высшія и получали болѣе помѣстныхъ окладовъ¹; 3)

¹ Къ числу правъ боярскихъ дѣтей принадлежитъ свобода отъ холодства во время службы, что простиралось и на ихъ дѣтей неслужащихъ. Судеб. 1530 г. статья 84. «А дѣтей боярскихъ служивыхъ и ихъ дѣтей, которые не служиваша, въ холоди не приймаи никому, опричь тѣхъ которыхъ Государь отъ службы отставить». (Ак. Ист. Т. I, № 153).

Боярскіе дѣти получали кормленья въ областяхъ. Впрочемъ, кажется, это принадлежало собственно дворянамъ, когда они носили еще названіе боярскихъ дѣтей; такъ въ Судебникѣ Іоанна III сказано въ статьѣ о судѣ наместниковъ городскихыхъ: «А бояромъ или дѣтемъ боярскимъ, за которыми кормленье съ судомъ, и имъ судити». (Ак. Ист. Т. I, № 105).

При Іоаннѣ же IV съ новаго раздѣленія служебныхъ классовъ на долю боярскихъ дѣтей достались низшія должности. Такъ въ поручной записи 1567

Городовыхъ казаковъ. Кто были первоначально эти казаки неизвѣстно, съ какого времени началось ихъ существованіе также опредѣлить нельзя, но впрочемъ есть указанія, что они имѣли помѣстья. Такъ на примѣръ въ 1686 году они послѣ Польскаго похода получили по 50 четвертей помѣстнаго оклада и по 5 руб. на человека (Ак. Ар. Эк. Т. IV, № 290-й). Они преимущественно были заселены по замосковнымъ украинскимъ и низовымъ и Мещерскимъ городамъ; впрочемъ были городовые казаки въ Москвѣ, въ Новѣгородѣ и въ другихъ городахъ. Начало городовыхъ казаковъ не скрывается ли въ древнемъ названіи Ординцевъ, которые во время удѣльнаго періода составляли особый классъ служебный, имѣвшій свои земли, какъ можно заключить изъ договорной грамоты Вас. Дмитр. съ Влад. Андреевичемъ 1389 года и многихъ другихъ. Вотъ слова грамоты: «А Ординци и дѣмоли, а тѣмъ знати свои служба, какъ то было при нашемъ отци при В. Князи; а земель ихъ некупити» (Собр. Г. Г. и Д. Т. I). Какая же именно служба лежала на Ординцахъ нигдѣ невидно. Есть впрочемъ извѣстіе въ Никоновской лѣтописи, что на границахъ съ Ордою у Московскихъ князей были устроены особые доброхоты люди, которые еще при Донскомъ и до него извѣщали о движеніяхъ происходившихъ въ Ордѣ; не были ли это Ординцы? А что изъ Ординцовъ составились въ послѣдствіи городовые казаки, къ такому заключенію служить поводомъ то, что первоначально городовые казаки являются въ пограничныхъ мѣстахъ съ Татарами. Сюда же кажется можно отнести и то, что въ Москвѣ урочище Ординка, т. е. Ординская слобода, рядомъ съ казачьей слободою и притомъ Ординокъ двѣ большая и малая и занимаютъ за Москвою рѣкою довольно большія улицы, казачье же небольшое какъ одинъ проулокъ примыкающій къ большой Ординкѣ. Вѣроятно Ординки изстари прилегали къ Москвѣ, казачье же получило свое названіе послѣ, когда Ординцы переименовались въ казаковъ, а можетъ быть когда подлѣ Ординцевъ въ Москвѣ стали помѣщаться пріѣзжіе казаки Донскіе, Волжскіе и Яицкіе, на что указываетъ и те-

года мы встрѣчаемъ нѣсколько боярскихъ дѣтей разсылщиками въ судѣ. «Се язъ Третьякъ Биридевъ, да язъ Василій Лучининовъ, да язъ Офонасей Обольяниновъ, да язъ Сумарокъ Сумишъ, да язъ Василей Карповъ, все мы разсылочные дѣти боярскіе большіе дѣлче избы порушилися есма Цареву В. Князю дяку Ивану Матвѣеву по Васильѣ Алексѣевѣ сынѣ Свѣрбѣева» и проч. (Ак. Ар. Эк. Т. I, № 274). Боярскіе дѣти не язъ прежнихъ ли княжскихъ дѣлцахъ, (Ипат. 97).

перь еще существующее тамъ казачье подворье. Впрочемъ все это небольшое какъ догадки, вѣрныхъ указаній пока еще нѣтъ. Можно только сказать, что городовые казаки состояли изъ низшаго класса свободныхъ жителей. Это видно изъ того, что при Иоаннѣ IV во время войны съ Казанью ихъ набирали изъ батраковъ и вообще бездомныхъ нетяглыхъ людей. Они кажется были двухъ разрядовъ помѣстные и безпомѣстные, впрочемъ поаное развитіе этого дѣленія является уже въ слѣдующемъ періодѣ.

Къ служебному классу жителей принадлежать съ первыхъ временъ Московскаго Государства Дьяки¹ и подьячіе, т. е. дѣльцы (ибо ихъ въ шихъ грамотахъ называютъ діаками, а въ другихъ дѣльцами) служившіе Государямъ по письменнымъ дѣламъ. Объ нихъ упоминается еще при Иоаннѣ Калитѣ въ 1328 году. Такъ сказано въ Дух. Грам. Калиты того года. «А грамоту писалъ дьякъ князя Великого Кострома» (С. Г. Г. и Д. Т. I, № 21). Дьяки прежде были дворовыми людьми князей, и даже не имѣли свободного состоянія. Такъ это видно изъ Дух. грамоты Иоанна Ивановича 1336 г. «А хто будетъ моихъ казначеевъ и тиуновъ и посельскихъ, или хто будетъ моихъ дьяковъ, тѣ люди не надобни моимъ дѣтемъ, ни моей княгини, дакъ есмь имъ возю» (С. Г. Г. и Д. Т. I, № 25). Въ этомъ же томѣ объ нихъ упоминается даже въ Дух. Гр. Иоанна III-го 1504 года. «А кто будетъ моихъ казначеевъ и кто будетъ моихъ дьяковъ прибытковъ мой отъ меня вѣдаю, или тиуны или посельскіе или кто женился у тѣхъ, тѣ всѣ ненадобъ сыну моему

¹ «А что моихъ тиуновъ и дьяковъ» Дух. Гр. Дов. 1371 года. (Соб. Г. Г. Т. I, № 30), но при Иоаннѣ IV дьяки и стрилчие уже имѣютъ вотчины и принадлежать къ свободному, служилому классу жителей. Курчма 1571 года глѣта 7079-го по Государеву слову, бояринъ Василій Петровичъ Яковля съ товарищи приговорили дьяку Василю Шелкалову взять вотчину у подьячаго Улана Айгустова. А вотчины Улановы по княжѣ Федоровѣ описи, село Михайловское, деревня Гребеново, деревня Текунино, дерев. Рогово, деревня Пашигорова. А та вотчина Уланова не продана никому, ни заложена, ни въ кабакахъ хлѣбныхъ, ни въ денежныхъ ни въ поручныхъ записяхъ (Ак. Ар. Т. I, № 280).

Но въ послѣдствіи времени дьяки стали играть важную роль въ государствѣ и иногда были вышніе воеводы. Такъ въ дѣлѣ князей Голицына съ Шуйскимъ 1579 года сказано: «А 32 году послалъ князь Великій подѣ Казань Царя Шигагел, а съ нимъ воеводъ своихъ въ судѣхъ и полемъ. И коннымъ воеводамъ приказалъ князь Вел. съ Шугоною Поджегинимъ, да съ Дьякомъ Офонасимъ Курчильнымъ. А велѣлъ имъ по полкамъ сваять по полкамъ Ист. Собр. Т. II, стр. 18).

Василію и моятъ дѣтемъ Юрью съ братією; (Соб. Гос. Гр. и Дог. Т. I, № 144).

Послѣдній классъ служилыхъ людей въ Московской Исторіи I-го періода составляютъ стрѣльцы, т. е. ишіе ратники вооруженные пищалями и бердыщами. Они полное устройство получили при Іоаннѣ IV во время послѣдняго Казанскаго похода (Древняя Росс. Вивліовика. Т. XX, стр. 232). Они обыкновенно набирались изъ сельскихъ и городскихъ жителей, жили по городамъ въ особыхъ слободахъ. Они обязывались службою лично, но не съ семействами, и считались на службѣ безсмѣнно, до тѣхъ поръ пока не лишались возможности продолжать ее по старости или по болѣзни. Въ мирное время они составляли гарнизоны въ Москвѣ и въ другихъ городахъ особенно пограничныхъ, и отправляли разныя полицейскія должности,—высыльщиковъ приставовъ, таможенныхъ караульных и другія, а во время войны они присоединялись къ прочему войску для поддержанія конницы и осады городовъ.

Стрѣльцамъ были даны разныя преимущества. Каждый получалъ особую землю и выстроенный отъ казны домъ, гдѣ жить съ своимъ семействомъ и могъ заниматься разными промыслами; онъ былъ освобожденъ отъ всѣхъ податей, которымъ подлежали городскіе жители, выключая тѣхъ случаевъ, когда онъ торговалъ на сумму выше 50 рублей (что на наши деньги составитъ до 600 рублей), да и въ то время у него брались только подати по торговлѣ; всѣ же прочія городскія службы и разметы на него простирались. Сверхъ того стрѣльцы получали денежное жалованье на одежду и хлѣбный провіантъ, а въ случаѣ войны казенныя подводы на подъемъ.

Іоаннъ IV можно назвать только разпространителемъ и усовершенствователемъ стрѣлцеской службы, стрѣльцы же или пищальники существовали и до него, они были конные и пѣшіе.

Такъ въ Псковской летописи Малин. говорится, что еще при отцѣ Іоаншовомъ Вас. Іоанновичѣ брали съ городовъ пищальниковъ (Ист. Гос. Рос. т. 8, прим. 416.) Да и при самомъ Іоаннѣ IV еще до послѣдняго Казанскаго похода въ 1545 году о наборѣ

¹ Цар. наказъ Астрах. воеводамъ 1391 года. «А въ Госуд. житицахъ хлѣба ни одной четверти, да и ружникомъ да и оброчникомъ и стрѣльцомъ хлѣба годовою, на 88-й годъ данъ несполна». (Ак. Ист. т. 1, № 230.)

съ Нова-города пищальниковъ. «Да съ Ноугородскихъ же посадовъ, и съ пригородовъ съ посадовъ, и съ рядовъ, и съ погостовъ, нарядити 2000 пищальниковъ, половина ихъ 1000 человекъ на коняхъ, а другая половина 1000 человекъ пѣшихъ; да и у тѣхъ бы пищальниковъ у конныхъ и у пѣшихъ, у всякаго человека по пищали по ручной; а на пищаль по 12 гривенокъ безменныхъ вельи; да по 12 гривенокъ свищу на ядра; а на тѣхъ бы людехъ на всѣхъ на нихъ однорядки, или сермаги крашены. Разрядный и разметный списокъ 1545 года (Ак. Ар. Эк. т. I, № 205.)

Къ служилымъ людямъ принадлежали еще *пушкарки*, которые жили въ городахъ и имѣли особые слободы въ уѣздахъ, имъ давалась земля съ угодьями, на которой они селились съ своими семействами и занимались разными промыслами, пахали землю, ловили рыбу и торговали, они освобождались отъ податей, имъ вѣнялось въ обязанность воздѣлывать свои земли и защищать городъ во время осады, а въ мирное время наравнѣ съ стрельцами отправлять разныя полицейскія должности. Объ ихъ службѣ пѣсколько упоминается въ Похвальной Цар. грамотѣ 1580 года: «И ты для Нѣмецкихъ людей сдѣлалъ острогъ, и Нѣмецкіе люди къ острогу приступали; и ты съ стрельцы и съ пушкарки и съ охочими казаки и съ тутошними людьми, съ Нѣмецкими людьми въ приступѣхъ и на вылазкахъ на многихъ дѣлѣхъ бились. (Ак. Ар. Эк. т. I, № 303.) Ихъ еще въ исходѣ прошлаго столѣтія было до 293 человекъ въ Алексинѣ, Новосилѣ, и Кашарѣ; они владѣли тогда однимъ селомъ, 1-ю деревнею и 97-ю домами. (Древ. Рос. Вивлиоика т. XX, стр. 205.)

Духовенство.

Къ числу служилыхъ людей въ Моск. Государствѣ принадлежало духовенство, оно дѣлилось на черное и бѣлое, и въ отношеніи къ своему служенію управлялось совершенно независимо отъ гражданской власти, по правиламъ греческихъ и церковныхъ законовъ, и по своимъ сборнымъ уложениямъ митрополитовъ и епископовъ.

Такъ по случаю отдѣленія Кіевскаго края по приказанію Витовта, который велѣлъ избрать въ Кіевскіе митрополиты Григорія Самозака, Митрополитъ Фотій въ 1415—1419 г. писалъ окружное посланіе ко всѣмъ епископамъ, въ которомъ изложилъ правила Апостоловъ и святыхъ отецъ объ этомъ предметѣ.

сконовъ¹. Но въ отношеніи къ своему недвижимому имуществу, и къ некоторымъ гражданскимъ правамъ, оно царивѣ съ прочими жителями Государства находилось въ зависимости отъ великихъ Князей, и отъ поставленныхъ ими начальниковъ области. (Ак. Ар. т. I, № 301.) Общаго уложенія объ этомъ дѣлѣ древніе памятники Московской администраціи не представляютъ; но по жалованнымъ грамотамъ разнымъ духовнымъ лицамъ, по которымъ они освобождались отъ разныхъ повинностей, можно судить, что тѣ, которые не имѣли таковыхъ грамотъ, шли подъ общую управу всѣхъ жителей, и притомъ сіи грамоты нерѣдко покупались платою денегъ, какъ можно видѣть изъ слѣдующей жалованной грамоты В. К. Іоанна Даниловича Новгородскому Юрьеву монастырю 1340 года. «Что земли св. Юрья на Волоцѣ, кто сядеть на землю св. Юрья, дать есмь имъ волю ненадобѣ имъ поганути къ городу ни въ которую дань, ни въ подводы, ни въ корьми, ни въ стань, ни въ которой проторь; а волостелемъ ихъ Волоцкимъ на Волоцѣ не судити, опрочѣ татьбы и разбоя и душегубства, а то судитъ ихъ человекъ св. Юрья промежи собою. А архимандриту тяглыхъ людей Волоцкихъ непринимати, а Князю Великому дать сто рубль». (Ак. Ар. т. I, № 4.) Велик. Князья принимали участіе въ управленіи церковными землями и получали съ нихъ извѣстный

(Ак. Ист. т. I, № 19). Этотъ же митр. Фотій въ 1416 году писалъ посланіе къ Псковичамъ о необиеніи съ стригольниками, гдѣ также утверждалъ на правилахъ семи соборовъ, объ которыхъ такъ говоритъ: «А церковь Божія утверждена Богомъ и даннымъ намъ закономъ новымъ, и ограждена повѣдѣніями Апостольскими, и укрѣплена божественными и св. отецъ правилами семи соборовъ». (А. Ист. т. I, № 21). «Основывался на тѣхъ же правилахъ писано имъ Поученіе къ Псковскому духовенству о строгомъ соблюденіи церковнаго устава и проч. 1416 г. (Тамъ же 22). Грамот. митрополита Макарія Новгородскому архіепископу съ разрѣшеніемъ некоторыхъ случаевъ по управленію (А. Ар. т. I, № 253).

¹ Такъ напримѣръ предѣлы епархій опредѣлялись митрополитомъ и соборомъ. Грам. митроп. Феогноста 1334 г. «Нынѣ пріѣхавъ ко мнѣ владыко Рязанскій и привезъ ко мнѣ грамоту брата моего Максима митрополита, а другую грамоту Петра митрополита, — и управиваютъ владыку Рязанскаго и велятъ ему держати всего предѣла твоего по великую Ворону; и авиль ли третью грамоту владыки Сарайскаго Софонія, какъ то ся отступилъ того предѣла, что ся ему не вступити, занеже не Сарайскій предѣлъ а Рязанскій; и далъ есмь владыцѣ Рязанскому Кириллу грамоту правую, какъ-то и братья мои дали митрополиты. И вы (т. е. все христіане того края) имѣйте къ нему любовь, и всяко послушаніе и покореніе, а что будетъ церковная пошнина, а то ему давайте по давнему по церковному обычаю». (Ак. Истор. т. I, № 1).

доходъ. Такъ это видно изъ устав. грамоты Вас. Дмитр. и митр. Кипріяна 1389 года. «Управили есмь о домѣхъ о церковныхъ, и о волостѣхъ и о земляхъ, и о водахъ и о всѣхъ пошлинахъ о церковныхъ. Судити митрополита Луховца съ волостелемъ или съ доводчикомъ. А искати мнѣ Князю Великому въ выходъ по своей грамотѣ пооброчной, а лише того оброка неимати; а бѣлки, и резанки, неимати В. Князю, но митрополиту». А что села отца нашего митрополита церковныи, которыи даваны издавна и до Олексея митрополита и тѣ села потянуть къ митрополиту, а даш имати съ тѣхъ сель въ выходъ по оброку по моеи грамотѣ В. К. по оброчной, а лише того оброка неимати; а имъ по старинѣ шестый день, а коли мои села Князи Великаго дадутъ, тогда и митрополичи дадутъ. А что люди митрополичи живутъ въ городѣ, а тянуть къ дворцу, а тѣхъ описавъ да положить на оброкъ, какъ и на моихъ Князи Великаго дворчанъ. (Ак. Ар. Эк. т. I, № 9.) Въ случаѣ жалобы уѣзднаго человѣка на кого либо изъ духовныхъ судъ былъ общій между Духов. и Граждан. начальствомъ, какъ значится въ той же грамотѣ. «А которой человѣкъ мой Князи Великаго ударить челомъ на игумена, или на попа, или на черница, или судъ вобчой. А будетъ кто ударить челомъ мнѣ Князю Вел. на митрополича намѣстника, или на десятичника, или на волостеля, и мнѣ Князю Великому судити самому». Духовенство съ своихъ промысловъ и имѣній несло всѣ подати наравнѣ съ прочими жителями, даже выставляло ратныхъ людей¹ и платило дань въ выходъ не смотря на Ханскіе ярлыки. Въ той же грамотѣ: «А митрополичимъ людямъ церковнымъ, который иметь прикупомъ которымъ торговати, тотъ тамгу даетъ. А коли дань дати въ Татары, тогда и оброкъ дати церковнымъ людямъ; а коли дани не дати въ Татары, тогда и оброкъ не дати церковнымъ людямъ. А про войну, коли язъ самъ Князь Великій сяду на конь, тогда и митрополичимъ бояромъ и слугамъ, а подѣ митрополичимъ вое-

¹ Отписъ дьяка Истома Ноугородова 1532 года. «Царь и В. Кн. велѣлъ съ Важскіе земли съ посаду и съ Важскаго уѣзду съ становъ и съ волостей; и съ церковныхъ и съ своеземцевыхъ-взяти за посошные люди, за 224 человѣка, по старому наряду, денгами за человѣка по два рубля. (Ак. Ар. т. I, № 233). 1589. Цар. Гр. «А въ тотъ походъ пелѣи есма взяти у васъ, Соловецкаго монастыря вотчинъ, изъ Кемь съ вашего жеребья и съ Сумскаго острогу сто человѣкъ съ воинскихъ людей съ огненнымъ боемъ съ ищальми; а ити имъ съ нашими головами, кого съ Москвы пошлемъ на Кемь Ижецкую». (Ак. Ар. т. I, № 345).

водою, а подѣ стягомъ моимъ Великаго Князя»¹. Вѣроятно въ духовенство могли поступать люди всякаго званія² исключая тѣхъ, которые обязаны княжескою службою, или находятся въ крѣпости, точно также и духовнаго званія люди, необязанные церковною службою, имѣли право поступать въ любую службу, но впрочемъ имъ предоставлялось возвращаться опять въ свое званіе. Объ этомъ ясно говорить таже уставная грамота. «А слугъ моихъ Князя Вел. и моихъ данныхъ людей въ діаконы и въ попы митрополиту не ставити; а который поповичъ хотя будетъ писанъ въ мою службу, а всхочеть стати въ попы или въ діаконы, ино ему вольно стати; а поповичъ который живетъ у отца а хлѣбъ ѣсть отцовъ, ино той митрополитъ; а который поповичъ отдѣленъ и живетъ опричь отца, а хлѣбъ ѣсть свой, а то мой Князя Великаго». Но рабовъ и пѣнниковъ не можно было ставить въ священники. Грам. Патриарха Германа къ митроп. Кирил. (1228 г.) (Каталогъ Румянцевскаго музея. ССXXX—ССXXXIX). Въ судѣ между духовными особенно по церковнымъ дѣламъ совершенно отстранялось гражданское правительство. Такъ объ этомъ говорить грамота митрополита Кириана къ Псковичамъ 1395 года. «Что есмь слышалъ, ажъ въ Псковѣ міряне судятъ поповъ и казнятъ ихъ въ церковныхъ вѣщѣхъ, ино то есть кромѣ хрестыанскаго закона: не годится міряномъ попа ни судити ни казнити, ни осудити его, ни слова на него немолвити: но кто ихъ ставитъ Святитель, но онъ ихъ и судитъ, и казнитъ, и учитъ». (Ак. Ист. т. I, № 9). Даже и не въ церковныхъ дѣлахъ между духов. недопускался гражданскій судъ по крайней мѣрѣ въ монастыряхъ. Посланіе Новгород. Архіеп. Симеона 1416 г. «А како-ва будетъ котора промежи братья тоя обители, ино вѣдаетъ про-

¹ Въ той же Новгород. грамотѣ. 1471 г. «А пошлицы вамъ Вел. Княземъ и вашему отцу митрополиту отъ владыки имати по старинѣ, а лишнего не прибавляти». (С. Г. Г. и Д. т. I, № 20).

² Дѣло Мирова Вельяминова съ Кн. Василіемъ Вяземскимъ 1631 года. «А дядя его Князь (Вяземскаго) Васильевы родные Князь Богданъ, да Князь Ондрей Князь Романовы дѣти Вяземскаго, Князь Богданъ нынѣ въ поивѣхъ у нихъ же, въ селѣ Семеновскомъ у церкви, а Князь Ондрей въ церковныхъ дѣлкахъ былъ, а нынѣ сынъ его Князь Ондреевъ на ево мѣсто, а нынѣ Вяземскіе Князи служатъ по городамъ въ дѣтѣхъ боярскихъ. (Рус. Ист. Сборн. т. V, стр. 39). Жал. Гр. митр. Іоанн 1449 г. «Такоже діакonomъ и дякомъ, и инокомъ сущимъ и міряномъ, въ діаконы поставляти и въ попы совершатися со испитаніемъ всяко доводно духовнымъ». (А. П. I, № 4^о).

между ими игумень и старци и причетни той обители съ старостами Святыя Богородицы; а мѣряномъ въ то ненадобѣ вступатись по моему благословенію». (Ак. Ист. т. I, № 24). Тоже подтверждаетъ Новгородская записъ о церковномъ судѣ 1477 г. «Судити владычню намѣстнику: аже пошь или дѣконѣ, или прогиву черница или черничяжъ а будетъ оба непростыи люди, церковныи, ино несудити Князю, ни посаднику, ни судьямъ не судить, занеже той судѣ владычня намѣстника». (Ак. Ар. Эк. т. I, № 103). Когда духовное правительство не справится съ озорникомъ, то ему помогаетъ гражданское. Грам. Вас. Іоаннов. въ Бѣлозерскіе волости 1513 г. «А который старецъ учнетъ жити у нихъ въ ихъ пустыни (Ниловой Сорской) безчинно, не по ихъ уставу, и язъ имъ велѣлъ того старца выслати вонъ; а не послушаетъ ихъ тотъ старецъ, и отъ нихъ вонъ не пойдетъ, по моему приказу, и велѣть вамъ (Бѣлозерскимъ старостамъ и десятицамъ) старцы того черница выслати вонъ, и вы бы его выкинули вонъ, чтобы у нихъ не жилъ». (А. А. т. I, 157). По гражданскимъ дѣламъ судѣ между духовными лицами принадлежалъ гражд. правительству. Цар. Грам. 1582 г. въ Ярославль: «И будетъ такъ, какъ намъ Пречистые Тольскаго монастыря игумень Θεодосей съ братією билъ челомъ, и какъ къ вамъ (Ярославскимъ городовымъ прикащикамъ) ся наша грамота придетъ, и вы бѣ Спаскаго монастыря игумену Θεодосію на ихъ (Тольскихъ) монастырскихъ крестьянехъ нашихъ никакихъ податей править не давали». (Ак. Ар. т. I, № 313). Въ послѣдствіи Государи стали вступаться и въ монастырское поведеніе духовныхъ. Цар. Гр. въ Соловец. монастырь 1584 года. «Отъ царя и В. Ки. Осдора Ів. всеа Русіи въ Соловецк. монастырь богомольцу нашему Іакову съ братьєю. Слухъ нашъ дошелъ, что у васъ въ монастырѣ сыгять квасы медвенные да квасить, и уставъ прежній монастырскій перемябениъ, и намъ того пытати на тебѣ игумень и на соборныхъ старцевъ.—И какъ къ вамъ ся наша грамота придетъ и вы бѣ квасовъ не квасили и прежняго чину монастырскаго перушили». (Ак. Ар. т. I, № 321).

Церковныя и монастырскія имѣнія стали приводить въ извѣстность и требовать отъ монастырскаго начальства отчетовъ и описей съ 1588 года. Такъ значится въ грамотѣ боярина и Дорецкаго Григорья Годунова Соль-Вычегодскому городовому прикащику. «И какъ къ тебѣ ся грамота придетъ, и ты бѣ въ томъ монастырѣ (Николо-Корежескомъ) доискался старыхъ отписныхъ

книгъ, почему игумену Іеву тотъ монастырь отписагъ, да по тѣмъ книгамъ пересмотрѣлъ въ томъ монастырѣ все на лицо и переписалъ церкви и въ церквахъ образы окладные и неокладные и проч. и ты бѣ то все велѣлъ написати въ твои книги подлинно, порознь по статьямъ земскому и церковному дьячку; а пересмотря по тѣмъ книгамъ и переписавъ все на лицъ, взялъ бы еси у бывшаго игумена Іева книги приходные и расходныя, да по тѣмъ книгамъ бывшего игумена въ томъ счелъ, да тѣ отписные и щетные книги прислалъ бы еси къ Москвѣ въ Приказъ большаго дворца». (Ак. Ар. Эк. т. I, № 337). Такимъ образомъ управление и отчетность по всеѣмъ монастырскимъ имѣніямъ движимымъ и недвижимымъ перешло въ Приказъ большаго дворца, это съ Іоанна IV, съ соборнаго уложенія. О святительскомъ судѣ въ 1551 году. Гдѣ сказано: «А монастыри и казны монастырскіе вѣдаютъ и отписываютъ по всеѣмъ монастыремъ Царя и Вел. Кн. дворецкіе и дьяки, и приказываютъ архимандритомъ и игуменомъ, и строителемъ съ соборными старцы, и считаютъ архимандритовъ и игуменовъ и строителейъ, во всеѣмъ приходѣ и расходѣ. Царя же и Вел. Кн. дворецкіе дьяки или кому повелятъ по Цареву слову (Ак. Истор. т. I, № 155).

Въ уголовныхъ дѣлахъ духовенство зависѣло отъ гражданскихъ судей и судилось по царскимъ законамъ. Тоже уложеніе: «А крзнаго цѣлованья и по священническому и иноческому чину не присужати ни въ котovýchъ дѣлѣхъ по священнымъ правиламъ, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ: въ такихъ винахъ градскіе судьи да судятъ по царскимъ законамъ». Во всеѣхъ же гражданскихъ дѣлахъ духовенство судилось Митрополочьими боярами вмѣстѣ съ поповскими старостами, причемъ должны были участвовать городекіе старосты, цѣловальники и земскій дьякъ по тому же уложенію. «А по ряднымъ грамотъ и по духовнымъ и по кабаламъ, и въ покложѣхъ, и въ боѣхъ, и въ грабежахъ, и въ прочихъ во всякихъ дѣлѣхъ, опричь духовныхъ дѣлъ поновъ и діаконовъ, и всеѣхъ причетниковъ и мірскихъ людей, повелѣваютъ святители бояромъ своимъ судити; а у бояръ въ судѣ сидѣти старостамъ поповскимъ, и пятидесятскимъ, и десятскимъ по недѣлямъ, по два и по три, да градскимъ старостамъ и цѣловальникамъ, да земскому дьяку, которымъ Царь и Государь прикажетъ; и тѣмъ и старостамъ и цѣловальникамъ, и земскому дьяку, съ тѣхъ судныхъ дѣлъ списывати противни, да тѣ судные списки

держати дьякомъ у себя въ дарцѣ, за боярскими печатями, по Цареву Судебнику. (Стоглав. глав. 68)». Съ 1581 года по соборному приговору Января 15 духовенство лишилось права приобрѣтати вотчины вновь, впрочемъ старые оставлены за нимъ по прежнему. Церковныя недвижимыя имѣнія кажутся находившимся въ однихъ сохахъ съ земскими, и отписывались въ особыя сохи только по особымъ царскимъ грамотамъ. Царск. грам. въ Соль-вычегодскую 1589 года. «И какъ тебѣ ся наша грамота придетъ, и ты бѣ взявъ съ собою старость и цѣловальниковъ и людей добрыхъ сколько человекъ пригоже, у Соли на посадѣ Николы чудотворца Корижемскаго монастыря амбары и дворы, и полянки, и пожни отъ посадскихъ отъ черныхъ дворовъ отписалъ и въ соленое письмо тѣ ихъ монастырскіе дворы положилъ опричѣ и наши данные и оброчные денги и всякіе подати на тѣ ихъ монастырскіе амбары и дворы, и на пожни на полянки покожитъ по сошному пштыму опричѣ посадскихъ людей. Да что положить и ты бѣ то все велѣлъ написать въ книги подлинно, да тѣ книги за поповыми и за дьяконовыми руками и за своею приписью, прислалъ къ намъ къ Москвѣ въ четверть діака нашего Дружныи Петелина, и мы съ тѣхъ книгъ велѣмъ имъ сотную дати. (Ак. Ар. Эк. т. I, № 343).

Степени духовенства въ гражданскомъ отношеніи суть слѣдующія: Митрополиты, а съ Θεодора Патріархи, архіепископы, епископы, монастыри и бѣлое духовенство.

Митрополиты съ самаго начала усиленія Москвы, именно съ Іоанна Даниловича, который первый сталъ называться Великимъ Княземъ, и названъ собирателемъ Русской земли, Петръ Митрополитъ перенесъ свой престолъ изъ Владиміра въ Москву, и съ сего времени Митрополиты всея Руси постоянно оставались въ Москвѣ до 1589 года ¹, когда Московскій Митрополитъ Іовъ посвященъ отъ Патріарха Константинопольскаго Іереміи въ Патріархи, въ каковомъ санѣ и утверженъ Константинопольскимъ соборомъ (Evers. Gesch. стр. 316). Въ началѣ Московскаго владычества Митрополиты иногда избирались изъ Русскихъ духовныхъ лицъ, какъ Петръ, Алексій, Іона и другіе. иногда изъ Грековъ, напр. Θεогность, пресмникъ Петра, который жилъ въ Кіевѣ, Волыни и въ

¹ Впрочемъ они, включительно до Митрополита Іоны, назывались еще Митрополитами Кіевскими, и только уже по смерти его стали именоваться Московскими и всея Россіи (Истор. Рос. Герар. Собр. Амрос. т. I, ч. 1, стр. 89—98).

Москвѣ, грекъ Романъ соперникъ Св. Алексія, Исидоръ преемникъ Фотія, поставленный въ Митрополиты на перекоръ изъ Византіи Московскому избранію въ этотъ санъ Рязанскаго епископа Іоны. Избраніе въ Митрополиты изъ Русскихъ кажется первоначально зависѣло отъ общаго согласія всего народа. По крайней мѣрѣ такъ можно судить изъ слѣдующаго посланія Вел. Кн. Вас. Вас. къ Греческому Императору Константину Палеологу 1448 года.

«Отцелъ же по Божіей воли, отъиде къ Богу, отъ сего временнаго живота преставися вашъ богомолецъ, отецъ нашъ приснопамятный Фотій Митрополитъ Кіевскій и всеа Руси; и отъ тогоже тогдашняго времени; мы, милостию Божіею, съгдавши съ своею матерью съ Вел. Книгинею, и съ нашею братіею съ Рускими князи и съ помѣстными князми и съ Литовскіе земли Осподаремъ Великимъ Княземъ, и съ святители нашия земли и со всѣми священники и духовными чловѣки, общежительми же и пустынными отходники съ святыми старци, и съ нашими бояры, и со всею съ нашею землею Русскою, со всѣмъ православнымъ христіанствомъ избравше, послахомъ съ нашимъ посломъ, и съ прозбою и съ моленіемъ къ, прежде почившимъ, тогда еще живымъ сущимъ имъ, къ брату святаго ти царства Царю Калояну, и къ патріарху Каръ Іосифу, отца нашего Іону епископа Рязанскаго, дабы его намъ поставили на святѣйшую митрополию Русскую митрополитомъ на Кіевъ и на всю Русь». (Ак. Ист. т. I, № 41). Іона первый изъ Московскихъ митрополитовъ былъ поставленъ въ сей санъ соборомъ Русскихъ епископовъ, неѣздя въ Царьградъ: впрочемъ Велик. Кн. Вас. Ва с. какъ видно изъ вышеприведеннаго посланія, просилъ утвержденія этого постановленія отъ Константинопольской церкви. Вотъ слова посланія. «И церковь наша Русская святѣйшія митрополи Русскія святыя Божія вселенскія соборныя Апостольскія церкви Премудрости Божія святыя Софїи Цареградскія благословенія требуетъ и ищетъ, и во всемъ по древнему благочестію повинуется; и тогъ нашъ отецъ Іона митрополитъ всеа Руси, по тому жъ всячески требуетъ оттолъ благословенія и соединенія». Но по смерти Іоны митрополиты Московскіе стали возводиться въ свой санъ соборомъ Русскихъ епископовъ уже безъ сношенія съ Константинопольскими патріархами, только съ согласія Великаго Князя; такъ возведены

И даже иногда живалъ въ Кіевѣ, такъ Митр. Алексій жилъ два года въ Кіевѣ послѣ своей поѣздки къ хану Бердибеку. (Ист. Гос. Росс. т. IV, стр. 334)

были митрополиты Феодосій, 1461¹; Филиппъ, 1465 и Геронтій, 1472. По смерти же Геронтія возведенъ въ санъ митрополита Симоновскій архимандритъ Зосима (1491) по повелѣнію Великаго Князя безъ формальнаго собора епископовъ, и вообще съ сего времени Великіе Князья начали имѣть большое вліяніе на избраніе въ митрополиты, и соборъ епископовъ уже только посвящалъ избраннаго (еслили онъ еще не былъ епископомъ), какъ это можно видѣть изъ чина поставленія митрополита, изданнаго при Іоаннѣ IV въ 1564 году, гдѣ прямо сказано: «Внегда сице благоволилъ Царь или Князь Великій, съ совѣтомъ всѣхъ епископъ возвести единого отъ епископовъ на митропольскій престолъ, сице бываетъ поставленіе его». (Ак. Ар. Эк. т. I, № 264). Впрочемъ, кажется, была нѣкоторая форма избранія. Такъ въ чинѣ поставленія митрополита Іоасафа 1539 года сказано объ избраніи митрополита такъ: «Во избраніи пишутъ тріехъ, ихъже изберутъ; и запечатавъ отдають архіепископу, онъ же довольно помолався отверзаетъ и тако нарицаетъ митрополита единого отъ тріехъ тѣхъ именъ написанныхъ». (Ак. Ар. т. I, № 184). Тутъ же сказано, что избраніе производится «во всечестнемъ храмѣ Пречистые Богородицы честнаго и славнаго ея успенія». Не на это ли положеніе указываетъ чинъ 1564 года, гдѣ сказано: «а спустя день или два избраніе учинити по уставу». Объ избраніи митрополитовъ вообще должно замѣтить, что съ переносеніемъ митрополии въ Москву, избраніе сіе болѣе получало определенности и зависимости отъ Великихъ Князей Московскихъ, тогда какъ до сего времени въ сихъ случаяхъ никакого не было порядка: кто успивалъ своими подарками въ Греціи, тотъ и получалъ митрополию своевольно. Такъ напр. по смерти митроп. Максима какой-то игумень Геронтій самъ себя назначилъ въ митрополитскій санъ и захвативъ святительскую утварь и жезлъ

¹ Объ избраніи Феодосія такъ сказано въ грамотѣ соборной къ Тверскому епископу Гевнадію 1461 года: «Се господиныхъ нашъ и отецъ Іона митр. Кіев. и всея Руси, разсудивъ по божественнымъ и свиденнымъ правиломъ и обговоривъ съ своимъ сыномъ съ Великимъ Княземъ Вас. Вас. да и съ нами съ своими богомольцы, избрали и благословилъ на тотъ на превеликій степень святительства, въ домъ Пречистыя Богоматери и къ гробу св. Великаго Чудотворца Петра митрополита на ту святѣйшую митрополию Русскую, господина и брата нашего старѣйшаго Феодосія Ростов. архіепископа, на свое мѣсто, да и грамоту свою благословенную, на его имя въ святѣйшей величій соборной церкви Пречистыя Богоматери, за своею подписью и печатью на престолѣ положили. (Ак. Ист. т. I, № 69).

пастырскій съ митрополічьямъ причомъ отправился въ Царьградъ. (Крат. Церк. Рос. Исторія Митр. Платона стр. 154). Напротивъ того съ перенесеніемъ митрополіи въ Москву тамошніе В. Князья не стали принимать митрополитовъ, поставленныхъ уже въ Царьградъ, если находили это поставленіе своевольнымъ; такъ Дмитрій Іоановичъ не принялъ митрополита Кипріана и принялъ его уже только по смерти избраннаго въ Москвѣ архимандрита Митяя-причемъ своевольно поставившагося въ митрополиты въ Греціи Нимена велѣлъ заточить въ Чухлому (таже Ист. стр. 206); потомъ подозревая Кипріана въ сношеніяхъ съ Тверскимъ В. Княземъ, принудилъ его удалиться въ Кіевъ, и на Московскую митрополію принялъ отвергнутаго Нимена (стр. 215). Примѣровъ, что Великіе Князья Московскіе удаляли митрополитовъ несогласныхъ съ ихъ волею также очень не мало. Такъ принуждены были оставить митрополію: Исидоръ В. Кн. Вас. Васильевичемъ въ 1438 году, а Іоаннъ Вас. III хотѣлъ удалить митрополита Геронтія, и оставилъ только по просьбѣ Троицкаго игумена Пансія; потомъ въ 1494 г. отставилъ отъ митрополіи митрополита Зосиму за пьянство. Во время малолѣтства Іоанна IV боярская дума въ 1539 году принудила митрополита Давида отречься отъ престола; потомъ въ 1542 году таже дума изгнала митрополита Іоасафа и сослала въ заточеніе въ Кирилловъ монастырь; въ 1569 году Іоаннъ IV лишилъ сана и сослалъ въ Тверской Отрочъ монастырь митрополита Филиппа, Іоанновъ сынъ Θεодоръ и, какъ говоритъ нашъ исторіографъ. Годуновъ (С. Г. Д. т. IV, стр. 107) въ 1585 году отрѣшилъ отъ должности митрополита Діонісія и на мѣсто его избралъ Іова, который въ послѣдствіи былъ посвященъ въ патріархи.

Митрополиты какъ въ началѣ, когда еще назначались Константинопольскимъ патріархомъ, такъ и въ послѣдствіи, когда уже избирались соборомъ Рускихъ епископовъ, и наконецъ простымъ назначеніемъ Государя Московскаго, считались въ государствѣ первымъ лицомъ послѣ Вел. Князи, и несмотря на увеличеніе свѣтской верховной власти, долго удерживали независимость своихъ распоряженій, даже нерѣдко въ противность Великимъ Князьямъ. Такъ митрополитъ Іона настоялъ у Дмитрія Шемяки отпустить плѣнника Василія Васильевича изъ Углича; митр. Филиппъ, когда ему было предложено Іоанномъ Вас. III встрѣтить папскаго легата съ почестями присвоенными ему въ католическихъ земляхъ, прямо сказали Князю, что тому невозможно быть: кто хвалить и

чувствуетъ чужую вѣру, тотъ свою унижаетъ. Аще же Князь его не послушаетъ: то когда легать съ своимъ крестомъ взойдетъ во градъ одними воротами, то онъ пойдетъ изъ града другими; и В. Князь посему принужденъ былъ отложить почести, которыя думалъ сдѣлать легату. (Крат. Рос. Цер. Ист. Плат., стр. 326).

Потомъ въ 1477 году митр. Геронтій въ спорѣ съ архіепископомъ Ростовскимъ о завладѣніи Кирилловскимъ монастыремъ не принялъ посредничества В. Князя и тогда уже отступился отъ своихъ притязаній, когда Князь повелѣлъ созвать соборъ. Тотъ же Геронтій въ 1478 году въ спорѣ съ В. Княземъ о церковномъ хожденіи, съ негодованіемъ уѣхалъ на Симоновъ, и оставилъ свой походъ, и В. Князь едва упросилъ его, чтобъ онъ на свой престолъ возвратился, и спорный вопросъ о хожденіи рѣшительно предоставилъ волѣ митрополита. (Тамъ же ст. 332—334). Сверхъ того митрополитъ и все духовенство имѣло важное право ходатайствовать за обвиняемыхъ, ¹ такъ что митрополитъ Филиппъ IV смѣло говорилъ Іоанну Вас. IV объ уничтоженіи опричны и прекращеніи казней даже тогда, когда Іоаннъ принятыми отъ бояръ и духовенства условіями въ Александровской слободѣ въ 1565 году «отнять у духовныхъ древнее право ходатайствовать не только за невинныхъ, но и за виновныхъ, еще достойныхъ милосердія». (Ист. Гос. Рос. т. IX, стр. 75). До полного утвержденія единодержавія въ Москов. Государствѣ митрополиты имѣли большое вліяніе на дѣла внѣшней политики, впрочемъ всегда дѣйствуя заодно съ Государямъ Московскими; они отлучали отъ церкви строптивыхъ владѣльцовъ удѣловъ, ² посылали имъ грамоты увѣщатель-

¹ Изъ слѣдственнаго дѣла объ Иванѣ Берсенѣ 1325 г. «А прежніе Святители судѣли на своихъ мѣстѣхъ въ монастырѣхъ и печаловалися Государю о всѣхъ людяхъ». (Ак. Ар. Эк. т. I, № 172).

² Такъ митр. Петръ въ 1311 году лишилъ благословенія В. Кн. Дмитрія Мих. Тверскаго и запретилъ ему идти войною противъ Нижняго-Новгорода. Митр. Феогностъ въ 1329 году возложилъ отлученіе и проклятiя на Псковитинъ, не хотѣвшихъ выдать Князя Александра Михайловича, по просьбѣ Калиты. Препод. игумень Сергій по повелѣнію митр. Алексія въ 1365 году, когда Борисъ Константиновичъ въ противность В. Князю Дмитрію Іванов. не согласился уступить Нижній-Новгородъ Дмитрію Константиновичу, Сергій на Князя и на весь городъ объявилъ запрещеніе и всѣ церкви заварилъ. Въ 1423 году митр. Фотій

иыи¹, посредничествовали въ договорахъ, мирили Князей другъ съ другомъ², ходатайствовали у Монголовъ во время ихъ владычества, въ Литвѣ³, и принимали сильное участіе во время малолѣтства Великихъ Князей.

Митрополитъ, какъ первенствующее лицо послѣ Государя, имѣлъ обширныя владѣнія или вотчины, которыя состояли не

лишь благословія Галицкаго Князя Юрія Дмитріевича и города Галича; когда онъ, несмотря на убѣжденія митрополита хотѣлъ идти войною противъ В. К. Вас. Вас. Московскаго (Крат. Цер. Рос. Истор. Платона часть I, стр. 156, 166, 188—189, 283).

¹ Таковы два посланія митрополита Іоны жителямъ Вятки о покорности В. Князю 1452 г., двѣ грамоты митрополита Филиппа Новгородскаго 1471 года, посланіе Россійскаго духовенства Углицкому Князю Дмитрію Юрьевичу 1447 года. Окружал грамота митр. Іоны съ убѣжденіемъ, чтобы сановники и народъ отложились отъ Князя Дмитрія Юрьевича и покорились Вел. Князю, подъ опасеніемъ церковнаго отлученія; 1448 г. Посланіе митр. Іоны Твер. епископу Или, чтобы онъ убѣдилъ Твер. Князя Бориса Александровича отправить вспомогательное войско Моск. Князю противъ Татаръ (Ак. Ист. т. I, №№ 261, 280, 284, 40, 43 и 51).

² Такъ въ 1310 году митр. Петръ ходилъ въ Брянскъ мирить тамошнихъ Князей. Въ 1341 г. митр. Феогностъ примирялъ В. К. Симеона съ Новгородцами. Въ 1367 г. Князья Тверскіе Михайлъ и Еремей позваны были чрезъ пригласа митрополита въ Москву предъ митрополита на судъ. (Крат. Цер. Рос. Ист. Плат. т. I, ст. 153, 169, 190). А въ Догов. Гр. Вас. Дмитр. съ Федор. Ольг. Ряз. 1402 г. сказано: «А что ся учинитъ межъ васъ какова обида, и вамъ отслати своихъ бояръ, и ни учинитъ исправу; а о чемъ ся сопрутъ, ино имъ третій митрополитъ; а кого митроп. обвинитъ ино обидное отдати». (Собр. Гос. Гр. т. I, № 36). Догов. Гр. Дон. съ Влад. Андр. 1388: «А которыя дѣла учинятся межъ нами, и намъ отслати своихъ бояръ, онѣ исправу учинять; а о чемъ сопрутся ино бдутъ къ митрополиту».

³ Посланіе митр. Іоны Смоленскому епископу Мисаю 1454 года, гдѣ онъ приказываетъ ему ходатайствовать у Короля о выдачѣ бѣжавшаго въ Литву Можайскаго Князя Ивана Андреевича. «И благословляю тебя сына своего, чтобы еси, сыну, христіанства дѣла, и самъ того поберечь, какъ ти можно, чтобы какъ отъ того Князя Ивана и отъ его людей, въ вотчяніи сына нашего В. Князя, пакости какіе не было, и его братья молодшеи вотчинамъ и ведемъ украиннымъ мѣстомъ; занеже, сыну, сынъ нашъ Князь Велик. ведемъ хотеть съ своимъ братомъ, съ нашимъ сыномъ съ Вел. Королемъ братства и любви и прочаго добраго житья; да того дѣла за нимъ ни самъ не пошелъ, ни братья, ни дѣтей своихъ, ни своихъ людей не послалъ». (Ак. Ист. т. I, № 56).

изъ однихъ селъ и деревень,¹ по изъ волостей² и изъ городовъ.³ Вотчины Митрополита были или жалованныя Государями, — или купленные, или закладныя, или жертвованныя частными людьми. Но грамотою 1580 года вотчины, пожертвованныя Государями, были отобраны и даже купленные у князей взяты, а новыхъ вотчинъ не приказано покупать или приобретать ни отъ кого. Грамота приговорная всего духовнаго чина 1580 г. генваря 15-го: «А отъ сего дни впередъ съ генваря пятого надесять, вотчинникомъ вотчинъ своихъ по душамъ не отдавати, а давати за нихъ въ монастыри денги, которое село чего судить; а село имати вотчинникомъ хотя кто и далеко въ роду; а будетъ у кого роду не будетъ ни дальнего, и та вотчина имати на Государя, а денги за нее платити изъ казны. А Митрополиту и владыкамъ и монастыремъ земель не покупать и закладней не держати. А хто послѣ сего уложенья купить землю или закладни

¹ 1410 года. А Митрополитъ Фотій, вѣдя все почти отъ Татаръ разорено и Митрополитскій домъ совсѣмъ опустошенъ, и многія владѣнія земель имѣеть ему принадлежащія, въ общемъ разстройствѣ захваченныя другими неправедно, принужденъ былъ отъ тѣхъ, кои по лихоимству и неправдѣ, митрополія принадлежащими селами, и волостями, и доходами, и пощичами домовыми завладѣвъ, отыскивать и отбирать, и за Митрополитскимъ домомъ утверждать и нынѣ прикупать. (Бр. Цер. Рос. Ист. Плат. I, 266).

² «И какъ Государь буду въ Карашской волости въ митрополчии. (Ак. Юрид., № 17).

Цар. Гр. 1584 г. Митрополиту Діонисию: «Что мѣняль прародитель Князь Великій Васил. Дмитр. со отцемъ своимъ Кнпрееномъ, Митрополитомъ Киевскимъ и всеа Русіа, взялъ Князь Великій Василей у отца своего, у Кнпреена Митрополита *городъ Алексина*, мѣсто домовое св. Богородица, совсѣмъ съ тѣмъ какъ купилъ чудотворецъ Петра, Митрополитъ, съ волостями и съ селы и со всѣми угоды, что ни потягло изстари къ городу Алексину; а противъ Алексина далъ смѣну Князь Великій Васил. Дмитр. въ домѣ Пречистыи Богородицы и св. чудотворца Петра, отцу своему Кнпрееву, Митрополиту Киевскому и всеа Русіа, слободку Святославию, также совсѣмъ, какъ благословилъ прародитель мой, Князь Великій Дмитр. Иванов. сына своего, Великаго Князя Василя». (А. Ист., т. I, № 215).

«Великій Князь Литовскій Витовтъ (1414 года) ограбивъ Митрополита Фотія, возврати къ Москвѣ, а грады митропольскія, Киевскія церкви, и власти и села раздади епископомъ своимъ, а намѣстниковъ Фотіевыхъ ограбивъ, отосла на Москву». (Ист. Тат., т. IV, стр. 467).

³ 1410 г. Князь Владиміръ Андреевичъ при смерти отказалъ Митрополиту состоящее при Москвѣ село Кудрино съ деревнями. (Ист. Цер. Пл., 267).

учнетъ за собою держати, и тѣ земли имати на Государя безденежно; а которые нынѣ закладни за Митрополитомъ, и за владыками, и за монастыри, и тѣ земли поимати на Государя жъ; а въ денгахъ вѣдаетъ Богъ да Государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. А которые вотчины княженицкіе даваны прежь сего, и въ тѣхъ воленъ Богъ да Государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. А впередъ княженицкихъ вотчинъ не имати; а хто возьметъ безъ Государскаго вѣдома, и тѣ вотчины взяти на Государя безденежно; а которые покупили княженицкіе вотчины, и тѣ вотчины взяти на Государя; а въ денгахъ вѣдаетъ Богъ да Государь, какъ своихъ богомольцевъ пожалуетъ. А впередъ Митрополиту, и владыкамъ, и монастыремъ земель не прибавляти некоторыми дѣлы; жити имъ на тѣхъ земляхъ, что нынѣ за ними; а которое мѣсто будетъ убогое, земли будетъ мало или не будетъ: онъ бьетъ челомъ Государю, и Государь съ Митрополитомъ соборне и зъ бояры приговора и устроить тотъ монастырь землею, какъ будетъ пригоже, какъ бы ему мочно прожити». (Собр. Госуд. Гр., т. I, № 200).

Дворъ Митрополита состоялъ изъ бояръ, дворянъ, боярскихъ дѣтей, стольниковъ,¹ дворецкихъ, казначеевъ, кравчихъ. 1577 г. Посыли. грам. арх. Нов. Александра: «Отъ преосвященнаго Александра, архіепископа Вел. Новгородъ и Пскова, въ Обонежскую пятину, кравчому нашему Матеею Михайлову, сыну Шетневу. Здѣсе есмь пожаловали своего сына боярскаго Томила Сергѣева, сына Тяполкова, въ помѣстьѣ деревнями, въ Пиркинскомъ погостѣ, полутретьима обжама. И какъ къ тебѣ ся наша грамота придетъ, и тыбъ тѣ деревни, по нашей жалованной грамотѣ, какова грамота наша дана Томилу Тяполкову, отвелъ Томилу и со крестьяны». (Ак. Ист., т. I, № 196). Онъ имѣлъ своего печатника и дьяковъ; были еще чиновники, извѣстные подъ именемъ десятичниковъ, прикащиковъ и разныхъ приказныхъ и дворовыхъ служителей;

¹ 1396 г.: «А стольнику митрополитичу, который его звалъ, да въ владыко 60 руб.» (Ист. Цер. П., 242).

² 1580 г. Тарх. Грам.: «Пошлины митрополитичихъ отдано печатнику митрополитичу, старцу Мисаилу, 9 алтынъ и 2 ден., да дьячихъ одное половинны отдано въ казну казначею, старцу Пахомію, 4 алтыны и 4 денги, да истопникомъ данъ алтынъ, да дворецкаго алтынъ данъ Матеею Левскому; а дьякъ Ильѣ Масной свою выть ваялъ 4 алт. и 4 ден.» (Ак. Ист., т. I, № 205).

въ разныхъ владѣнiяхъ Митрополита жили его намѣстники тиуны, на дѣльщики, волостели. «Будетъ кто ударить челоу мнѣ, Великому Князю, на митрополича намѣстника, или на десятинника, или на волостеля, и мнѣ, Князю Великому, судить самому». 1389. (Ак. Ар., т. I, № 9). Важнѣйшiя должности при митрополичьемъ дворѣ занимали люди изъ знаменитыхъ семей, и какъ во время удѣловъ бояре и слуги переходили отъ одного князя къ другому, такъ равно и отъ Митрополита они переходили къ Князьямъ и отъ Князей къ Митрополиту, даже и по утвержденiи единодержавiя въ Московскомъ государствѣ, бояре и другiе слуги свободно переходили отъ Великаго Князя къ Митрополиту и отъ Митрополита къ Великому Князю; но соборнымъ уложенiемъ 1551 года такое своевольство прекращено, тамъ сказано: «да Митрополиту и архіенископомъ, и епископомъ, безъ Царева вѣдома, бояръ отъ себя и дворецкихъ не отсылати и въ тѣхъ мѣста и иныхъ неопоставляти. А у которыхъ святителей изведутца бояре и дворецкіе, а отъ тѣхъ родовъ или отъ иныхъ родовъ, такихъ у нихъ не будетъ, которымъ пригоже въ тѣхъ мѣста быти въ боярѣхъ и въ дворецкихъ, и имъ о томъ бити челоу Царю, чтобы Государь пожаловалъ избралъ у себя и далъ имъ, которымъ будетъ пригоже въ томъ чину быти; а и дяковъ бы имъ у себя дръжати, съ Царева же вѣдома, которымъ будетъ пригоже съ бояры всякія дѣла дѣлати, чтобы было бережно. (Ак. Ист., т. I, № 156).

Митрополиты, какъ владѣтели огромныхъ имѣній, недвижныхъ по крайней мѣрѣ, первоначально имѣли свое войско, то-есть бояръ и слугъ (то-есть дворянъ), а въ послѣдствіи боярскихъ дѣтей, которые вмѣстѣ съ велико-княжескимъ войскомъ, должны были отираваться на войну и быть подъ стягомъ великокняжескимъ, но съ своимъ воеводою, такъ это сказано въ грамотѣ 1389 года: «а про войну, коли язъ самъ Князь Великій сяду на конь, тогда митрополичимъ бояромъ и слугамъ, а подъ митрополичимъ воеводою, а подъ моимъ стягомъ Великаго Князя; а кто будетъ бояръ или слугъ не служивалъ Алексѣю Митрополиту, а приказался ново-Митрополиту (Кипріяну), а тѣ пойдутъ подъ моимъ воеводою Великаго Князя, гдѣ который живетъ имъ подъ тѣмъ воеводою и есть». (Ак. Ар. Эк., т. I, № 9). Стало быть съ этого времени владычество свѣтское Митрополитовъ начало сокращаться почувствительно, ибо какъ изъ грамоты видно, вновь поступившіе въ митрополичью службу бояре, уже зависѣли отъ велико-княже-

скихъ воеводъ, тогда какъ прежніе митрополиты болѣе имѣли своего воеводу. Впрочемъ изъ сей грамоты по ея тону и формамъ можно заключать, что Великіе Князья договаривались съ Митрополитами почти какъ съ удѣльными владѣтельными князьями. Но уже при Васильѣ же Дмитріевичѣ власть Митрополитовъ еще болѣе стѣснилась, такъ уже въ 1421 году они могли покупать имѣнія только съ разрѣшенія Великокняжескаго. Такъ въ Жал. Гр. Вас. Дмитр. этого года сказано: «Се изъ Князь Великій Вас. Дмитр. освободилъ еси отцу Своему Фотию, Митрополиту Кіевскому и всея Руси, купити въ Тальшѣ деревню Яковльскую волостную; а что доселя та деревня тянула судомъ и всеми пошлинами къ волости къ Тальшѣ и иныѣ та деревня потянетъ судомъ и всеми пошлинами къ отцу Моему Фотию, Митрополиту Кіевскому и всея Руси». (Ак. Ар. Эк., т. I, № 20). Впрочемъ Митрополиты и архієпископы, какъ владѣтельные лица, еще при Іоаннѣ IV, посылали въ Царское войско своихъ бояръ и дѣтей боярскихъ, а также жаловали ихъ помѣстьями изъ своихъ земель, но жалованья въ вотчины нигдѣ не встрѣчается. ¹ А о помѣстьяхъ говорится въ помѣстныхъ грамотахъ архієпископа Новгородскаго Леонида 1573 года: «се изъ господинъ пресвященный Леонидъ, архієпископъ Великаго Новгорода и Пскова, пожаловалъ еси своихъ дѣтей боярскихъ Девятаго да Ивана Никифоровыхъ, дѣтей Епишкова, въ Обонежской пятинѣ, что было отца ихъ помѣстье, третей жеребей за братомъ ихъ Прокофьемъ... А брата ихъ Прокофья, убили, сеѣ зимы на Государевѣ службѣ въ Нѣмецкой землѣ, и въ его мѣсто служить Государская служба брату Прокофьеву Девиномъ Епишкову», или еще въ помѣстной грамотѣ 1574 г. того же архієпископа Леониды: «пожаловалъ еси боярина своего Василья Григорьевича Ѳомина... помѣстьемъ селомъ Усадищемъ съ деревнями, а въ селѣ Усадищѣ и въ деревняхъ полнынацаты обжа». (Ак. Ист., т. I, №№ 185 и 190). Кромѣ доходовъ, получаемыхъ съ вотчинъ, Митрополиты получали выгоды отъ торговли, которую они вели черезъ своихъ людей, и не только внутри государства Московскаго, но и за границу; свидѣтельствомъ сему служить слѣ-

¹ Жалов. Гр. Митрополита Феодосія Борису Тютчеву, 1462 г.: «се изъ Феодосіи, Митрополитъ всея Руси, пожаловалъ есмь Бориса Матвеева, сына Тютшева, селомъ церковнымъ и своимъ, на Михайловѣ сторонѣ въ Суздалѣ, до его жавота съ всемъ, что къ тому селу изстари потягло. (А. А., т. I, № 74).

дующее посланіе Митрополита Юны Казанскому царю Ахмету 1460 года: «вольному царю Казанскому Юна, Митрополитъ Кіевскій и всея Руси, достойную честь великому ти господарству симъ нашимъ писаніемъ послало есмо. Слыши, что же Вышняго Бога силою держиши свое государство всимъ кунцемъ нашимъ и иныхъ земель кунцемъ изкомы и убытковъ нѣтъ нѣкоторыхъ, ни отъ кого... и на то надѣся, на твое великое имя и дръжаву, послали есмо до Казани сего своего слугу съ своею рухлядью. И прошу великое твое господство, чтобы еси того нашего человека въ пошлannahъ велѣлъ своимъ пожаловать». (А. Ист., т. I, № 67).

Сверхъ доходовъ, получаемыхъ Митрополитами отъ ихъ владѣній и торговли, они пользовались такъ-называемыми церковными пошлинами или данями отъ церковныхъ причтовъ,¹ такъ-называемыхъ тяглыхъ церквей; но не отъ однихъ причтовъ Митрополиты и Патріархи получали дани, но и отъ мирскихъ людей, объ этомъ ясно говорится въ грамотѣ Патріарха Іосифа 1667 года: «въ прошломъ во 161 году по указу Великаго Государя Царя и Великаго Князя Алексія Михайловича всея великія и малыя и бѣлыя Россіи Самодержца, изъ нашего Казеннаго приказа посланы Его Великаго Государя дворяне въ нашу патріаршую область во всея города и уѣзды і в девятины описывати въ городѣхъ и уѣздахъ, приходскіе церкви, і в дворѣхъ церковниковъ, і церковную землю, пашню, і сѣнные покосы, і всякіе угоды, и прихожанъ велено по иманіемъ писать. А описавъ тѣ церкви, писцы по

¹ Въ уставѣ Великаго Князя Владиміра сказано: «а се суды церковные Роспуски, и смилное заставаніе, пошибаніе, помычки промежи мужемъ и женою о животехъ, во племени, и въ сватовствѣ поймаются, вѣдовство, потворы, чародѣйство, волхваніе, зеленчество, уреканіе требляднаго, излѣретичествомъ, зуболса или сынъ отца бѣтъ, или дѣти матеръ бѣтъ, или сноха свекровь, или кто уречется скверными словесы и прилагая отца, или матеръ, или сестры; или дѣти, или племя сляжуются о задницѣхъ, церковная татьба, мертвецовъ сволочать, крестъ подѣкнуть, или скотъ, или птицы, или дѣи безъ великія нужды сведеть въ церковь, или ино что неподобное церкви содѣтъ, или два друга именася бити единаго жена другаго иметь за дово и раздавить, или кого застануть съ четвероножною, или кто подъ овчюмъ молится, или во ржи, или подъ рощеніемъ, или у воды, или дѣвка дѣти повержетъ, то всея суды церквамъ Божиимъ даны суть, Царю, и Князю, и бояромъ, и судьямъ въ тѣ суды не вступатися». (Глава 63). Всея ли сіи права сохранялись у Московскихъ Митрополитовъ неизвѣстно, но объ нѣкоторыхъ можно сказать утвердительно.

указу Великаго Государя, данью окладывали с понова двора по 4 денги, з дьяконова по 2 денги, з дьячкова, и понамарева, и с просвириницына, и з бобыльскихъ по денгѣ с двора; з боярскихъ і съ княженецкихъ, з дворянскихъ и з дѣтей боярскихъ, і Государевыхъ дворцовыхъ сель съ прикащиковыхъ по 6 денегъ з двора; с посадскихъ людей; с старостинныхъ, і с цѣловальниковыхъ, с крестьянскихъ по 4 денги з двора; с казачьихъ, и стрелецкихъ, и с пушкарскихъ по 2 денги з двора; з бобыльскихъ и боярскихъ дѣловыхъ людей по денгѣ а двора; с прудовныхъ, з бортиныхъ ухажеевъ, и с рыбныхъ ловель, і з бобровыхъ тоновъ, з знамени по 3 алтына з денгою; с церковные земли, с пашни, с четверти по 3 денги; с сенныхъ покосовъ по 2 денги съ конны; да сверхъ того окладу десятильниковъ и заѣзда по 3 алт. по 2 ден. с церкви; да казенныхъ платежныхъ пошлинъ по 3 алт. по 3 ден. съ церкви. И какъ къ тебѣ наша грамота придетъ і тыбъ сыну во своей архіепископю (Псковской) приходцкіе церкви данью велѣлъ окладывать противъ того, какъ выше сего написано». (Строев. Сбор., № 101). Конечно, прежде не было такого порядка, но тѣмъ не менѣе всѣ классы жителей подлежали митрополичей и епископской дани.

Грам. Ростов. архіен. Тихона 1493 г.: «чтобъ десятинники и данищники мои съ монастырскихъ Кириловскихъ священниковъ, у моее дани полоть и ишенинъ не имали, по сей моей грамотѣ, ни алтыновъ». (А. А., т. I, № 128 и 125 л.) Эти доходы имѣли различные разряды, которые сохранялись даже до позднѣйшихъ временъ при патриаршествахъ и даже послѣ. ¹ Такъ это можно видѣть

¹ Начало этихъ доходовъ теряется въ глубокой древности; такъ въ 68-й главѣ Стоглава сказано: «А что преже сего въ митрополю і во архіепископыхъ, и въ епископыхъ ѣздилъ по городомъ и десятинамъ десятильники и заѣщики, а собирали свитяземъ дати по книгамъ и вою пошлины по грамотамъ и по книгамъ по старинѣ и въ томъ священникомъ и дьякономъ отъ десятильниковъ и заѣщиковъ была нужда великая и продажа отъ шлѣи впредь по цареву совѣту и сборному уложению по тѣмъ градомъ десятильниковъ и заѣщивамъ не ѣздитъ; з уставити по тѣмъ градомъ по велѣнъ и по десятинамъ десятиныхъ священниковъ да старость земныхъ цѣловальниковъ, которымъ Царь прикажетъ и тѣ старосты и цѣловальники съ тѣми десятиными священники святительскую дань и десятильничья и заѣщичья пошлины собирають по книгамъ и по грамотамъ, да отдаютъ свитяземъ снова съ году на годъ, на Рождество Христово или на сбор. (Стоглав. Биб. Пог., № 102 и 103).